

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФГАОУ ВО «ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
АКАДЕМИЯ ТРУДА И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ФГАОУ ВО «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РФ»
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ФЕДЕРАЦИИ НЕЗАВИСИМЫХ ПРОФСОЮЗОВ РОССИИ В ЮФО
СОП «ФЕДЕРАЦИЯ ПРОФСОЮЗОВ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ»

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

*Social partnership and social rights of citizens
in the constitutional space of modern Russia*

Сборник статей по итогам
Всероссийской научно-практической конференции
(22 марта 2024 г., Ростов-на-Дону — Москва)

*Издание осуществлено благодаря финансовой поддержке
профсоюзных организаций АО «Черномортранснефть»,
Ростовского государственного медицинского университета,
АО «Таганрогский завод «Прибой»
и АНО «Информационный центр пенсионной грамотности»*

Ростов-на-Дону — 2025

УДК 342.565.2
ББК Х620.14я43
С 69

*Печатается по решению оргкомитета
Всероссийской научно-практической конференции «Социальное партнерство
и социальные права граждан в конституционном пространстве современной России»*

Научный редактор:

Н.С. БОНДАРЬ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционализма юридического факультета Южного федерального университета (ЮФУ); руководитель НОЦ судебного конституционализма ЮФУ, заведующий центром судебного права ИЗиСП при Правительстве РФ, судья Конституционного Суда РФ в почетной отставке (г. Ростов-на-Дону)

Рецензент:

КОРНЕВ А.В., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Академии труда и социальных отношений (г. Москва)

С 69 Социальное партнерство и социальные права граждан в конституционном пространстве современной России : сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции «Социальное партнерство и социальные права граждан в конституционном пространстве современной России» (22 марта 2024 г., Ростов-на-Дону — Москва). — Москва — Ростов-на-Дону : Спутник науки, 2025. — 271 с. с ил.

Social partnership and social rights of citizens in the constitutional space of modern Russia : a collection of articles based on the results All-Russian scientific and practical conference “Social partnership and social rights of citizens in the constitutional space of modern Russia” (March 22, 2024, Rostov-on-Don — Moscow). — Moscow — Rostov-on-Don : Sputnik Nauki, 2025. — 271 pp.

УДК 342.565.2
ББК Х620.14я43

ISBN 978-5-6052252-4-9

Издание представляет собой собрание авторских научных работ, подготовленных на основе избранных выступлений участников Всероссийской научно-практической конференции «Социальное партнерство и социальные права граждан в конституционном пространстве современной России», состоявшейся 22 марта 2024 г. одновременно на двух площадках — в Южном федеральном университете (г. Ростов-на-Дону) и в Академии труда и социальных отношений (г. Москва), и отобранных экспертным советом конференции. Инициаторами мероприятия, посвященного памяти экс-председателя Конституционного Суда РФ, доктора юридических наук М. В. Баглая, выступили Южный федеральный университет (кафедра конституционализма юридического факультета ЮФУ), Центр исследования социально-трудовой сферы и проблем профсоюзного движения Института социологии и регионоведения, Научно-образовательный центр судебного конституционализма ЮФУ, Академия труда и социальных отношений, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, представительство Федерации Независимых Профсоюзов России в Южном федеральном округе, а также Союз Организаций Профсоюзов «Федерация Профсоюзов Ростовской области».

Тексты, представленные в сборнике, прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором были направлены авторами в редакцию.

Сборник адресован широкому кругу читателей, интересующихся проблемами современного российского конституционализма, уровнем эффективности реализации Конституции РФ как акта высшей юридической силы, Основного закона прямого действия.

© Коллектив авторов, 2025
© АНО «Спутник науки» (оформление), 2025

*Посвящается памяти
Председателя Конституционного Суда РФ
(в почетной отставке),
доктора юридических наук
Марата Викторовича Баглая*

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.

М. В. Баглай как человек, ученый, государственный
деятель и его вклад в теорию и практику
конституционализма 7
БОНДАРЬ Н. С.

РАЗДЕЛ I. КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН И СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ ОБЩЕСТВА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Социальная солидарность, равенство, справедливость —
ценностная основа формирования
социально ориентированного конституционализма 38
БОНДАРЬ Н. С.

Социальная функция государства 86
КОРНЕВ А. В.

Социальная солидарность
как конституционная ценность 104
КАРЦОВ А. С.

Социальное государство как основа
конституционного строя Российской Федерации 112
АКОПОВ Л. В.

Отражение принципа социального государства
в правовых позициях Конституционного Суда РФ 117
ЧУЙКОВ Д. А., СОЛОВЬЕВ А. В.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ
по вопросам организации и деятельности профсоюзов 125
БЕЛЫХ М. Л.

Проблемы обеспечения социальных прав
человека и гражданина в Российской Федерации 131
ЧЕПЕНКО Я. К.

Социальные права как объекты защиты в Конституционном Суде РФ	137
<i>ОВСЕПЯН Ж. И.</i>	
Соотношение социального государства и социальной справедливости в контексте обеспечения прав и свобод человека и гражданина	145
<i>ПАВЛОВА М. А.</i>	
Развитие системы обязательного социального страхования в России (на примере страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний)	152
<i>КОЧИНА А. С.</i>	
Развитие концепции социальных прав человека и гражданина в новой редакции Конституции Российской Федерации	162
<i>ЖЕЛО В. В.</i>	
Особенности обработки работодателем отдельных категорий персональных данных работников	167
<i>ЗИНОВЬЕВА О. П.</i>	
Перспективы развития юридических клиник вузов в механизме защиты конституционных прав граждан и формировании гражданской позиции студентов-юристов	176
<i>ГАБОВИЧ А. А.</i>	
Социальные права человека и реализация принципа социального государства в Российской Федерации	182
<i>КОСТЫЛЕВА Е. Д.</i>	
Отражение концепции социальной политики в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации	187
<i>МАЛИНЕНКО Э. В.</i>	
К вопросу о соблюдении конституционного права на труд в отношении выпускников вузов, имеющих ограниченные возможности здоровья	191
<i>ВАСИЛЬЕВА К. В.</i>	

Становление современного трудового права
в контексте интересов государства
и участников трудовых отношений 198
МИРОШНИЧЕНКО К. В.

Роль региональных трехсторонних соглашений
в развитии кадрового потенциала экономики 210
ТАТАРНИКОВА С. Н.

Вечные истины: репродуктивное здоровье человека
в системе конституционных ценностей 217
ПОСАДКОВА М. В., ГАВРИЛЕНКО Д. В.

РАЗДЕЛ II. М.В. БАГЛАЙ: РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Правотворческая функция
Конституционного Суда Российской Федерации:
взгляды М. В. Баглая, права человека
и современность 232
СЕМЧЕНКОВ А. А.

Теоретико-конституционная концепция М. В. Баглая
о социальном государстве и социальных правах 240
КРЫЛОВ К. Д.

Роль М. В. Баглая в развитии науки
конституционного права 253
СУЧИЛИН А. С.

Эссе о двух личных нотах
в партитуре юридической симфонии 261
ПАНКРАТОВ В. В.

Фотоматериалы 266

Некоторые труды М. В. Баглая,
посвященные профсоюзному движению
и конституционному праву 271

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

М. В. БАГЛАЙ КАК ЧЕЛОВЕК, УЧЕНЫЙ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И ЕГО ВКЛАД В ТЕОРИЮ И ПРАКТИКУ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

22 марта 2024 года состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Социальное партнерство и социальные права граждан в конституционном пространстве современной России», посвященная памяти ушедшего из жизни незадолго до этого М. В. Баглая, Председателя Конституционного Суда РФ в отставке, доктора юридических наук, профессора.

Проведение конференции было инициировано представительством Федерации независимых профсоюзов России в Южном федеральном округе, а ее организаторами стали Южный федеральный университет в лице юридического факультета (кафедра конституционализма и научно-образовательный центр судебного конституционализма), а также Академия труда и социальных отношений, в которой на протяжении многих лет работал Марат Викторович.

В фокусе внимания участников конференции находились как воспоминания о самом М. В. Баглае, его незаурядной личности, так и обсуждение в профессиональном сообществе вопросов, входивших в сферу научных интересов М. В. Баглая, имея в виду, в частности, конституционно-правовое обеспечение социальных и

экономических прав человека и гражданина, механизм их реализации и защиты; совершенствование социальных, экономических, юридических условий и гарантий трудовой деятельности в контексте решения задач модернизации экономики, углубления социального диалога. При этом анализ указанных вопросов естественным образом предполагал необходимость учета особенностей современной социально-экономической ситуации и геополитических вызовов, выработку путей и способов решения задач, которые отныне прямо закреплены в Конституции РФ, будучи связанными с утверждением социального партнерства, экономической, политической и социальной солидарности (см. ст. 75¹ Конституции РФ).

Одновременно важным фактором проведения конференции стало переосмысление — с учетом новых условий современного государственно-правового развития российского общества — истоков научных идей, практики отечественного конституционализма по формированию нормативно-правовой базы обеспечения и реализации социальных прав граждан. Одновременно это естественным образом предполагает и обращение к памяти, наследию тех ученых и практиков, которые стояли у истоков формирования соответствующих идей и концепций, их практической реализации. В перечне такого рода выдающихся личностей, безусловно, особое место принадлежит Марату Викторовичу Баглаю, воплотившему в своей деятельности органическую связь теории и практики конституционного процесса; его вкладу в решение соответствующих задач — и как **известного ученого** (доктора юридических наук, профессора, социальная проблематика для которого всегда была приоритетным исследовательским направлением), и как **практика, выдающегося государственного деятеля**, Председателя Конституци-

онного Суда России. Если же учесть еще и ряд аспектов, ставших яркими страницами биографии М. В. Баглая, связанными с Ростовом-на-Дону и Ростовским государственным университетом (далее — также РГУ), тем более понятным становится факт того, что именно личность М. В. Баглая предопределила цель, содержание и итоги научно-практической конференции, собравшей в стенах alma mater Марата Баглая сегодняшних представителей научного, академического, профсоюзного, судейского юридического сообщества, при активном участии Академии труда и социальных отношений, которой М. В. Баглай посвятил без малого два десятка лет (1977–1995) своего жизненного пути — в качестве проректора Высшей школы профсоюзного движения им. Н. М. Шверника (сегодня — той самой Академии труда и социальных отношений), заведующего кафедрой международного профсоюзного и рабочего движения (1977–1991), первого проректора — проректора по научной работе и заведующего кафедрой публичного права (1991–1995) этой Академии.

На основе собственного жизненного, научного, профессионально-юридического опыта с уверенностью могу утверждать: *наука — не только идеи, теории, концепции; это, прежде всего, — творцы, генераторы, носители, практические реализаторы научных идей.* Как имевший «привилегию» многолетних отношений с Маратом Викторовичем, включая профессиональную совместную деятельность в Конституционном Суде РФ (далее — КС РФ), могу ответственно заявить, что сформулированная выше своего рода профессиональная максима — это не только мое личное убеждение, но и мнение *Марата Викторовича Баглая*. Подтверждение этого — биография М. В. Баглая.

М. В. Баглай как человек (лично-биографические
качества с ростовскими корнями)

Биографический аспект профессионального и жизненного пути *М. В. Баглая* интересен тем, что, по словам самого Марата Викторовича, которые сохранились в памяти по итогам личных бесед с ним, за звание его малой родины соперничали три города бывшего Советского Союза — Баку, Одесса и Ростов-на-Дону. Этим фактом он гордился, причем каждый город по-своему был для него дорог.

Баку — место рождения Марата Викторовича, *Одесса* — где в Черноморском пароходстве работал его отец — военный моряк и прошли несколько лет школьной жизни *М. В. Баглая*. *Ростов-на-Дону* — сюда, в Азовское пароходство, впоследствии перевели по службе его отца, вместе с которым на новое место переехало и всё семейство Баглаев в 1948 году.

По словам Марата Викторовича, перевод отца в Азовское пароходство стал настоящей удачей. Эта удача была связана с тем, что по самому характеру, по своей человеческой натуре Марат Викторович воспринял Ростов как действительно свой город. Чего стоят его воспоминания, например, о том, что одно из его любимых мест — это Центральный рынок, где «базарный борщ» и рыба — самое вкусное, что он когда-либо ел. Одним словом, мы, ростовчане, никогда не сомневались в том, что первенство в соперничестве трех городов Марат Викторович всё же отдавал Ростову-на-Дону.

Ростовский этап в жизни *М. В. Баглая* ознаменовался тем, что он окончил с отличием школу № 13 (которая расположена в районе Нахичевань), но... без медали. *«Тогда с этим было строго, на школу выделили только одну, и дирекция решила отдать ее моему однокласснику — Саше Мержанову. Я полагаю, совершенно справедливо. Впоследствии он стал*

академиком РАН, директором одного из крупных академических институтов»¹.

Следующая особая страница его биографии — своего рода трамплин к юридическому олимпу. Такой стартовой площадкой стал Ростовский государственный университет, его *alma mater*, духовную связь с которой он сохранил на всю жизнь.

Невероятно интересны воспоминания студента РГУ Марата Баглая. Как тепло он отзывался о преподавателях и о том, как постепенно формировалась его личность — личность будущего ученого и государственного деятеля.

Ниже приведены фрагменты высказываний М. В. Баглая, касающиеся ростовского периода его жизни.

О преподавателях:

«Прекрасным знатоком уголовного процесса, прежде всего всех практических аспектов предмета, был И. И. Малхазов».

«Запомнились яркие лекции К. М. Симиса, читавшего нам государственное право зарубежных стран. Именно он привил мне любовь к истории искусств, я стал много читать и об этом. Регулярно посещая библиотеку, я прочитал многих, почти забытых тогда поэтов Серебряного века, причем часто брал дореволюционные издания, с еще не разрезанными страницами. Особенно нравились Гумилев, Северянин».

Не случайно именно поэты Серебряного века оказали на него огромное влияние с точки зрения формирования ми-

¹ Этот, как и несколько других фактов биографии М. В. Баглая. — его воспоминания, которыми он поделился с известным историком права и, что не менее важно, признанным историографом юридического факультета Ростовского госуниверситета профессором К. П. Краковским (см. его фундаментальный (объемом в 475 страниц) труд «Нить времени. История юридического факультета Варшавского-Донского-Ростовского-Южного федерального университета. 1915–2015 гг.»; второе издание книги выпущено в свет издательством Южного федерального университета в 2015 году).

ровоззрения. Пожалуй, процесс эволюционного роста личности М. В. Баглая во многом созвучен известным строкам Игоря Северянина из произведения «Стихи о человеке»:

Меж тем как век — не вечный — мечется
И знаньями кичится век,
В неисчислимом человечестве
Большая редкость — Человек.

Исключительно многогранной личностью был Марат Викторович Баглай, и это результат, в том числе, студенческого периода его жизни, связанного с Ростовским государственным университетом. В те годы М. В. Баглай был довольно свобододлюбивым человеком. Он отличался творческим подходом ко всем сторонам жизни, в том числе в профессиональной деятельности, что отражено и в его воспоминаниях.

Из воспоминаний М. В. Баглая об однокурсниках и студенческой жизни:

«Среди однокурсников было довольно много ветеранов (и даже инвалидов) Великой Отечественной войны. Уже в эти первые годы существования молодого факультета поощрялось занятие студентами научной работой».

«В 1953 г. с однокурсником В. Козубом мы решили издать рукописный журнал, факультетский сатирический «самиздат». Я написал поэму о факультете, басни... Пустили единственный экземпляр нашего издания, которое называлось «Может, поможет», по рядам студентов-юристов, но уже вскоре после «выхода в свет» он попал «куда надо». Такой «самиздат» вышел нам «боком». На заседании парткома нам пришлось оправдываться...».

«Художественная самодеятельность расцветала в те годы. Мы поставили в драмкружке университета мюзикл

«Где эта улица, где этот дом?», я там даже дирижировал оркестром. В помещении клуба в главном корпусе ставили эстрадные спектакли, я был, что называется «многостаночником»: и писал тексты, и выступал в качестве конферансье и аккомпанировал на фортепиано.

Из воспоминаний М. В. Баглая о своей alma mater:

«Юрфак окончил в 1954 году с отличием. Впрочем, была одна четверка — по трудовому праву... В конце 40-х начале 50-х годов юридический факультет РГУ еще не был сильным вузом по своему преподавательскому составу... Но прочные основы юридических знаний здесь были заложены, и даже сейчас я довольно хорошо помню догму права».

*После Ростовского государственного университета — в Москву,
с ориентацией на науку как профессиональное
направление деятельности*

В качестве точки отсчета следующего этапа своей жизни М. В. Баглай избрал одно из ведущих научных учреждений страны — знаменитый Институт государства и права АН СССР (ИГП АН СССР).

В 1957 году он окончил аспирантуру ИГП АН СССР и защитил кандидатскую диссертацию по ранее избранной социальной проблематике зарубежных (буржуазных) стран, продолжая и углубляя исследования соответствующих проблем. В 1968 г. он защитил уже докторскую диссертацию, а в 1970 году получил звание профессора.

С 1957 по 1962 гг. М. В. Баглай работал в качестве научного сотрудника в Институте государства и права АН СССР.

В 1962–1967 гг. являлся доцентом кафедры государственного права Московского государственного института международных отношений МИД СССР.

С 1967 по 1977 годы Марат Викторович занимал должность заведующего отделом Института международного рабочего движения АН СССР (который позже был ликвидирован).

С 1977 по 1995 г. М. В. Баглай был назначен проректором, первым проректором Академии труда и социальных отношений. При этом он одновременно работал в качестве профессора кафедры конституционного права МГИМО МИД РФ.

30 мая 1997 года Марата Викторовича избрали членом-корреспондентом РАН по Отделению философии, социологии, психологии и права.

Большого уважения заслуживает его многолетняя плодотворная научно-педагогическая работа. Вместе с тем вряд ли было бы правильно отделять научную деятельность Марата Викторовича от его поистине выдающегося профессионально-юридического периода жизни — от работы в КС РФ, в том числе в качестве его председателя. Поэтому и название следующей части данного очерка будет оправданным связать с вкладом ученого в конституционное право.

М. В. Баглай как ученый, судья Конституционного Суда РФ,
а впоследствии — его председатель

Научная биография Марата Викторовича может быть представлена в виде своего рода формулы — *«От трудового права буржуазных стран — к вершинам теории и практики отечественного конституционализма»*. Этот тезис получил свое отражение и в плане периодизации профессионального пути М. В. Баглая, и с точки зрения эволюции его научных интересов, отражением которых явились его многочисленные труды. С одной стороны, это тематика диссертационных исследований Марата Викторовича. Так, темой его кандидатской диссертации стали «Правовые вопросы забастовочного движения в США», а докторской — «Социальная деятель-

ность империалистического государства: политические и правовые аспекты»). Первые научные публикации содержали обоснование основных положений и выводов, сформулированных в диссертационных работах («Ограничение права на забастовку в США»¹, «О функции социальной деятельности империалистического государства»²), и были посвящены проблематике правового государства («Правовое государство: от идеи к практике»³, «Только закон: размышления о сути правового государства»⁴), правовому статусу профсоюзов («Перестройка и профсоюзы»⁵, «Профсоюзы в политической системе социализма»,⁶ «Советские профсоюзы: роль, функции, права»⁷, «Коммунисты и профсоюзы»⁸) и др.

В последующем же свет увидели фундаментальные монографии и учебные издания по вопросам отечественного и зарубежного конституционного права, научные комментарии к Конституции РФ, в том числе такие значимые научные труды, как «Дорога к свободе»⁹, «Президенты Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки: роль, порядок выборов, полномочия»¹⁰.

Особое место в научном творчестве М. В. Баглая занимает учебник «Конституционное право Российской Федерации»,

¹ Советское государство и право. — 1957. — № 8.

² Советское государство и право. — 1966. — № 6. — С. 77–85.

³ Коммунист. — 1989. — № 6. — С. 3–7.

⁴ Известия. — 1988.

⁵ Коммунист. — 1987. — № 12.

⁶ Москва: Юрид. лит., 1984. — 127 с.

⁷ Москва: Прогресс, 1982. — 302 с.

⁸ Борьба революционного авангарда за укрепление и единство международного профсоюзного движения / под общ. ред. проф. М. В. Баглая. — Москва: Профиздат, 1977. — 336 с.

⁹ Москва: Международ. отношения, 1994. — 318 с.

¹⁰ Баглай, М. В. Президенты Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки. Роль, порядок выборов, полномочия / 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: НИЦ Инфра-М, 2012. — 144 с.

который стал своего рода каноном отечественной юриспруденции; он выдержал уже четырнадцать переизданий! «Очень дорожу учебником «Конституционное право РФ» <...>. Я провожу идею о России как о президентской республике. Этот подход позволяет понять логику построения всех государственных институтов», — так высказывался о своем детище сам автор. Интересна также оценка М. В. Баглаем значения специалистов в области конституционного права: «По моему глубокому убеждению, конституционалисты — это сильные и универсальные ученые, они всегда отличались глубиной познания всей правовой системы, не в обиду представителям других отраслей юридической науки будет сказано». Остается лишь констатировать, что только с такими профессионально-юридическими и мировоззренческими убеждениями можно носить ответственное звание судьи Конституционного Суда России.

М. В. Баглай — конституционный судья

7 февраля 1995 года Марат Викторович Баглай был избран девятнадцатым судьей Конституционного Суда РФ. При этом в поддержку его кандидатуры был отдан 101 голос, против — 29. Выступая в Совете Федерации при назначении, он заявил, что *«только закон должен определять жизнь государства. Никакая целесообразность не может определять жизнь закона. Целесообразность — смерть законности»*. Он считал, что *«главная опасность для прав и свобод человека исходит от исполнительной власти»*, поэтому ее следует в первую очередь *«контролировать и направлять в отношении обеспечения прав и свобод человека, которые провозглашаются»*¹.

¹ Баглай, М. В. // Конституционный Суд РФ. — URL: <https://www.ksrf.ru/ru/info/Judges/pages/judge.aspx?Param=22>.

— С этого момента, — заявил Марат Викторович, — починаюсь только Конституции...

20 февраля 1997 г. при выдвижении кандидатов на освободившуюся должность Председателя КС РФ он набрал больше всего голосов (11) и был избран председателем в первом туре 12 голосами. В день своего избрания Председателем КС РФ он дал несколько интервью, в которых заявил, что Конституционный Суд это «прочный корабль, с прекрасным капитаном, он шел правильным курсом... Этот курс будет продолжен»¹.

21 февраля 2000 года М. В. Баглай был переизбран Председателем КС РФ («за» было отдано 18 голосов, против — 1)².

— Я получил в кругу судей, — шутил М. В. Баглай, — неофициальное прозвище «мистер-кворум».

На посту Председателя КС РФ Марат Викторович многое сделал для становления этого важнейшего демократического института, а также для защиты национальных интересов России и укрепления ее авторитета в мире. Он действительно был сторонником поиска баланса интересов — поиска компромисса, а не навязывания своего мнения. В период нашей совместной с Маратом Викторовичем работы в КС РФ проекты постановлений обсуждались по пять-шесть раз, и дискуссия могла продолжаться полтора месяца. Кому-то казалось это долгим и, как следствие, принималось мало постановлений, но следует признать, что такое положение дел объяснялось желанием найти компромисс. При этом Марат Викторович Баглай всегда оставался человеком, гражданином, ученым и государственным деятелем в одном лице — эти стороны его личности очень органично сочетались, безо всякой оглядки на «медные трубы».

¹ Баглай, М. В. // Конституционный Суд РФ. — URL: <https://www.ksrf.ru/ru/info/Judges/pages/judge.aspx?Param=22>.

² Председатели Конституционного Суда РФ с 1991 года. Досье // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/info/4919399>.

В его представлении совершенно естественным образом сопрягались юридическая наука и судебная практика. Причем такое сопряжение было не просто желательным, но необходимым, как для той, так и для другой стороны.

Деятельность КС РФ и прежде всего подготовка судьями постановлений и определений есть аналитическая работа, опирающаяся на научно-исследовательский фундамент. Не случайно большинство судей сами активно занимаются научными изысканиями. Вообще говоря, КС РФ может рассматриваться как весьма специфическая (организованная на государственно-властных началах) научно-исследовательская лаборатория, которая тесно соотносится с научным сообществом через доктринальные идеи по актуальным проблемам современной конституционной юриспруденции. Достаточно отметить, что абсолютное большинство судей действующего состава КС РФ (13 из 15) имеют научную степень по юридическим наукам (11 докторов и 2 кандидата наук). Такой характер научной квалификации штата сопоставим с уровнем полноценной научно-исследовательской организации. В период, когда в составе КС РФ было 19 судей (как это было предусмотрено Конституцией 1993 г.), удельный вес «остепененных» судей был еще выше — 15 докторов и 2 кандидата наук (из 19 судей)¹.

¹ См. об этом: Бондарь, Н. С. Конституционное правосудие и развитие конституционной юриспруденции в России // Журнал российского права. — 2011. — № 10. — С. 35–46; Бондарь, Н. С. Акты конституционного правосудия как межотраслевой источник практической юриспруденции // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2014. — № 1. — С. 8–16; Бондарь, Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и конституционно-судебная практика. 2-е изд., перераб. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2015. — С. 132–134; Бондарь, Н. С. Публичное и личное: поиск баланса продолжается... Мемуарная юриспруденция / 2-е изд., перераб. и доп. — Ростов-на-Дону — Москва — Санкт-Петербург: Юрист, 2020. — С. 275–276.

Основой такого взаимодействия является постоянный обмен идеями, а по формальным показателям — в том числе в части подготовки судьей КС РФ научных работ, участия в конференциях, научных форумах и круглых столах и т. д.

Показателен следующий факт, характеризующий судью КС РФ М. В. Баглая как ученого: в период за несколько лет до того, как Марат Викторович стал Председателем КС РФ в Израиле вышла интересная монография Председателя Верховного Суда Израиля Аарона Барака «Судейское усмотрение»¹. Профессор А. Барак подарил Марату Викторовичу это издание во время их встречи в Израиле в 1998 году, сказав, что попытался обобщить в ней многообразный и многолетний опыт судейской деятельности разных демократических стран.

Марат Викторович заинтересовался этой книгой — нашел спонсоров для перевода и издания книги; при этом он сам написал вступительную статью к русскоязычному изданию, и сейчас эта книга является одной из тех, которая с интересом воспринимается не только и не столько учеными, сколько судьями и практикующими юристами.

Сам М. В. Баглай вспоминал об этом так:

— Как-то много лет назад мне в руки попалась вышедшая в Израиле книга Председателя Верховного Суда Израиля Аарона Барака «Судейское усмотрение». Прочитав ее, я решил, что она будет полезна и для отечественных юристов, и для судебной системы России, в целом. Нашел спонсоров (Еврейский конгресс) для финансирования перевода с английского (эту работу качественно выполнил Б. А. Страшун) и издания (см.: А. Барак «Судейское усмотрение». — Москва: Норма, 1999).

¹ Перевод с английского. — Москва: НОРМА, 1999. — 376 с.

*Идеи М. В. Баглая о судебном усмотрении,
судебном правотворчестве и прецеденте*

Весьма интересными являются взгляды Марата Викторовича Баглая на судебное усмотрение и прецеденты. Он не боялся об этом говорить, имея в виду не «заокеанские» традиции судебного прецедента (там это явление имеет другое значение: понятие судебного прецедента в рамках общей системы права иное). Для нас — это предоставление большей возможности суду и судье в рамках рассмотрения конкретного дела искать дорогу к справедливости. Если она (эта дорога) перекрыта либо правовыми пробелами, либо противоречиями в законодательстве, либо неясностью законодательства судья не имеет права останавливаться. Он должен преодолеть эти «завалы» в законодательстве, что возможно, лишь обладая достаточно высоким уровнем самостоятельности, а также инструментарием судебного усмотрения. И, таким образом, вырабатываются, в том числе прецедентные начала иного характера, иной природы по сравнению с общим англо-саксонским правом. *«Судья должен следовать своему усмотрению и выносить решение, не останавливаясь перед неясностью или пробелами в законе. — считал М. В. Баглай, — Это судебное усмотрение, конечно, не судебный прецедент в классическом понимании стран общего права, но всё же важное средство укрепления правовой системы».*

Как было отмечено Маратом Викторовичем во вступительной статье к книге А. Барака «Судейское усмотрение», *«судейское усмотрение существовало у нас и в прошлом, но сейчас стало особенно необходимым. Прежняя бедность общественной жизни и скованность человеческой инициативы сейчас сменяется таким их многообразием, что никаких законов для регулирования конфликтов и споров уже недостаточно <...> Тот, кто в этих все усложняющихся условиях отрицает необ-*

ходимость судебного усмотрения, тем самым обрекает трудноразрешимые конфликты, которые из жизни всё равно не вычеркнуть, на неурегулированность, а общество — на хаос»¹.

В современной отечественной судебной-правовой системе особое значение имеет судебной-правотворческой деятельность КС РФ, на основе которой формируется система реального (судебного) конституционализма как своего рода генетической основы, предпосылки формирования прецедентных и иных нетипичных источников судебного правоприменения, утверждения «права суда». Это предполагает высокий уровень конституционализации всех отраслей законодательства, равно как и правоприменительной практики. На этой основе базируется система нетипичных источников судебного правоприменения, главными ориентирами для которых являются конституционные принципы и ценности. Поэтому в систему нетипичных источников судебного правоприменения должны включаться не только так называемые дополнительные, вторичные источники права; для судебной-правоприменительной деятельности принципиально важное значение имеют своего рода «мета-источники» права, которые в этом качестве тоже могут рассматриваться в ряду нетипичных источников, но не «вторичного», а основополагающего уровня судебного правоприменения².

Решения КС РФ как особый вид нетипичных конституционных источников правовой системы могут быть охарактеризованы в триедином качестве:

- а) все они являются источниками конституционного права;
- б) одновременно могут быть конституционно значимыми источниками отрасли права (как процессуального, так и

¹ Баглай, М. В. Вступительная статья к книге А. Барака «Судейское усмотрение». — Москва: Норма, 1999. — С. 8.

² Бондарь, Н. С. Нетипичные источники судебного правоприменения: конституционные механизмы формирования и реализации // Журнал российского права. — 2024. — № 2. — С. 5–27.

материального), к которой принадлежат проверяемые законоположения (если это не есть нормы, относящиеся к сфере исключительного конституционного регулирования);

в) могут породить общесистемные, межотраслевые правовые эффекты на макроуровне правовой действительности, связанные с комплексным преобразованием правового регулирования и правоприменительной практики, выступать в этом случае «источником источников права»¹.

Наряду с нетипичными источниками судебного правоприменения метаправового (конституционного) уровня имеет место значительно более *широкий перечень источников нетипичного характера, которые могут быть определены как вспомогательные, дополнительные*. Однако таковыми они являются не в силу второстепенности или факультативности. В отличие от приоритетных, с точки зрения судебного правоприменения нетипичных источников конституционного (метаправового) характера, они могут быть реализованы исключительно в том случае, если отсутствуют общепризнанные формальные источники права (федеральные и региональные законы, подзаконные нормативные правовые акты).

Первым в ряду правовых явлений, относящихся к исходным нормативным факторам кристаллизации, утверждения нетипичных источников судебного правоприменения, является *профессиональное правосознание судьи*. Значение правосознания в правовой жизни общества во многом определяется типом правопонимания, поэтому ограничимся здесь лишь указанием на то, что использование интегративных подходов в рамках широкого, конституционно значимого, социокультурного правопонимания позволяет найти

¹ См.: Бондарь, Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. — Москва, 2016. — С. 21, 127–138 и др.; Бондарь, Н. С. Правосудие: ориентация на Конституцию / Н. С. Бондарь, А. А. Джагарян. — Москва, 2018. — С. 108–112.

место и роль профессионального правосознания в системе нетипичных источников судебного правоприменения, имея в виду, что само по себе правосознание есть фундаментальное духовное образование, во многом определяющее нормативные параметры правовой действительности¹.

— Я убежден, что судебная деятельность — это не «ремесло», а творческая работа; судья должен иметь право свободно толковать закон и закладывая в свои приговоры и решения свои размышления о праве, — отмечал М. В. Баглай.

*О стабильности и святости Конституции,
о значении судебной власти*

По мнению М. В. Баглая, «Конституция сродни зданию небоскреба или сложной конструкции. Измени одну деталь конструкции, особенно, если она «несущая», и может пострадать вся конструкция в целом; «тронь здесь — «поедет» все здание. И хотя Конституция РФ, безусловно, имеет скрытые неясности, однако их устранение легко достижимо методом толкования Конституционным Судом».

Он замечал: «Позволю себе перефразировать известную максиму поэта Е. Евтушенко: «Судья в России меньше, чем судья». Могу с уверенностью сказать, что исполнительная власть во все времена стремилась иметь «карманный» суд. Даже тогда, когда она провозглашала его независимость в законе. «Телефонное право» оказалось бессмертно».

Размышляя об этих проблемах в том же направлении, как судья КС РФ, я пришел к выводу, что **«Конституционный Суд — больше, чем суд»**. Вспоминаю, как впервые высказал эту мысль на заседании КС РФ под председательством

¹ Бондарь, Н. С. Суд — генератор нетипичных источников правоприменения (в контексте отечественного конституционализма) // Российская юстиция. — 2023. — № 12. — С. 3–10.

М. В. Баглая. Он с этим тезисом был согласен (см. об этом: Бондарь, Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография / Н. С. Бондарь. — 2-е изд., перераб. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. — С. 82–95).

Новаторские подходы М. В. Баглая проявлялись и по многим другим профессионально значимым вопросам. Он был активным сторонником, например, утверждения административного судопроизводства в качестве относительно самостоятельного. *«Административное судопроизводство, как одно из четырех основных видов судопроизводства, было бы очень полезно, если бы оно реализовалось еще и в специальную систему административных судов»*, — считал он.

Марат Викторович был редким человеком, Человеком с большой буквы. Об этом свидетельствуют не только и не столько его профессиональный путь; должности, которые он занимал, а также его звания и награды, сколько то, что в фокусе его научных и профессиональных интересов всегда находился сам человек, его права и свободы. *«Права человека — не только объект судебной защиты но и критерии конституционности правовых актов»*, — утверждал Марат Викторович, имея в виду естественные права человека и гражданина и с этим поначалу не все соглашались, и это надо было реализовать в практике конституционного правосудия, что тоже заслуживает самостоятельного внимания.

М. В. Баглай — вдохновитель и разработчик
концепции социального государства, социальной защиты
граждан, социальных прав человека и гражданина в России

В 1994 году вышла одна из наиболее известных книг М. В. Баглая «Дорога к свободе»¹. В ней он отвечает на во-

¹ Москва: Международные отношения, 1994. — 318 с.

просы: можно ли совместить свободу с равенством и справедливостью? что получилось со свободой в условиях капитализма? в какой мере свободен современный человек Запада? может ли быть эффективной общественная система без свободы? М. В. Баглай в своей работе раскрывает трудности создания правового государства и рыночной экономики, причины роста социальной напряженности в России.

При непосредственном участии Марата Викторовича как члена Конституционного совещания в 1993 году в Конституцию РФ была включена ст. 7 о том, что Россия является социальным государством. Неоспорим тот факт, что М. В. Баглай является одним из ключевых исследователей концепции социального государства в России. В своем учебнике по конституционному праву¹ он отмечает: *«социальным называется государство, которое берет на себя обязанность заботиться о социальной справедливости, благополучии своих граждан, об их социальной защищенности. Это государство не стремится к уравниловке за счет отказа от свободы, как это делало социалистическое государство. Напротив, оно увязывает свободу и социальную защиту социально слабых слоев (безработных, нетрудоспособных, инвалидов и т. д.), поскольку между этими целями существует определенное противоречие. Социальное государство как бы исправляет формализм понятий «свобода» и «равенство», помогая людям непредприимчивым и бедным».*

«Социальное государство — это нечто большее, оно призвано создавать условия для обеспечения граждан работой, перераспределять доходы через государственный бюджет, обеспечивать людям прожиточный минимум и содействовать увеличению числа мелких и средних собственников, охранять наемный труд, заботиться об образовании, о

¹ Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. — 14-е изд., изм. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2025. — 704 с.

культуре, семье и здравоохранении, постоянно улучшать социальное обеспечение и др. <...> Государство должно бороться не против богатства, а против нищеты, оно отрицает чрезмерный этатизм в распределении благ, поощряя социальную функцию частной собственности»¹.

М. В. Баглай провел глубокий анализ содержания социальных прав, механизмов защиты и их реализации в российской практике. Данная проблематика была затронута им и в особом мнении судьи КС РФ к Постановлению КС РФ от 04.04.1996 № 9-П², в котором он отметил, что свобода выбора постоянного места жительства *«может быть реализована только при условии, что не нарушаются права и свободы других лиц»*. В ограничении прав одних лиц может состоять правомерная защита прав других лиц, а справедливые льготы отдельным гражданам исправляют этические пороки формального равенства между всеми гражданами.

Работы М. В. Баглая, безусловно, сохраняют свою актуальность и будут выступать в качестве ориентира для ученых, законодателей, практиков и для всех тех, кто интересуется данной проблематикой, еще многие-многие годы.

Профсоюзы в системе гарантирования социально-трудовых прав граждан

Как отметил во вступительном слове к монографии «Конституционно-судебная защита социально-трудовых прав с участием профсоюзов»³ занимавший в тот период

¹ Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. — 14-е изд., изм. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2025. — С. 130–131.

² СЗ РФ. — 1996. — № 16. — Ст. 1909.

³ Бондарь, Н. С. Конституционно-судебная защита социально-трудовых прав с участием профсоюзов / Н. С. Бондарь, А. А. Джагарян. — Москва, 2008. — 180 с.

должность Председателя Федерации Независимых Профсоюзов России М. В. Шамаков (в настоящее время он занимает пост Президента ФНПР), Конституцией РФ признаются и гарантируются социально-трудовые права и свободы, которые наряду с другими правами человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. А это означает, что соответствующие права обладают всеми свойствами конституционных, непосредственно действующих прав.

Обеспечение эффективной защиты этих и других социальных прав граждан предполагает активную деятельность профессиональных союзов, в том числе посредством привлечения институтов конституционно-судебного контроля и внедрения в общественную практику выработанных им правовых позиций¹. При этом важно, что вопросы трудового законодательства и социальной защиты граждан часто становятся предметом рассмотрения в КС РФ². Более того, сами профсоюзы нередко и выступают субъектами обращения в КС РФ³.

¹ См. об этом.: Бондарь, Н. С. Конституционно-судебная защита социально-трудовых прав с участием профсоюзов / Н. С. Бондарь, А. А. Джагарян. — Москва, 2008. — 180 с.

² См., например, Постановления КС РФ: от 27 апреля 2024 года №22-П, от 24 июня 2024 года №32-П; Определения КС РФ: от 19 января 2021 г. №1-О, от 8 апреля 2021 г. №593-О, от 9 апреля 2024 года №832-О и №833-О, от 11 июня 2024 года №1442-О.

³ См., например, Постановление КС РФ от 27 октября 2020 г. №44-П; Определение КС РФ от 18.07.2017 №1551-О (не оспаривая сделанный КС РФ итоговый вывод о том, что отсутствуют основания для принятия жалобы к рассмотрению, но, не согласившись с положенной в его основу аргументацией по данному определению, мною было высказано мнение как судьей КС РФ, в котором были отражены принципиальные для рассматриваемых вопросов выводы. — URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision281841.pdf>).

В РФ профессиональные союзы также признаются на уровне Основного закона. Согласно ч. 1 ст. 30 Конституции РФ каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Тем самым Конституция РФ утверждает право на создание профессиональных союзов одним из правомочий в составе более широкого по объему права на объединение, а сами профессиональные союзы — как специальную организационную форму защиты интересов граждан. В соответствии с этим конституционные основы правового положения профсоюзов, базовые параметры их целей, задач, функций, содержания, пределов и форм деятельности определяются также, в частности, ст. 13 (ч. 5), 15 (ч. 1 и 2), 17 (ч. 3), 29, 31, 32 (ч. 1), 33, 35, 37, 45 и 46 Конституции РФ, которые в приложении к профсоюзам предусматривают: их равенство перед законом, обязанность соблюдать Конституцию РФ и законы; недопустимость злоупотребления своими правами; возможности по осуществлению защиты интересов своих членов посредством распространения информации (в том числе путем организации средств массовой информации), которая, однако, не должна возбуждать социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, пропагандировать социальное, расовое, национальное, религиозное или языковое превосходство, через проведение публичных мероприятий и направление обращений в органы публичной власти, включая суды; гарантии прав профсоюзов, в том числе защиту их собственности.

При этом следует иметь в виду, что нормы ч. 1 ст. 30 Конституции РФ напрямую не определяют круг защищаемых профсоюзами интересов, не ограничивают их какой-либо конкретной предметной сферой: употре-

бляемая в ней формула «своих интересов» находится в логико-смысловой связи с установленным ею субъектом права на объединение, то есть с «каждым». Следовательно, профсоюзная защита может осуществляться в отношении разнообразных интересов *личности*. Вместе с тем вполне очевидно, что основным связующим интересом при создании профсоюза, по самой сути этой организации, выступает профессиональный интерес, вытекающий из определенной трудовой деятельности, а потому данная организационная форма предполагает путем социально-трудовой самоорганизации и совершения коллективных действий защиту, прежде всего, производственно-трудовых интересов работников, но одновременно не исключает обеспечение иных — внепроизводственных — интересов личности. Так, в России профсоюзы традиционно принимали активное участие в социально-культурных процессах, хотя приоритеты их деятельности в этом направлении в различные периоды исторического развития государства менялись. В первой половине прошлого века это были борьба с неграмотностью, развитие профессионального образования, организация досуга, развитие туризма и санаторно-курортного лечения, экономическое просвещение и т. д. К середине 1980-х гг. под контролем профсоюзов находились спорт, туризм, массовая культура, корпоративная культура на предприятиях, работа с детьми по месту жительства¹.

Содержание и объем социальной нагрузки профсоюзов таковы, что в научной литературе была сформулирована позиция о профсоюзе как самостоятельном базовом соци-

¹ См.: Нефедова, Л. И. Роль профсоюзов в регулировании социокультурных процессов в регионах и муниципальных образованиях современной России: автореферат на соискание ученой степени доктора социологических наук. — Москва, 2007. — С. 47.

альном институте, таком же, как государство, семья или церковь¹.

При анализе конституционных характеристик юридической природы и правового статуса профсоюзов нельзя забывать о том, что вне зависимости от внешне формального выражения и закрепления в нормах Основного закона атрибутивных признаков этого института по своим глубинным социально-генетическим свойствам он находится в неразрывной связи с системой народовластия, тесно соприкасается с государственно-политическими институтами демократии. Ведь само появление профсоюзных организаций исторически обуславливалось необходимостью разрешения коренных противоречий между трудом и капиталом через формирование воли и организованное представительство социально-экономических интересов рабочих как политического класса.

В советский период отечественной истории перед профсоюзами прямо ставилась конституционная цель — в соответствии со своими уставными задачами участвовать в управлении государственными и общественными делами, в решении политических, хозяйственных и социально-культурных вопросов; кроме того, они наделялись правом выдвижения кандидатов в депутаты (ст. 7 и 100 Конституции СССР 1977 года).

Важно учитывать, что развитие институтов конституционного строя Российской Федерации на началах правовой социальной государственности видоизменяет, но не отменяет публично-политические функции профсоюзных организаций. В системе новых конституционных координат генеральная направленность деятельности

¹ См.: Башмаков, В.И. Профсоюзы как институт регуляции социально-трудовых отношений: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. — Москва, 2001. — С. 16.

профсоюзов по защите трудовых прав граждан переплетается с фундаментальной конституционной функцией Российской Федерации как социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, охраняющего труд и здоровье людей, гарантирующего минимальный размер оплаты труда, а также комплекс мер социальной защиты (ст. 7 Конституции РФ). Не случайно Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»¹, раскрывая в ч. 2 ст. 22 права профсоюзов на социальную защиту работников, определяет их путем почти буквального воспроизведения положений названной статьи Конституции РФ, а именно — предусматривает, что профсоюзы вправе участвовать в *формировании* социальных программ, *направленных на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека*, в разработке мер по социальной защите работников, определении основных критериев жизненного уровня, размеров индексации заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и компенсаций в зависимости от изменения индекса цен, а также вправе осуществлять профсоюзный контроль за соблюдением законодательства в указанной сфере.

На уровне регионального конституционного (уставного) законодательства профсоюзы нередко наделяются правом законодательной инициативы по вопросам их ведения. Это имеет место, в частности, в республиках Алтай, Карачаево-Черкесия, Мордовия, Саха (Якутия), Хакасия; в Алтайском, Приморском крае; в Архангельской, Костром-

¹ См.: Федеральный закон от 12 января 1996 года № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // СЗ РФ. — 1996. — № 3. — Ст. 148.

ской, Оренбургской, Ростовской, Рязанской областях, в Еврейской автономной области. Тем самым и сегодня профсоюзы призваны обеспечивать вовлечение граждан в управление делами государства (ч. 1 ст. 32 Конституции РФ) посредством участия в выработке и реализации его социальной политики, формировании сбалансированных и гармоничных отношений социального партнерства между основными социальными группами, а также в определении справедливых параметров распределения национального дохода.

В системе действующего конституционно-правового регулирования профессиональные союзы выступают по существу в двуедином качестве: как форма производственно-профессиональной самоорганизации работников и одновременно элемент структуры государства, реализующий публичные функции. Свою основную конституционную функцию — защиту социально-трудовых прав — они осуществляют различными правовыми средствами, в том числе вступая с законодателем в спор о конституционности принимаемых им решений в процедуре конституционно-судебного контроля.

Право профсоюза на конституционную жалобу (его процессуальная конституционно-судебная правосубъектность) в силу природы данной организации как объединения граждан прямо следует из ст. 96 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» (далее — ФКЗ «О КС РФ»), предусматривающей возможность обращения в КС РФ объединений граждан. То, что профессиональные союзы подпадают под категорию «объединение» по смыслу этого ФКЗ было специально подтверждено и самим КС РФ. Определением от 19 февраля 1996 года № 2-О Суд установил: из ч. 1 ст. 96 ФКЗ «О КС РФ» следует, что профсоюз как объединение граждан, созданное для защиты прав и интересов своих

членов, вправе обратиться в КС РФ с коллективной жалобой на нарушение конституционных прав и свобод граждан законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле.

Однако, как быть в том случае, если законом предположительно нарушаются права самого профессионального союза как самостоятельного субъекта права? Например, на основании закона сужаются возможности по осуществлению профсоюзного контроля, производится отчуждение находящихся в собственности профсоюза имущественных объектов или изменяется правовой режим налогообложения? Данный вопрос, не получивший прямого ответа ни в ч. 4 ст. 125 Конституции РФ, ни в ст. 96 ФКЗ «О КС РФ», был разрешен в практике КС РФ, взявшего при этом курс на наиболее оптимальное с точки зрения правозащитной функции и социального предназначения института конституционного контроля истолкование соответствующих взаимосвязанных нормативных положений. В Постановлении от 24 октября 1996 года № 17-П признается допустимым конституционное обращение акционерного общества, товарищества и общества с ограниченной ответственностью, поданное в защиту их экономических прав. Таким образом, КС РФ сформулировал правовую позицию, имеющую общее значение для оценки допустимости конституционной жалобы объединений: по смыслу ст. 96 ФКЗ «О КС РФ» граждане и созданные ими объединения вправе обратиться с конституционной жалобой на нарушение прав, в частности, самого объединения в тех случаях, когда его деятельность связана с реализацией конституционных прав граждан, являющихся его членами (участниками, учредителями). Нарушение законом конституционных прав и свобод служит основанием для обращения за их

защитой в КС РФ. Эта правовая позиция в полной мере распространяется и на профсоюзы¹.

Что же касается конкретных правовых позиций КС РФ по защите социально-трудовых прав, то показательным является, например, решение КС об оплате дополнительной работы педагога, которая, по мнению Суда, не может включаться в сумму зарплаты, не превышающей минимального размера оплаты труда². Такое решение КС РФ принял 23 сентября 2024 года по жалобе Елены Харюшевой, учительницы из Архангельской области. Ставка

¹ Субъектами конституционной жалобы в разные периоды деятельности КС РФ выступали: 1) Воронежская территориальная организация профсоюза работников банков, финансовых организаций, кредитных потребительских кооперативов и обществ взаимного кредитования «Единство-Отечество»; 2) Воронежский областной профсоюз «Солидарность»; 3) Ивановское областное объединение организаций профсоюзов; 4) Московское городское и областного профсоюза водителей; 5) Независимый территориальный профсоюз работников различных форм собственности «Урал»; 6) Объединение свободных профсоюзов «Справедливость»; 7) Профсоюз летного состава РФ; 8) Российская Конфедерация Свободных Профсоюзов; 9) Российский профсоюз локомотивных бригад железнодорожников; 10) территориальная организация профсоюза кредитных организаций Воронежской области; 11) Свободный профсоюз работников МП «Медавтортанс»; 12) территориальное объединение организаций профсоюзов Свердловской области «Уральский профсоюзный центр»; 13) Тюменская территориальная организация Федерации профсоюзов авиационных диспетчеров РФ; 14) Федерация профсоюзов авиационных диспетчеров России; 15) Федерация профсоюзов Норильского горно-металлургического комбината им. А. П. Завенягина; 16) Центральный координационный совет Конфедерации свободных профсоюзов России; 17) Центральный совет профсоюза трудящихся горно-металлургической промышленности РФ; 18) Якутский республиканский комитет профсоюзов местной промышленности и коммунально-бытовых предприятий и др.

² Постановление КС РФ от 23.09.2024 №40-П // СЗ РФ. — 2024. — №40. — Ст. 6054.

учительницы была ниже минимального размера оплаты труда, и работодатель не оплачивал дополнительную работу (классное руководство, проверка письменных работ, управление учебным кабинетом и внеурочные занятия) сверх МРОТ, а прибавлял к этой заниженной ставке. И по сути выходило, что дополнительная работа не оплачивалась. Учительница при помощи профсоюзных юристов подала в суд иск о взыскании недоначисленной зарплаты. Что характерно, иск Харюшевой был не первым, до этого в суд обращалась ее коллега с аналогичными требованиями и дело это выиграла. А вот Харюшева проиграла в том же самом районном суде. Судья решил, что МРОТ — это зарплата, и все выплаты могут в нее включаться. Женщина дошла даже до Верховного суда, но и там не добилась справедливости. Все это время ей помогали профсоюзные юристы разных рангов¹.

7 декабря 2017 года КС РФ постановил, что компенсационные и стимулирующие выплаты в минимальный размер оплаты труда (МРОТ) не включаются. Более того, «северные» надбавки должны начисляться уже на всю зарплату. Такое постановление Суд огласил по делу о проверке конституционности положений статей 129, 133 и 133.1 Трудового кодекса РФ², и это была победа российских профсоюзов³. Они боролись за «чистый» МРОТ 10 лет, с тех пор как из Трудового кодекса была изъята соответствующая норма,

¹ Постановление КС в копилку профсоюза // Конституционный Суд Российской Федерации. — URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Press-srv/Smi/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=9557>.

² Постановление КС РФ от 07.12.2017 №38-П// СЗ РФ. — 2017. — №51. — Ст. 7913.

³ Теперь надбавки сверху // Конституционный Суд Российской Федерации. — URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Press-srv/Smi/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=5107>.

поскольку ее применение препятствовало дальнейшему повышению минимального размера оплаты труда¹.

КС РФ служит, таким образом, важным гарантом социально-трудовых прав граждан, а роль профсоюзов в обеспечении этих прав является конституционно значимой.

Вместо заключения:
жизнь человека выходит за рамки физического бытия

Говоря о заслугах М. В. Баглая как конституционалиста, нельзя обойти вниманием его воззрения и абсолютно личного характера, например, по поводу того, что ему всегда было дорого: в музыке — это Рахманинов и Шопен, в литературе — это русская поэзия и проза рубежа XIX—XX вв. — Пастернак, Северянин, Ахматова, Шолохов... Поэтому завершить очерк вполне логично еще одним четверостишием Игоря Северянина:

Ради шутки, ради смеха
Я хотел бы жить всегда!
Но ответило мне эхо: «Да!»
Повтори... еще... сначала...
Кто бессмертен, как мечты?
Снова эхо отвечало: «Ты!»

Бондарь Н. С.
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой конституционализма ЮФУ

¹ Конституционный Суд Российской Федерации: 30 лет на защите прав граждан. На примерах практики. — URL: <http://www.ksrf.ru/>.

РАЗДЕЛ I

КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН И СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ ОБЩЕСТВА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

УДК 342.72/.73

**СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ,
РАВЕНСТВО, СПРАВЕДЛИВОСТЬ —
ЦЕННОСТНАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО
КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА**

Бондарь Н. С.

*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой конституционализма ЮФУ,
руководитель Научно-образовательного центра
судебного конституционализма ЮФУ,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
заведующий центром судебного права ИЗиСП
при Правительстве РФ, г. Москва, Россия,
заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного Суда РФ (2000–2020 гг.)
в почетной отставке*

Аннотация. В рамках социальной проблематики как сферы научных интересов М. В. Баглая важное место всегда занимали вопросы социального партнерства, равенства, социальной солидарности и справедливости в соотношении с гарантированием социальных прав граждан; в свете конституционных поправок 2020 года эти подходы получили существенную актуализацию. На основе анализа нового нормативного содержания соответствующих положений Конституции РФ и практики их реализации автор приходит к выводу о формировании в системе российской государственности социально ориентированного конституционализма, в основе которого — приоритетное гарантирование социальных прав граждан, создание условий достойной жизни, обеспечение конституционно-

го равенства и справедливости, общего блага в интересах всех и каждого человека и гражданина России. Одновременно особое внимание уделяется роли Конституционного Суда РФ как важного фактора гарантирования социальных прав граждан, действенного инструмента развития социального конституционализма.

Ключевые слова: Конституция; конституционализм; социально ориентированный конституционализм; социальная солидарность; социальные права; судебная власть; судебная защита социальных прав; Конституционный Суд.

В рамках весьма широкой, многоплановой социальной проблематики, которая являлась предметом научных интересов в том числе Марата Викторовича Баглая, важное место занимают вопросы социального партнерства, социальной солидарности общества в соотношении с социальными правами граждан, что получило существенную актуализацию в свете конституционных поправок 2020 года.

*Социальная солидарность —
конституционный принцип развития
социальной государственности
и обеспечения социальных прав граждан*

Положения ст. 75¹ Конституции РФ о социальном партнерстве, экономической, политической и социальной солидарности относятся к важнейшим конституционным поправкам 2020 года, во многом предопределившим принципиально новые социокультурные, ценностные начала всей системы российского национального конституционализма. При том, что положения об основах конституционного строя России (гл. 1) и о правах и свободах человека и

гражданина (гл. 2) не могут быть пересмотрены путем принятия конституционных поправок (о чем прямо говорится в ч. 1 ст. 135 Конституции РФ), очевидно, что нормативное содержание ст. 75¹ Конституции напрямую влияет на понимание и реализацию таких «неизменных» конституционных начал, как принцип социального государства (ст. 7), социальные права человека и гражданина (ст. 38–41), другие положения Конституции РФ, относящиеся к неизменным, «вечным» конституционным идеалам [1].

Особое место среди конституционных прав занимают социальные права. В отличие от личных и политических прав они выражают притязания не на автономию личности, естественно присущую человеку свободу, а на социальную защиту — предоставление социальных благ, услуг и помощи, обеспечивающих достойный уровень жизни. Это, однако, ни в коей мере не может вызывать сомнений в нормативной природе данных прав как субъективных и непосредственно действующих, пользующихся в том числе возможностью судебной защиты¹.

При всём том, что социальные права обращены непосредственно к государству, это не только не принижает,

¹ При этом нельзя не признать, что не только в западной, но и в нашей науке конституционного права и сегодня порой бытуют представления о социальных правах как конституционных установлениях, имеющих в большей степени программное, декларативное, а не нормативно-обязывающее значение субъективных прав (см., напр.: Арановский, К. В. О правах человека и социальных правах / К. В. Арановский, С. Д. Князев, Е. Б. Хохлов // Сравнительное конституционное обозрение. — 2012. — № 4 (89). — С. 61–91. В то же время нельзя не отметить последовательную позицию М. В. Баглая (как и нынешнего Председателя КС РФ В. Д. Зорькина), направленную на обоснование природы социально-экономических прав как субъективных, пользующихся всеми средствами судебной защиты (См.: Зорькин, В. Д. Судебная власть перед вызовами времени // Журнал конституционного правосудия. — 2023. — № 2. — С. 1–5).

но, напротив, усиливает императивные начала этих прав, обязательность исполнения соответствующих требований в виде юридических обязательств, возлагаемых на государство в лице его государственных и муниципальных органов публичной власти. Это, правда, не означает, что государство лишено возможности возложить определенные обязательства по гарантированию социальных прав на других (индивидуальных и коллективных) субъектов отношений.

Это тем более важно учитывать, имея в виду отношения экономической, политической, социальной солидарности, которые имеют достаточно сложное содержание в условиях рыночной экономики, политического плюрализма, сильного социального расслоения общества. Тем не менее солидарность — важная, одна из основополагающих конституционных характеристик современного общества. В Конституции РФ понятие солидарности имеет, кстати, не только закрепление в качестве общего принципа (ст. 75¹), но и специальное упоминание — как солидарность поколений, одна из основ системы пенсионного обеспечения (ч. 6 ст. 75). В связи с этим, в частности, понятие «солидарность поколений», не исчерпываясь лишь вопросами пенсионного обеспечения и обладая существенно более широким значением, характеризует темпоральное действие конституционного принципа солидарности в целом. Но органически присущая рассматриваемому принципу межпоколенческая солидарность с наибольшей отчетливостью проявляет себя в социальной сфере в целом. В области социальной защиты выразительным подтверждением тому служит институт материнского капитала, который в качестве меры дополнительной государственной поддержки направлен не только на улучшение демографической ситуации путем стимулирования рождаемости, но и на создание условий для достойного воспитания детей. Содействие укреплению семьи как важнейшей

традиционной ценности в сочетании с конституционной защитой материнства, отцовства и детства реализует предполагаемую принципом солидарности ответственность перед нынешним и будущими поколениями [2].

При этом возможно разграничение «горизонтальной солидарности» (как взаимного признания людьми прав и обязанностей) и «вертикальной», своего рода «патерналистской солидарности» (как обеспечиваемых государством гарантий реализации социальных прав граждан). Организуемое же государством предоставление социальных прав за счет коллективных усилий всего общества образует институционализированную форму солидарности, интегрирующую обе ее разновидности [3, с. 338–339].

При этом все проявления социальной солидарности, включая конституционно обусловленные требования, предъявляемые к правовой политике в социальной сфере, в том числе касающиеся механизмов социальной защиты, проникнуты моральными ценностями добра и справедливости [2], что, однако, подчеркнем еще раз, не ставит под сомнение их формально-юридические характеристики. Более того, сегодня, в особенности с учетом конституционных поправок 2020 года, есть все основания не только рассматривать социальные права в качестве важного института конституционализма, но вся система национального конституционализма приобретает под влиянием социальных прав социально ориентированный характер.

В этом плане налицо тесная взаимосвязь и взаимовлияние конституционализма и социальных прав, социальной солидарности, что стало предметом исследования ученых¹. Более того, и ранее, до 2020 года, понятие «солидарность»

¹ См., например, Алебастрова, И. А. Конституционализм как правовое основание социальной солидарности: монография. — Москва: Проспект, 2016. — 549 с.

имплицитно присутствовало в системе конституционного регулирования. На это со всей очевидностью указывают такие обозначенные в преамбуле Основного Закона конституционные ценности, как осознание общей исторической судьбы, связывающей многонациональный народ России; гражданский мир и согласие; государственное единство и незыблемость его демократической основы; уважение к истории Отечества, ответственность за благополучие и процветание России перед будущими поколениями; вера в добро и справедливость [2]. Не случайно на протяжении всего периода после принятия Конституции Конституционный Суд РФ, опираясь на аксиотелеологический метод ее интерпретации, способствовал утверждению в российском праве всех впоследствии поименованных в конституционном тексте проявлений солидарности¹.

В ходе состоявшейся конституционной реформы запрос российского общества на упрочение социальной солидарности был учтен: Основной Закон дополнили положения, углубляющие конституционные основания социальной защиты, в том числе по конкретным направлениям. Так, например, в нем получили отражение обязательное социальное страхование и адресная социальная поддержка как организационно-правовые формы социальной защиты, принципы формирования пенсионной системы, а также были подтверждены обязательства государства по обеспечению индексации пенсий и иных социальных выплат (ст. 75, ч. 6 и 7).

В качестве одного из основных проявлений конституционного принципа солидарности было текстуально закреплено само понятие *социальной солидарности*. Отныне наряду с экономической и политической солидарностью

¹ См., например, постановления КС РФ от 3 июня 2021 г. № 26-П, от 17 февраля 2022 г. № 7-П, от 30 марта 2023 г. № 12-П.

она включена в конституционный механизм достижения целей государственной политики, обеспечивая взаимное доверие государства и общества, защиту достоинства граждан и уважения человека труда, сбалансированность прав и обязанностей гражданина (ст. 75¹), фигурируя, помимо того, в посвященных пенсионному обеспечению положениях (солидарность поколений). Нормативное содержание социальной солидарности выражается во взаимных правах и обязанностях граждан и Российского государства, конституционно являющегося социальным. Праву на получение мер социальной защиты на установленных законом условиях корреспондирует обязанность государства законодательно определить такие условия; сформировать в необходимом объеме публичные финансовые ресурсы, за счет которых данные меры будут предоставляться, а также создать систему органов и учреждений, уполномоченных на реализацию социальной политики и осуществление мер социальной защиты [2].

Важно отметить, что в Конституции РФ появились также дополнительные гарантии социальной идентичности и социальной самобытности, связанные в том числе с защитой общественной нравственности, благополучия и безопасности детей, традиционных семейных ценностей, заботой государства о здоровье людей, об их физическом, интеллектуальном, духовном и нравственном развитии (положения о сохранении памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога (ст. 67¹); поддержки соотечественников, проживающих за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской идентичности (ст. 69, ч. 3); оказания доступной и качественной медицинской помощи, сохранения и укрепления общественного здоровья, создания условий для ведения здорового образа жизни, формиро-

вания культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью (п. «ж» ч. 1 ст. 72); защиты института брака как союза мужчины и женщины, создания условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях (п. «ж¹» ч. 1 ст. 72). Дети объявляются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения (ч. 4 ст. 67¹). Не только в политическом, но и в нравственно-социальном плане имеет значение то, что в Конституции РФ закрепляется преемственность в развитии Российского государства, признается исторически сложившееся государственное единство. Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается (ст. 67¹). Все эти положения можно квалифицировать в конечном счете как справедливо отмечается в литературе, в качестве конституционных основ российского социального права [4] или элементов, начал социально ориентированного конституционализма.

Сегодня Конституция является не только некой праксеологической основой программы деятельности государства в социальной сфере, но соответствующие конституционные институты социальной защиты имеют вполне определенное аксиологическое значение в качестве нормативной основы разрешения правотворческих и правоприменитель-

ных проблем социальной защиты граждан, о чем подробно будет сказано дальше [5].

Таким образом, на основе анализа нового нормативного содержания Конституции РФ (после поправок 2020 года) и практики их реализации в течение последних лет есть все основания сделать вывод о формировании в системе российской государственности социального конституционализма, в основе которого — гарантирование социальных прав граждан, создание условий, обеспечивающих достойную жизнь, обеспечение общего блага в интересах всех и каждого человека и гражданина России.

*Социально ориентированный конституционализм
российской государственности:
ценностные начала социальной справедливости,
достоинства граждан, общего блага*

Принципиально важным является то обстоятельство, что в условиях экономических санкций и глобальных вызовов наша Конституция (с учетом поправок 2020 г.) закрепляет — эксплицитно или, в крайнем случае, имплицитно — правовые ориентиры адекватного (соразмерного, зеркального, симметричного, асимметричного) реагирования, минимизации негативных последствий, преодоления рисков и на этой основе — дальнейшего развития российской государственности с ориентацией на незыблемые принципы суверенитета, правовой демократии, равенства, справедливости [6].

Требования справедливости и равенства, представляя собой квинтэссенцию идеи права как равной для всех меры свободы, задают фундаментальные юридические параметры социальной жизни; они закрепляются и конкретизируются в Конституции РФ, законах, других норматив-

ных правовых актах, а также в судебных и иных правоприменительных решениях. Последовательная реализация этих требований является необходимым условием верховенства права как важнейшей конституционной характеристики реального юридического состояния общества и государства [7; 8, с. 92–93], развития, совершенствования системы национального конституционализма во всех его проявлениях, включая социально ориентированный конституционализм.

Это позволяет рассматривать категории равенства и справедливости, свободы и ответственности, прав и обязанностей в качестве ценностной основы политико-правового режима, складывающегося в обществе и государстве на основе верховенства права и прямого действия Конституции и приобретающего характеристики судебного конституционализма. Можно даже утверждать, что *справедливость, равенство, свобода и ответственность, достоинство личности являются в этом смысле некой правовой («метаюридической») квинтэссенцией социально ориентированного экономического конституционализма*, так как именно эти категории воплощают в себе основополагающие ценностные ориентиры и отражают саму суть социально-экономического развития современного демократического общества. Одновременно данные конституционные категории-ориентиры представляют собой аксиологический инструментарий нормоконтрольной судебной деятельности с их последующим «погружением» в нормативно-доктринальную ткань решений Конституционного Суда РФ.

Отмечая фундаментальное значение всех указанных выше категорий-ориентиров конституционной аксиологии, подтверждением чего является в том числе их активное использование в практике конституционного право-

судия¹, важно подчеркнуть, что безусловный приоритет в конституционно-судебной нормоконтрольной деятельности принадлежит категории «конституционное равенство». Это и понятно — практически каждое дело, рассматриваемое КС РФ, связано с решением вопроса о наличии (отсутствии) определенности в содержании проверяемых правовых норм и в практике их судебного применения, а в конечном счете — с решением вопроса о соответствии требованиям равенства всех перед законом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ). Это означает, что имплицитно конституционный принцип равенства присутствует в каждом деле КС РФ. Что же касается самих по себе итоговых решений, то из них не менее 60% содержат выводы о тех или иных формах и аспектах соответствия (несоответствия) обжалуемых норм конституционным требованиям равенства (ст. 19 Конституции РФ) [9].

Весьма обширен перечень решений КС РФ по трудовым и социальным вопросам, в которых был применен принцип равенства. Принцип равенства призван обеспечить равные условия реализации правовых возможностей в социально-трудовой сфере, доступность для всех граждан социально значимых благ и услуг, которые выступают объектами соответствующих конституционных прав.

В связи с этим КС РФ интерпретирует принцип равенства исходя из содержательной специфики социально-

¹ Так, статистика деятельности КС РФ свидетельствует: категория «достоинство личности» была востребована в различных вариантах, начиная с толковательно-интерпретационных целей и заканчивая обоснованием выводов о конституционности (неконституционности) проверяемых правовых норм, использовалась примерно в 40% итоговых решений; еще большее количество таких решений (не менее 503) оперировали аксиологическим потенциалом категории «социальная и юридическая справедливость».

обеспечительных и трудовых правоотношений. В частности, применительно к реализации права на труд он указывает на такой важный элемент конституционного принципа равноправия, как равенство возможностей. Такой акцент сделан, например, в мотивировочной части Постановления от 27 декабря 1999 года № 19-П, которым были признаны не соответствующими Конституции РФ положения пункта 3 статьи 20 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», предусматривающие возрастные ограничения при замещении должностей заведующих кафедрами в государственных и муниципальных высших учебных заведениях.

Указанный аспект принципа равенства подчеркивался Судом также в ряде решений по вопросам государственной службы, которая является одной из форм реализации права на труд. Так, в Постановлении от 15 ноября 2012 года № 26-П принцип равенства во взаимодействии с правом на равный доступ к государственной службе и правом на свободное распоряжение своими способностями к труду, выбор рода деятельности и профессии раскрывается как предоставление гражданам равной возможности осуществлять профессиональную служебную деятельность в системе государственной службы, *что предполагает закрепление федеральным законодателем единого подхода к организации государственной гражданской службы.*

Поскольку социальное обеспечение граждан, реализующих свое право на труд, производно от их трудовой или иной приравненной к ней деятельности, равенство возможностей при осуществлении данного права может оказывать влияние на условия их социального обеспечения. На это обратил внимание КС РФ в Постановлении от 18 марта 2004 года № 6-П и Определении от 5 ноября 2015 года № 2500-О-Р, подчеркнув, что, поскольку у граждан, имею-

щих необходимую для назначения пенсии выслугу на военной и (или) правоохранительной службе, сохраняется равенство возможностей в выборе продолжить службу или оставить ее и получать полагающуюся им пенсию, связанные с таким свободным выбором различные правовые последствия, обусловленные дифференциацией в правилах выплаты пенсии за выслугу лет лицам, уволившимся с военной службы или службы в правоохранительных органах, и вновь поступившим (вернувшимся) на службу после увольнения, в части, касающейся права на получение назначенной пенсии за выслугу лет, не могут рассматриваться как нарушающие равноправие.

Трактовка принципа равенства в аспекте равенства возможностей применялась КС РФ также в делах о социальной защите инвалидов. При этом Суд опирался также на положения ряда международно-правовых актов — Декларации о правах инвалидов (*принята Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1975 года*), Стандартных правил обеспечения равных возможностей для инвалидов (*приняты Генеральной Ассамблеей ООН 20 декабря 1993 года*) и Конвенции о правах инвалидов (*принята Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 года*), которые предоставляют инвалидам право на экономическое и социальное обеспечение, на социальную защиту и на удовлетворительный уровень жизни, а также право на равные с другими гражданами возможности и на равное улучшение условий жизни в результате экономического и социального развития.

В Постановлении от 1 июля 2014 года № 20-П такая аргументация позволила Суду сделать вывод о неконституционности положений законодательства, лишаящих инвалидов из числа военнослужащих, участвовавших в действиях подразделений особого риска, — в отличие от других категорий военнослужащих, получивших инвалидность вследствие

военной травмы или воздействия радиации, — права на ежемесячные компенсации в возмещение вреда здоровью.

В Постановлении от 23 декабря 1999 года № 18-П КС РФ использовал принцип равенства в аспекте равенства возможностей для обоснования неконституционности норм, освобождающих от уплаты страховых взносов в государственные социальные внебюджетные фонды общественные организации инвалидов лишь при условии, если они входят в состав общероссийских общественных организаций инвалидов. Суд подчеркнул, что указанная разновидность государственной поддержки адресована одной и той же категории граждан — инвалидам и поэтому не может зависеть от статуса общественной организации. Следовательно, любые, а не только общероссийские, общественные организации инвалидов должны иметь возможность получения такой поддержки.

Принцип равенства стал определяющим и при разрешении вопроса конституционности регулирования отсрочки от службы в армии. При этом что законодательство предусматривало возможность получения одной отсрочки для завершения образования соответствующего уровня: если лицо достигало призывного возраста еще в школе и автоматически получало отсрочку для завершения школьного образования, то, по мнению правоприменительных органов, оно уже не имело права претендовать на отсрочку для обучения в магистратуре, тогда как лицо, не достигшее восемнадцати лет до окончания школы, могло рассчитывать на отсрочку для учебы в магистратуре. Руководствуясь принципом равенства, КС РФ признал, что подобное разделение представляет собой неравное отношение к лицам, которые относятся к одной категории (Постановление от 17 апреля 2018 года № 15-П).

Основываясь на принципе равенства, КС РФ устранил неопределенность правового регулирования, которая вела

к лишению сотрудников ОВД, признанных ограниченно годными к службе и уволенных в этой связи, права на получение предусмотренного оспоренными положениями единовременного пособия, в случае если увольнение не связано с их отказом от предложенной вакантной должности в органах внутренних дел, подходящей им по состоянию здоровья (Постановление от 1 марта 2017 года № 3-П).

Конституционный принцип равенства, предполагающий, что при равных условиях субъектам права должны обеспечиваться одинаковые гарантии социальной защиты, не исключает дифференциации правового регулирования. Однако при осуществлении такой дифференциации федеральный законодатель, определяя конкретные меры социальной защиты граждан, должен использовать только оправданные критерии, обусловленные конституционно значимыми целями (определения от 3 июля 2008 года № 677-О-П, от 12 ноября 2008 года № 1048-О-О).

КС РФ последовательно указывает на различие, которое существует между обусловленной объективными правовыми основаниями дифференциацией, с одной стороны, и нарушающей равноправие дискриминацией, с другой стороны. Так, КС РФ было отмечено, что все лица, здоровью которых причинен в результате одной и той же техногенной катастрофы вред, имеют равное право на возмещение расходов, возникших в связи с потерей и (или) ухудшением здоровья, что влияет и на определение критериев исчисления размера денежных компенсаций. Поэтому федеральный законодатель должен исходить из конституционного принципа справедливости независимо от каких-либо обстоятельств, в том числе независимо от профессиональной принадлежности, должностного положения этих лиц и, соответственно, от уровня их заработной платы. Решения законодателя о внесении изменений

в способы возмещения вреда, об уточнении критериев его дифференциации или адресности не могут противоречить конституционно значимым целям, должны отвечать принципам справедливости и соразмерности и не умалять конституционные права граждан (Постановление от 19 июня 2002 года № 11-П). В последующем данный подход получил развитие при оценке регламентирующих правоотношения в сфере налогообложения, труда, пенсионного обеспечения законоположений, в которых выявлялась дискриминация либо в необоснованных различиях в правовом регулировании статуса субъектов, находящихся в одинаковом с юридической точки зрения положении, либо в недостаточно дифференцированном подходе применительно к находящимся в различном положении субъектам (Постановление от 3 июня 2004 года № 11-П, Определение от 27 июня 2005 года № 231-О и др.) [10].

При этом, если иметь в виду особенности самой природы социально ориентированной сферы экономического конституционализма, важно учитывать, что понятие конституционного равенства предполагает недопустимость ограничения его характеристик формально-юридическими стандартами равенства; нормативное значение этого принципа объективно предполагает необходимость его наполнения социальным содержанием на основе конституционных требований справедливости (преамбула, ч. 5–7 ст. 75 Конституции), достоинства личности (ст. 21, ст. 75.1) и — в соответствии с этим — недопустимости несправедливого, конституционно необоснованного неравенства в любой сфере социального бытия, будь то экономика или политика, образование или здравоохранение, правосудие или государственное, муниципальное управление.

В этом плане нормативная модель конституционного равенства воплощает в себе единство формально-юридичес-

ких, нравственно-этических, социокультурных ориентиров экономического конституционализма. Возможно, эта мысль покажется недостаточно выверенной в научном плане, в своей основе эмоционально-публицистически сформулированной, но при определении регулятивно-правоохранительного и, значит, нормативно обязывающего (императивного) потенциала требования конституционного равенства необходимо, как представляется, учитывать, по крайней мере, три органически взаимосвязанных начала его нормативности:

— *во-первых*, это требование равенства индивида как человека (своего рода биологическая нормативность, имеющая происхождение от рождения человека, его «равенство перед Богом», которое, условно говоря, лежит в основе формирования в последующем и конституционного равенства [9]);

— *во-вторых*, равенство индивида как личности (социокультурная, нравственно-этическая нормативность требований равенства перед обществом);

— *в-третьих*, равенство индивида как гражданина (формально-юридическая нормативность равенства перед государством, законом, судом, т. е., имеются в виду требования правового равенства во всей системе и законодательно-регулирующего, и правоприменения).

В этом состоит проявление единства биологического и социального, божественного и земного не только в самом по себе происхождении человека и его «вхождении» в социум, но и в статусных характеристиках, взаимоотношениях человека и гражданина с обществом и государством, политической и экономической властью. В таком триединстве коренятся глубинные, своего рода сакральные духовно-нравственные, социокультурные, а не только юридические начала равенства в их конституционном отражении. С этих позиций нормативный императив категории конституционного равенства не может отождествляться ни с понятием равноправия, ни

с равенством перед законом. Это значительно более содержательная, многоаспектная категория, нормативные требования которой усиливаются нормативностью социальных, экономических, социокультурных, нравственно-этических начал, присутствующих в нормативном эквиваленте равенства. На этой основе становится возможным юридическое оформление конституционного равенства как всеобъемлющей категории, которая включает в себя:

- 1) право на равенство;
- 2) принцип, исходное основание для всей системы правового регулирования;
- 3) экономический, политический плюрализм как универсальный, всеобъемлющий правовой режим, основанный на требованиях справедливости, достоинства личности;
- 4) правовой режим, основанный на требованиях справедливости, достоинства личности;
- 5) равную защиту всех форм собственности;
- 6) качество базовой социально-правовой ценности конституционного значения.

Гиперболизированное понимание принципа формального равенства — в ущерб социальным началам режима конституционного равноправия, социально-распределительным возможностям права, вытекающим из дифференцированных подходов в правовом регулировании для выравнивания условий и возможностей пользования основными правами, — на наш взгляд, представляет собой одну из серьезных глобальных угроз, которые несет в себе либеральное понимание конституционализма. Это как раз и позволяет охарактеризовать конституционное равенство не только как принцип, исходное основание всей системы правового регулирования; как особый правовой режим, основанный на требованиях справедливости, достоинства личности, но и как такую всеобъемлющую категорию, в которой вопло-

щаются существенные характеристики права как равной для всех меры свободы.

Имея в виду, принцип, о котором рассуждал Аристотель, — «со схожими следует поступать схожим образом» — КС РФ сформулировал конституционную формулу равенства следующим образом: конституционный принцип равенства требует равного обращения с лицами, находящимися в равных условиях¹. В последующем, в своих многочисленных решениях КС РФ конкретизировал различные уровни, формы проявления «равного обращения» в «равных условиях». Соответственно, *дефицит конституционного равенства как глобальный вызов современному праву способен деформировать не только любую национальную систему законодательства и правоприменения, но и саму природу права*, этого удивительного явления современной цивилизации, без которого было бы невозможно обеспечение равной для всех меры свободы.

Что же касается кризиса конституционного равенства, то он, конечно, имеет в своей основе внеправовые, метаюридические корни. Речь идет прежде всего о приобретающем всё более угрожающие масштабы социальном расслоении, нарастающем разрыве между богатыми и бедными странами, регионами, национально-этническими, социально-демографическими, профессиональными, иными группами населения. В этих условиях неизбежно встают конституционно значимые вопросы о социальной справедливости, достоинстве личности и сегодняшних возможностях решения соответствующих проблем с помощью права как «равной для всех меры свободы».

Острота проблем бедности, социального расслоения, усиливающегося социального неравенства, угрожающего самим

¹ См., например, постановления КС РФ: от 9 июля 2009 г. № 12-П, от 1 июля 2014 г. № 20-П, от 13 апреля 2016 г. № 11-П.

основам социальной стабильности и демократического развития современных государств, — один из важнейших показателей системного кризиса современного конституционализма. Углубление социального расслоения и конституционного неравенства — прямой путь к социальным потрясениям и революциям. Очевидна эрозия традиционных, классических представлений о ценностях современного конституционализма, которая затронула все пласты содержательных характеристик всеобъемлющего института конституционного равенства: нормативно-правовые, нравственно-этические, социально-экономические, национально-этнические, демографические, пространственно-территориальные, религиозно-конфессиональные и т. д.

Проблема конституционного равенства сегодня одинаково актуальна в формально-юридическом, социальном, нравственно-этическом, социокультурном планах. По оценкам банка Credit Suisse, в 2020 г. в руках 1% самого богатого населения России было сосредоточено 57% общего финансового благосостояния в стране, что является самым высоким показателем по выборке ключевых стран (в среднем по миру — 44%). По неравномерности распределения богатства Россия оставляет позади практически все развитые государства, за исключением США [11]. Похожие процессы происходят на микроэкономическом уровне: заработная плата руководителя частной российской компании превышает оклад рядового работника в 20–30 раз (по оценкам независимых экспертов, эта разница заметно выше); различия между размером минимальной и максимальной оплаты труда в рамках некоторых отраслей составляют 20–40 раз, еще больше — различия между регионами России.

Важно учитывать, что сегодня, пожалуй, наибольшая угроза — если иметь в виду юридические параметры современной социально-правовой действительности — связана

именно с дефицитом равенства, который носит в современном мире глобальный характер и проявляется на разных уровнях. Так, в международном измерении достаточно вспомнить о проблеме соблюдения принципа суверенного равенства государств, политизированной практике так называемых двойных стандартов. На национальном уровне современного конституционализма это проявляется как в формально-юридических, так и (особенно!) в противоречивых проявлениях, формах реализации социальных начал конституционного равенства. Разрыв между самыми низкими и самыми высокими средними зарплатами составляет 13,1 раза. Международная практика показывает, что наилучшее самочувствие общество имеет, когда этот разрыв — от 5 до 8 раз. Если эта цифра увеличивается, у людей возникает ощущение несправедливости [12].

При этом, как свидетельствует исторический опыт, вопросы равенства и справедливости всегда актуализируются в переломные периоды развития общества и государства, что имеет место и в современной России, оказавшейся перед лицом глобальных экономических, политических, военных угроз.

Вместе с тем позитивную динамику социальной сферы в последние годы, несмотря на все сложности данного периода, можно усмотреть в низком уровне безработицы, определенном (пусть даже незначительном) росте заработных плат, в реализации масштабных национальных программ, таких, например, как «Содействие занятости населения» [13], «Социальная поддержка граждан» [14], поддержка семей с детьми и общее сокращение уровня бедности. Новые национальные проекты («Семья», «Молодежь России», «Продолжительная и активная жизнь», «Кадры» и «Экономика данных») разработаны в соответствии с майскими указами Президента РФ 2024 г. [15].

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что в настоящее время, как известно, весьма остро проявился перенос проблем юридического равенства, защиты прав человека в плоскость неких «новых», псевдолиберальных идей, наподобие «гетеросексуального» равноправия, «уравнивания» однополых браков, обеспечения особых гарантий (читай: привилегий) для «секс-меньшинств» и т. п. Равенство однополых браков уже сегодня признано законами более 60 государств мира, еще больше стран ввели институт однополого партнерства (сожительства, союза) и т. п.

Всё это является ярким подтверждением того, что равенство как конституционная категория не укладывается в традиционные представления, например, о принципах права или основах, принципах правового статуса личности, о статусно-юридических характеристиках свободы личности и т. п. Это многоплановое, универсальное понятие, воплощающее особый режим правотворчества и правоприменения, который имеет различные нормативно-правовые формы проявления: одновременно это не только институт правового положения человека и гражданина (ст. 19 Конституции РФ), но и принцип правового государства, одна из важнейших характеристик, по крайней мере, нескольких основ конституционного строя — ст. 5 (ч. 1, 4), 6, 7, 8 (ч. 2), 13 (ч. 3, 4), 14 (ч. 4) и, более того, некая политико-правовая основа гражданского общества, особая форма (режим) достижения юридического равновесия на основе обеспечения баланса интересов людей и групп населения, политической элиты и бизнеса, а в конечном счете — режим юридического равновесия между властью, собственностью и свободой на основе признания со стороны государства основополагающих ценностей современного конституционализма [6].

В связи с проблемой нравственно-этических начал права и одновременно в контексте новых вызовов, глобаль-

ных угроз конституционализму важно обратить внимание и на такую принципиальную особенность современного развития, как цифровизация, причем не только экономики (о чем сегодня чаще всего говорится), но практически всех сфер социально-правовой жизни. Совершенствование информационно-телекоммуникационных технологий принципиальным образом меняет правовую жизнь личности, общества и государства, порождают не только новые возможности, но и угрозы для демократии и прав человека, затрагивает сами основы человеческого бытия в современном обществе. Формирующееся информационно-цифровое пространство объективно становится качественно новой сферой правового, в том числе конституционного, влияния. Это нашло свое отражение и в поправках к Конституции РФ 2020 г., где в п. «м» ст. 71 теперь говорится, также об обеспечении безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных (в том числе персонального характера).

Постановка вопроса об оценке информационно-цифрового пространства сквозь призму ценностей конституционализма — это, с одной стороны, конституционализация информационно-цифрового пространства, с другой — цифровизация самого по себе конституционного пространства. Сама сущность цифрового общества предопределяется не только его технологическими характеристиками, но, оставаясь под влиянием социальных регуляторов, она порождает новые, конституционно значимые проблемы, равно как и актуализирует традиционные. С этим неизбежно связано появление новых социальных противоречий, технологического неравенства, усиливаются риски злоупотребления правами, появление которых связано с информационной цифровизацией статуса личности, и т. д. Всё это требует нормативно-доктринального, в т. ч. конституционного,

осмысления и последующего правового воздействия — как правоохранительного, запретительного, так и регулятивного, представительно-обязывающего плана [16]. Важность конституционной оценки современных технологий в правовой жизни предопределена объективно присущей их социальной противоречивостью. Пути решения этих проблем следует искать на основе последовательной приверженности ценностям конституционализма, его фундаментальным идеалам свободы и справедливости, всемерной охраны достоинства личности [1].

При этом не будет преувеличением отметить, что проблема конституционного равенства — по крайней мере, опосредованно, через оценку проверяемых правовых норм с точки зрения их определенности, а соответственно, соблюдения требований равенства перед законом — присутствует практически во всех делах КС РФ по защите прав и свобод человека и гражданина, а во многих решениях требования равенства используются в качестве итогового критерия оценки проверяемых положений на конституционность в связи с защитой прав человека. КС РФ исходит из комплексного понимания конституционного содержания категории равенства, которое рассматривается в качестве:

1) основной предпосылки и свойства конституционно-правового статуса личности, выражая равную для всех свободу (неотъемлемое свойство человека как биосоциального существа). Соответственно, КС РФ полагает, что конституционный принцип равенства требует равного обращения с лицами, находящимися в равных условиях (постановления от 9 июля 2009 г. № 12-П, от 1 июля 2014 г. № 20-П, от 13 апреля 2016 г. № 11-П, от 14 ноября 2018 г. № 41-П);

2) негативно-запретительного требования, исключающего дискриминацию. Принцип равенства, согласно решениям КС РФ, предполагает запрет вводить такие различия

в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях) (постановления от 24 мая 2001 г. № 8-П, от 26 мая 2015 г. № 1-П, от 18 апреля 2017 г. № 12-П, от 22 мая 2023 г. № 25-П и др.). Но не каждое различие является дискриминирующим. Принцип равенства не обуславливает необходимость предоставления одинаковых гарантий лицам, относящимся к разным категориям, а равенство перед законом и судом не исключает фактических различий и необходимость их учета законодателем (постановления КС РФ от 26 февраля 2015 г. № 3-П, от 11 октября 2016 г. № 19-П, от 15 декабря 2023 г. № 58-П);

3) позитивно-предоставительного требования, охватывающего собой:

а) равенство стартовых возможностей (например, постановления КС РФ: от 15 мая 2006 г. № 5-П о необходимости сохранения на муниципальном уровне сложившийся пропорции в распределении бремени расходов на содержание детей в детских садах; от 27 ноября 2009 г. № 18-П о праве на получение пенсии по случаю потери кормильца совершеннолетними детьми военнослужащих, поступившими в иностранные образовательные учреждения; от 5 июля 2017 г. № 18-П о финансировании расходов на проезд в школы учеников, проживающих в другом муниципальном образовании);

б) справедливое равенство возможностей — равенство прав и свобод (например, постановления КС РФ от 22 апреля 2013 г. № 8-П о праве на обжалование итогов выборов, от 13 мая 2014 г. № 14-П о подаче уведомлений о проведении публичных мероприятий в нерабочие (праздничные) дни);

в) справедливое неравенство результатов. Так, в ряде решений КС РФ констатировал, что лежащий в основе

реализации пассивного избирательного права принцип равенства означает прежде всего равную защиту закона без всякой дискриминации в ходе выборов и не предполагает равенства результатов выборов (постановление от 16 декабря 2014 г. № 33-П, определения от 2 ноября 2000 г. № 234-О, от 12 марта 2002 г. № 39-О, от 9 июня 2004 г. № 215-О и др.) [6].

В соответствующих правовых позициях КС РФ находит свое отражение, таким образом, тот факт, что нормативный императив категории справедливости, оказывающий существенное влияние на социальную ориентацию экономического конституционализма, не ограничивается формально-юридическим содержанием статусных характеристик личности, ее взаимоотношений с обществом и государством. Это значительно более содержательная, многоаспектная категория, охватывающая в том числе духовно-нравственные, этические, социокультурные начала, присутствующие во всей системе конституционализма, включая нормативную справедливость социальных, экономических, политических начал институтов конституционного строя, организации единой системы публичной власти в ее компетенционных и функциональных характеристиках, правового положения личности и ее взаимоотношений с обществом и государством и т. п.

В свете поправок 2020 года Основной Закон РФ ориентирован на понимание справедливости как социально значимого фактора конституционно оправданной дифференциации, адресной социальной поддержки граждан в нормативном единстве с конституционными требованиями взаимного доверия государства и общества, защиты достоинства граждан (ч. 6, 7 ст. 75; ст. 75¹). В этих новых конституционных положениях получили реализацию правовые позиции КС РФ, предполагающие, что конституционный принцип

справедливости носит комплексный, по сути, всеобъемлющий характер, включает начала как дистрибутивной (распределительной), так и ретрибутивной (уравнительной) справедливости, предполагающей пропорциональность, соразмерность [17].

На этой основе становится возможным юридическое оформление конституционной справедливости как универсальной категории, которая имеет межотраслевое значение для всей системы конституционализма, включая все формы правоприменения. Не претендуя на исчерпывающие характеристики данной категории, в обобщенном плане возможно выделить, по крайней мере, следующие нормативно-правовые начала (свойства) конституционной справедливости: во-первых, аксиологические характеристики конституционного устройства общества и государства, их функционирования в правовом измерении требований социальной справедливости; во-вторых, универсальные требования юридического равенства, включающие в себя возможность справедливого неравенства в правовом регулировании (дифференциация) и правоприменении (индивидуализация); в-третьих, имущественная эквивалентность как выражение частноправовой (своего рода рыночно-экономической) справедливости; в-четвертых, распределительная справедливость как основа социально ориентированной политики по обеспечению условий достойной жизни для всех; в-пятых, условно говоря, «балансирующая» справедливость как критерий обеспечения конституционно обоснованной (справедливой) соразмерности ограничений, баланса ценностей; в-шестых, равная для всех судебная защита как юридическая гарантия справедливого правопорядка в обществе и государстве; в-седьмых, неотвратимость равной, но только для «равных субъектов» (!) юридической ответственности как нравственно-правовая

основа конституционной справедливости в деликтных отношениях; в-восьмых, особый демократический правовой режим правового регулирования и правоприменения, основанный на требованиях справедливости, равном для всех уважении достоинства личности [18, с. 126–127].

Анализ решений КС РФ по соответствующей проблематике позволяет не только оценить состояние гарантирования равенства прав и свобод граждан России, но и предложить — с учетом сформированных КС РФ правовых позиций — некоторые новые концептуальные подходы к проблемам обеспечения достоинства личности, равенства в соотношении со справедливостью, социальным, политическим и экономическим партнерством, к пониманию перспектив развития института социальной защиты граждан и всей системы социально ориентированного экономического конституционализма.

Концентрированным выражением возможных в этом случае концептуальных подходов, имеющих своего рода конституционно-обобщающее, итоговое значение с точки зрения реализации основных направлений социально-экономического развития современной российской государственности, может быть, как представляется, идея *общего блага* как цель, конституционный ориентир такого развития.

С высокой степенью уверенности можно отметить, что практически все социально-экономически ориентированные решения КС РФ имеют своей целью поиск баланса власти и свободы, публичных и частных интересов и достижение на этой основе общего блага. Учитывая саму природу конституционно-судебной нормоконтрольной деятельности, есть основания утверждать, что в конечном счете любой спор, разрешаемый в порядке конституционного судопроизводства, связан с решением указанных задач на

основе поиска баланса публичных и частных интересов [6]. Конституционным выражением такого баланса является категория общего блага. Понятие «благо» КС РФ используется в нескольких смыслах и отличающихся сочетаниях [19]:

— под «социальным благом» КС РФ понимает, например, материальное обеспечение как меру социальной защиты и социальную гарантию (Постановление от 20 апреля 2010 г. № 9-П; определение от 13 октября 2009 г. № 1125-О-О и др.);

— «наиболее значимым социальным благом» КС РФ признает право на свободу и личную неприкосновенность (постановления от 23 мая 2017 г. № 14-П, от 22 марта 2018 г. № 18-П, от 9 июля 2024 г. № 36-П и др.);

— право на охрану здоровья, в свою очередь, было охарактеризовано как «неотчуждаемое благо», без которого утрачивают свое значение многие другие блага и ценности (постановления от 8 февраля 2017 г. № 7-П, от 12 ноября 2018 г. № 40-П, от 25 мая 2021 г. № 22-П и др.);

— «личное благо» КС РФ связывает с содержанием, которое придается ему гражданским законодательством как личному неимущественному благу (Постановление от 14 июля 2011 г. № 16-П; Определение от 24 октября 2019 г. № 2841-О и др.).

— КС РФ называет возможность собственным трудом обеспечить себе и своим близким средства к существованию «естественным благом», без которого утрачивают значение многие другие блага и ценности (постановления от 14 ноября 2018 г. № 41-П, от 27 июня 2023 г. № 35-П, от 04 апреля 2024 г. № 15-П);

— отсылка к общему благу использовалась КС РФ в качестве основания, согласно которому подлежат защите право собственности, интеллектуальные права (постановления от 13 февраля 2018 г. № 8-П; от 25 июня 2024 г. № 33-П);

— в ряде решений КС РФ использует понятие «общее для акционерного общества благо» для обоснования воз-

возможности принудительного отчуждения имущества при условии предварительного и равноценного возмещения не только для государственных нужд, но и в случаях, когда оно осуществляется в целях «общего для акционерного общества блага» (Постановление от 24 февраля 2004 года № 3-П, определения от 21 декабря 2004 года № 470-О, от 03 июля 2007 года № 714-О-П, от 21 февраля 2014 г. № 3-П, от 18 июля 2019 года № 1999-О).

Приведенные выше примеры демонстрируют, что КС РФ обращается к понятию «благо» в ситуациях, когда необходимо подчеркнуть значимость того или иного права. Отмечая его важность именно как блага, КС РФ выявляет существование этого права, определяя, таким образом, соотношение частных и публичных интересов в его реализации и предъявляя, следовательно, более или менее строгие требования к его регулированию и ограничению.

Именно за счет баланса частных и публичных интересов происходит гармонизация взаимных прав и обязанностей гражданина, с одной стороны, и компетенционных полномочий публичной власти — с другой. Тем самым между спорящими субъектами создается, по мнению М. М. Ковалевского, так называемая замиренная среда, которая исключает борьбу, конфликт и предполагает взаимозависимость и общность интересов, выход на признание общего блага [20, с. 3].

История развития идеи общего блага имеет глубокие корни¹. В философско-мировоззренческом, историческом

¹ См., например: Манаков, Д. А. Осмысление идеи общего блага в доктринской философской традиции // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 318. — С. 66–69; Дмитриев, А. В. Развитие принципов теории общего блага в законодательстве Российской империи второй половины XVIII — первой трети XIX века // Юридическая техника. — 2023. — № 17. — С. 260–268; Ланг, П. П. Идеи блага в праве // Вопросы экономики и права. — 2020. — № 142. — С. 15–19.

плане сложилось множество различных интерпретаций и теорий, однако по большому счету можно выделить *три* подхода к пониманию общего блага [21]:

1) *платоновский*, основанный на философии идеализма, когда общее благо рассматривается как благо целого, всеобщий и всецелый идеал, не допускающий частных отличий;

2) *аристотелевский*, подразумевающий, что общее благо есть совокупность частных, индивидуальных интересов, а поскольку людям присущи одинаковые устремления, то, значит, и взгляд на благо у всех общий (все стремятся к справедливости);

3) *цицероновский*, предполагающий, что общее благо — это правопорядок, который царит в обществе.

Общее благо как категория, таким образом, весьма многогранно, не обладает каким-то одним утвердившимся (общепринятым) определением. Более того, есть некоторая неопределенность в соотношении общего блага с такими смежными понятиями, как «общий интерес» или «общая (единая) ценность». Разница между общим благом и общим интересом не вполне очевидна, однако определено можно сказать, что общее благо невозможно использовать в множественном числе, интересов же может быть много. Общее благо и общая ценность также отличаются: общее благо рационально, не подвержено эмоциональной окраске и оценке, в то время как ценности могут изначально не иметь глубокого осмысления и рационализации и устанавливаться в обществе как исторически сложившаяся традиция или актуальный своему времени социокультурный или идеологический феномен [22].

Таким образом, в обобщенном плане, общее благо — это то, что объединяет людей, делает существование людей в обществе солидарным, общим. В этом отношении упоминавшаяся ранее конституционная поправка об экономи-

ческой, политической, социальной солидарности (ст. 75¹) есть не что иное как, по крайней мере, косвенное признание идеи всеобщего блага. Более того, имея в виду зарубежный конституционный опыт, можно отметить, что во многих конституционных актах разных стран напрямую закрепляется понятие «общее благо» в различных контекстах и интерпретации [23].

В конституционно-правовом плане категория общего блага, с одной стороны, воплощает аксиологические ориентиры поиска фундаментальных начал современного конституционализма, а с другой — именно в этой категории проявляются принципиальные философско-мировоззренческие различия в подходах континентально-европейской и англосаксонской правовых систем к фундаментальным началам конституционализма, особенно если иметь в виду современные основные судебно-правовые системы.

В обозначенном аспекте допустимо говорить о двух основных подходах, которые по-разному определяют ценностные ориентиры взаимоотношений власти (особенно экономической) и свободы, в том числе при поиске баланса публичных и частных интересов и ориентации на этой основе к достижению общего блага. Это — *утилитаризм (экономическая полезность)* и *социальная справедливость* [18].

Утилитаризм характерен для англосаксонской правовой системы, и он в своей основе имеет экономическую школу права. Для представителей этого течения ценность справедливости уступает место конфликтующим интересам, а критерием в достижении их баланса (что только условно можно обозначить общим благом) выступает удовлетворение не совпадающих потребностей, в первую очередь материальных. Эти подходы получили свое развитие и в судебно-правоприменительном (нормоконтрольном) аспекте, когда, в частности, высказывается мнение, что при выявлении

недостатков в норме права (в том числе, думается, речь идет и ее конституционности) будет принципиальной ошибкой объявлять ее несправедливой: право должно искать не то, что справедливо, а то, каким образом могут быть удовлетворены все известные интересы в конкретном правоотношении [24, с. 126–127].

При такой постановке вопроса — абсолютизации экономических интересов в поиске баланса частного и публично-го — впору было бы задуматься о переосмыслении большей части решений КС РФ, в которых Суд в рамках оценки проверяемых нормативных положений, как правило, руководствовался требованиями справедливости, которые в зависимости от конкретных обстоятельств получали различную объективацию.

Попутно же отметим, что поиск баланса в рамках стремления к общему благу, по своей сути, не должен рассматриваться как требование «многого»; для баланса важным в этом случае является обеспечение «достаточного». Если же руководствоваться критериями чисто экономической целесообразности, то человеку всегда будет чего-то не хватать. Исключительно экономические ценности в качестве основы поиска общего блага, по своей сути, лишь приведут к состоянию постоянной неудовлетворенности. Именно такое понимание общего блага на основе поиска баланса интересов является, как представляется, фундаментальной основой философии социально ориентированного экономического конституционализма, имея в виду, в частности, аксиологические ориентиры его развития, основанные на единстве нормативно-правовых и нравственно-этических начал.

Одновременно принципиально важно отметить, в том числе с учетом закономерностей и перспектив развития социально ориентированного конституционализма, тот факт, что достижение общего блага — конституционная обязан-

ность всех уровней единой публичной власти. При очевидной специфике каждого из соответствующих уровней (федеральная и региональная государственная власть, муниципальная публичная власть) для них, как органов публичной власти, в одинаковой мере актуальными являются задачи достижения общего блага. В основе этого — конституционное единство российской государственности как в политическом (ст. 1 и 2 Конституции РФ), так и в экономическом (ст. 8) и социальном (ст. 7) аспектах.

Так, осуществление социальной политики в аспекте ст. 7 Конституции охватывает все уровни публичной власти, начиная с федерального и заканчивая муниципальным, что предполагает совместное их вовлечение в осуществление социальных функций¹. В то же время общность задач не исключает компетенционные различия, как и различную степень ответственности соответствующих уровней публичной власти за решение этих задач. В частности, в силу того же принципа единства публичной власти, умноженного на единство конституционного статуса личности, основная нагрузка по установлению баланса частных и публичных интересов лежит на уровне федерального законодательства. Конституция РФ (п. «в» ст. 71) относит к исключительному ведению Федерации вопросы регулирования и защиты прав и свобод человека и гражданина. Одновременно защита прав и свобод отнесена Конституцией РФ и к совместному

¹ В подтверждение этому можно привести решение ЕСПЧ от 16 сентября 2004 г. по вопросу приемлемости жалобы № 24669/02 «Галина Петровна Герасимова против Российской Федерации», в котором помимо прочего было отмечено, что для целей Конвенции несущественно, какие именно органы публичной власти являются ответственными за обеспечение того или иного права, а потому ЕСПЧ признал Российскую Федерацию ответственной за действия органов местного самоуправления, что указывает на единую (в этом аспекте) систему публичной власти и государственности в целом.

ведению Федерации и ее субъектов (п. «б» ст. 72). Очевидно, что отсутствие четких оснований для разграничения компетенции Федерации и ее субъектов в этой сфере не может не порождать определенные проблемы при решении соответствующих вопросов [6].

Нормативно-доктринальное обоснование категории социальной справедливости как критерия гармонизации отношений власти и свободы, достижения на этой основе общего блага, предполагающего пользу (включая экономическую) для всех и каждого, имеет повышенную актуальность для конституционно-судебной нормоконтрольной деятельности и интерпретационного обеспечения верховенства Конституции РФ. Ведь Конституция сама по себе выступает концентрированным выражением метаюридических начал справедливости. Общее же благо необходимо рассматривать в данном случае за пределами арифметического суммирования благ для отдельных граждан, организаций, иных субъектов права. В этом находит свое отражение тот факт, что философско-правовой основой ориентации конституционного судопроизводства на общее благо как критерий гармонизации отношений между властью и свободой является концепция приоритета целого над частью. Ее истоки — в аристотелевской «Метафизике» с постулатом о том, что «целое не важнее, а больше, чем сумма частей». В последующем эта, казалось бы, внутренне противоречивая формула получила обоснование в рамках философской школы холизма, которая ныне, как представляется, переживает ренессанс: на смену механицизму, редукционализму приходит холизм, т. е. философия целого, единого.

Национально-специфический подход Российской Федерации к организации и осуществлению публичной власти, ее взаимоотношениям с личностью и обществом должен, вероятно, осмысливаться во многом с позиций холисти-

ческого правосознания, стремления к государственной целостности, единству общества на основе социального партнерства, экономической, политической и социальной солидарности (ст. 75¹ Конституции РФ), что, однако, проявляется не только посредством централизации, универсализации, но и оптимальной дифференциации в тех сферах, где это оправданно и необходимо [25]. Содержание и пределы такой централизации, универсализации и дифференциации неминуемо предполагают необходимость поиска баланса публичных и частных интересов, власти и свободы на различных уровнях их проявления, что ярко проявилось в т.ч. в свете поправок к Конституции РФ 2020 года. Теперь Конституция РФ ориентирована на понимание справедливости как юридической меры свободы и равенства с учетом фактора конституционно оправданной дифференциации.

В этом плане практика КС РФ демонстрирует ориентацию на выявление в соотношении с требованиями справедливости не только негативных (антидискриминационных), но и позитивных аспектов равенства, что получило обоснование в требованиях:

а) равенства стартовых позиций (постановления КС РФ от 15.05.2006 г. № 5-П, от 05.07.2017 г. № 18-П);

б) справедливого равенства возможностей, имея в виду равенство прав и свобод (постановления КС РФ от 22.04.2013 г. № 8-П; от 13.05.2014 г. № 14-П);

в) справедливого неравенства результатов на основе, в частности: преодоления несправедливого равенства (постановления КС РФ от 11.07.2017 г. № 20-П; от 13.12.2016 г. № 28-П); преодоления несправедливого неравенства (Постановление КС РФ от 11.12.2014 г. № 32-П); признания и уважения заслуг перед обществом и государством (Постановление КС РФ от 15.11.2011 г. № 24-П) и т.п.

Последовательное обеспечение и использование различных механизмов, включая судебные, в целях защиты и гарантирования конституционных принципов равенства и справедливости становится возможным благодаря высокому потенциалу заложенных в данных принципах конституционных императивов. Их последовательная реализация как в правоприменительной, так и в законотворческой практике является залогом успешного преодоления противоречий между конституционными ценностями правового государства, с одной стороны, и социального государства — с другой. Активная роль КС РФ в решении этих проблем несомненна [26].

*КС РФ — важный фактор гарантирования
социальных прав граждан,
развития социального конституционализма*

Реализация социально-экономических прав продолжает вызывать вопросы. До недавнего времени основной из них состоял в возможности судебной защиты таких прав, сейчас же акцент смещается на обсуждение эффективных средств правовой защиты в случае их нарушения. Зачастую в основе нарушения социально-экономических прав лежат системные или структурные причины, когда органы государственной власти не выполняют конституционные обязательства по обеспечению реализации этих прав. В итоге органы конституционного контроля разрабатывают определенные процессуальные средства их защиты и получают развитие так называемая структурная защита социально-экономических прав [27].

Социальные права играют важную роль в повышении качества жизни населения. Справедливо утверждение, что включение социальных прав в современные конституции

представляет собой «одно из величайших новшеств конституционализма XX в.» [28], и общая тенденция состоит в том, что перечень этих прав постоянно расширяется.

Несмотря на эту тенденцию и то, что судебная защита социальных прав становится более распространенным явлением, последняя по-прежнему остается дискуссионной проблемой конституционного права [29]. Сегодня ключевой вопрос состоит в том, каким образом судебные органы, в том числе органы конституционного контроля, должны обеспечивать эффективную защиту исследуемых прав. Этот вопрос требует ответа в связи с ростом количества или, как его называют некоторые ученые, «взрывом» судебных разбирательств по социальным правам [30].

При этом нельзя не учитывать, что применительно к российской действительности с ее «советским», социалистическим наследием социальные права в общественном сознании традиционно обладают повышенной ценностью в сравнении с другими правами: опросы стабильно показывают, что людей больше волнуют вопросы зарплаты, пенсий, пособий, безработицы, жилья и заметно меньше — гражданские и политические права. Не случайно абсолютное большинство дел по вопросам социальной защиты рассматривались КС РФ в порядке конкретного, а не абстрактного нормоконтроля по жалобам граждан и их объединений.

Но не только и не столько кругом заявителей объясняется активность КС РФ по вопросам социальной защиты. Здесь имеют место более глубокие причины, среди которых — сама по себе закрепленная в Конституции РФ 1993 года конституционная концепция социальной защиты граждан [5].

Обоснованным является вывод об исключительно положительном влиянии решений КС РФ как на законотворческую, так и на правоприменительную практику социальной защиты граждан. Активная роль КС РФ в данной сфере про-

является прежде всего в конституционализации институтов социальной защиты и самих социальных прав граждан. В чем это выражается на практике?

Если высказанное обобщить, то речь пойдет о конституционализации комплексных по своей природе институтов социальной защиты различной отраслевой принадлежности, которая может осуществляться разными способами:

1) *конституционное истолкование правовых норм* отдельных отраслей социального законодательства (пенсионного, жилищного, семейного, социального обеспечения, трудового и т.д.). В конечном счете это есть специфическая форма правотворческой деятельности КС РФ, так как с помощью конституционного истолкования: а) уточняется нормативное содержание статьи закона; б) преодолевается коллизия между несколькими нормами путем поиска баланса содержащихся в них конкурирующих конституционных ценностей; в) выявляются системные, иерархические связи и зависимости между отдельными нормами правовых институтов социальной защиты; г) придается новое, современное содержание норме «доконституционного» закона и т.д.,

2) *конституционная корректировка* (точнее — «рихтовка») сложившейся правоприменительной практики, которая придала (может придать) неконституционный смысл нормам социального законодательства,

3) *выявление конституционной природы социальных прав граждан*, придание им качеств естественных, неотчуждаемых, основных,

4) *толкование норм самой Конституции РФ*, с помощью которых обеспечивается конституционная оценка и обоснование отраслевого социального законодательства и — одновременно — развитие содержания самих конституционных норм без изменения текста соответствующих конституционных статей, посвященных социальной защите.

Несмотря на существенные различия в количестве обращений по вопросам социальной защиты в разные годы, в среднем оно составляет порядка 30% от общего числа обращений в названных разделах [31]. Социальные вопросы в той или иной мере получили отражение в постановлениях КС РФ, в которых, в частности, интерпретировались конституционные положения, касающиеся:

— *социального обеспечения* — в связи с необходимостью гарантирования гражданам минимального материального обеспечения государственными пособиями гражданам, имеющим детей; выплатами и социальными льготами, для граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС, и др.;

— *пенсионной системы* — в части дифференциации прав на получение пенсии отдельными категориями рабочих и служащих, мужчинами и женщинами; недопустимости установления неравного статуса пенсионеров в зависимости от вида получаемой ими пенсии; необоснованного ограничения права осужденного на пенсию; права на трудовую пенсию граждан, выехавших на постоянное жительство за пределы Российской Федерации; пенсионного обеспечения граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС;

— *возмещения вреда, ущерба и расходов* вследствие незаконных действий и решений государственных органов и должностных лиц (включая судебные решения); техногенных катастроф и экологических бедствий; политических репрессий;

— *права на жилище* — недопустимость его ограничения в зависимости от регистрации и в случае временного отсутствия нанимателя — перевода жилого помещения в нежилое; судебная защита права на жилище в связи с выселением в административном порядке; жилищные субсидии гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера, и др.;

— *права на образование* — по поводу пределов гарантированности получения бесплатного высшего образования, соотношения права на высшее образование и обязанности нести военную службу, способов реализации права на получение высшего образования;

— *труда и статуса безработных* — в части возрастных ограничений права на труд, судебной защиты этого права; ограничений права свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбора рода деятельности и профессии; выплат пособий по временной нетрудоспособности и предоставления защиты от безработицы и т. д.

В ряде регионов был введен материнский (семейный) капитал для семей, в которых рождается третий или последующий ребенок. На региональные дополнительные меры социальной поддержки семей с детьми распространена правовая позиция КС РФ о недопустимости произвольного отказа публичной власти от взятых на себя ранее социальных обязательств, а при наличии оснований для их отмены — о необходимости предусмотреть компенсаторный механизм, направленный на смягчение возможных негативных последствий подобного решения в отношении граждан, которые имели законные ожидания их получения (Постановление от 27 марта 2018 года № 13-П).

Был расширен круг лиц, которым предоставляются дополнительные меры государственной поддержки в виде материнского (семейного) капитала. КС РФ обосновал необходимость предоставить право на указанную выплату мужчине, который в установленном порядке признан единственным родителем — отцом детей, рожденных для него суррогатной матерью, а впоследствии вступил в брак и воспитывает своих детей в семье совместно с усыновившей (удочерившей) их супругой. Безотносительно к указанным обстоятельствам такие семьи наравне с другими семьями,

воспитывающими рожденных или усыновленных детей, выполняют функцию заботы о детях и их воспитания, в связи с чем вправе на равных с ними условиях претендовать на получение мер социальной защиты (Постановление от 29 июня 2021 года № 30-П).

Были приняты меры по повышению уровня пенсионного обеспечения родителей ребенка-инвалида в период после достижения им совершеннолетия и установления ему статуса инвалида с детства, если он признан судом недееспособным. Необходимость такого решения КС РФ обосновал особыми потребностями семьи, в которой дети-инвалиды, несмотря на достижение 18-летнего возраста, нуждаются в постоянном уходе и помощи (надзоре), который обеспечивают родители, признанные их опекунами (Постановление от 22 апреля 2020 года № 20-П). Для таких родителей установлен специальный порядок повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости или по инвалидности, независимо от наличия у инвалида с детства собственного источника дохода в виде социальной пенсии по инвалидности и иных социальных выплат, обуславливающего отсутствие формальных оснований для его признания находящимся на иждивении родителей.

Законом, принятым во исполнение Постановления КС РФ от 1 марта 2022 года № 9-П, инвалидам с детства, родившимся после 1 января 1992 года и проживающим на Севере, гарантировано право на получение жилищной субсидии на приобретение или строительство жилых помещений при выезде из этой местности, если они были приняты на учет для получения такой выплаты до вступления в силу закона, обусловившего ее предоставление фактом рождения в названных районах до указанной календарной даты.

Была усилена социальная защита безработных граждан предпенсионного возраста. С 1 января 2019 года для них был установлен повышенный максимальный размер пособия по безработице. Законом, принятым во исполнение Постановления КС РФ от 17 марта 2022 года № 11-П, выплата пособия по безработице в повышенном максимальном размере гарантирована гражданам, которые до указанной даты фактически уже являлись лицами предпенсионного возраста, были признаны безработными и получали данное пособие в максимальном размере.

Были усилены гарантии защиты прав военных пенсионеров, которым была прекращена выплата пенсии в связи с длительным ее неполучением. Законом, принятым во исполнение Постановления КС РФ от 7 апреля 2022 года № 14-П, предусмотрена выплата им суммы пенсии за прошлое время без ограничения каким-либо сроком, если пенсионными органами не выявлены установленные законом обстоятельства, в силу которых право на пенсию было утрачено.

КС РФ конкретизировал условия получения социальной жилищной выплаты для сотрудников органов внутренних дел, проживающих со взрослыми детьми (Постановление от 10 октября 2024 года № 45-П).

В Постановлении от 28 мая 2019 года № 21-П КС РФ подчеркнул, что на федеральном законодателе лежит обязанность урегулировать права лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, связанные с ведением традиционного образа жизни, традиционной хозяйственной деятельности и промыслов, исходя из специфики их жизнеобеспечения и социальной организации и гарантируя сохранение основы их самобытности.

Таким образом, вся социальная политика Российской Федерации, включая конституционно-судебную деятельность,

которой посвятил лучшие годы своей профессиональной деятельности М. В. Баглай, является важным фактором гарантирования социальных прав граждан и, стало быть, действенным инструментом развития социально ориентированного конституционализма.

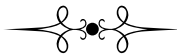
Список использованных источников

1. Бондарь, Н. С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире» // *Государство и право*. — 2020. — № 6. — С. 20–34.
2. Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов) (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2023 г.). — URL: <http://www.ksrf.ru>.
3. Lucherini, F. *The Constitutionalization of Social Rights in Italy, Germany, and Portugal: Legislative Discretion, Minimal Guarantees, and Distributive Integration* // *German Law Journal*. — 2024. — Vol. 25. — Iss. 2.
4. Умнова-Конюхова, И. А. Конституционные основы российского социального права: состояние и перспективы формирования // *Конституционное и муниципальное право*. — 2022. — № 10. — С. 3–10.
5. Бондарь, Н. С. Конституционный императив социальных прав (о практике Конституционного Суда Российской Федерации по социальной защите граждан) // *Конституционное право: восточноевропейское обозрение*. — 2002. — № 2 (39). — С. 216–225.
6. Бондарь, Н. С. *Экономический конституционализм: судебная доктрина и практика*/Н. С. Бондарь. — 2-е изд., перераб. —

- Москва: Норма: ИНФРА-М, 2025. — 304 с. — (Библиотека судебного конституционализма. Вып. 14).
7. Зорькин, В. Д. Под знаком обновленной Конституции: Конституционная основа социальной интеграции России // Журнал конституционного правосудия. — 2023. — № 4. — С. 1–8.
 8. Зорькин, В. Д. Современный мир, право и Конституция / В. Д. Зорькин. — Москва: Норма, 2010. — 544 с.
 9. Бондарь, Н. С. Равенство в этико-правовом измерении человека как юридической личности (от равенства перед Богом — к конституционному равенству) // Журнал российского права. — 2023. — Т. 27. — № 4. — С. 5–21.
 10. Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации). Одобрено решением Конституционного Суда Российской Федерации от 19 октября 2021 года. — URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf>.
 11. Эксперты оценили стоимость активов 500 «сверхбогатых» россиян. Россия — в мировых лидерах по концентрации состояний в руках мультимиллионеров. — URL: <https://w.rbc.ru/economics/10/06/2021/60c0c14f9a79476c014a3263>.
 12. Павел Разов: расслоение общества на материальной основе — это нормально, иначе социальные институты не могли бы функционировать. — URL: <https://rg.ru/2023/11/12/neravenstvo-v-dohodah.html>.
 13. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 298 (в ред. от 30 ноября 2024 г.) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 18 (часть I). — Ст. 2147.
 14. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 296 (в ред. от 30 ноября 2024 г.) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 17. — Ст. 2059.

15. В России запустят пять новых нацпроектов. — URL: <https://rg.ru/2024/03/03/vetom-plane.html>.
16. Бондарь, Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. — 2019. — № 11. — С. 25–42.
17. Бондарь, Н. С. Конфликт культур современных судебно-правовых систем: социальная справедливость или экономический прагматизм? // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире: XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. — Санкт-Петербург, 2024. — С. 35–39.
18. Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики / отв. ред. Н. С. Бондарь: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2024. — 384 с.
19. Лихтер, П. Л. Правовая категория «общее благо» в интерпретации Конституционного Суда Российской Федерации // Lex Russica. — 2019. — № 4 (149). — С. 78–84.
20. Ковалевский, М. М. Сравнительно-историческое правоведение и его отношение к социологии. Методы сравнительного изучения права // Сборник по общественно-юридическим наукам. — Вып. 1. — Санкт-Петербург, 1899.
21. Манаков, Д. А. Осмысление идеи общего блага в докантовской философской традиции // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 318. — С. 66–69.
22. Новая философская энциклопедия: в 4 т. — 2-е изд. — Москва, 2010.
23. Шадрин, В. В. О конституционно-правовых основах идеи общего блага в Российской Федерации // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия «История. Политология. Право». 2022. — № 1 (25). — С. 71–75.
24. Дедов, Д. И. Общее благо как система критериев правомерного регулирования экономики. — Москва, 2003.

25. Гусейнов, А. А. Междисциплинарный центр философии права. «Круглый стол» «Пути развития философии права в России» / А. А. Гусейнов, В. С. Степин, А. В. Смирнов [и др.] // *Росс. журнал правовых исследований*. — 2017. — № 1 (10). — С. 23–25.
26. Бондарь, Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. — Москва: Юстицинформ, 2005. — 592 с.
27. Сорокина, Е. А. Инновационные средства защиты социально-экономических прав в практике Конституционного Суда Южно-Африканской Республики // *Закон*. — 2024. — № 12. — С. 37–48.
28. Fioravanti, M. *Appunti di storia delle costituzioni moderne. Le libertà fondamentali*. Giappichelli, 1995.
29. Linares-Cantillo, A. *Introduction // Constitutionalism: O1 a Dilemmas, New Insights*/ed. by A. Linares-Cantillo. — Oxford, 2021.
30. Vitale, D. *Trust, Courts and Social Rights. A Trust-Based Framework for Social Rights Enforcement*. — Cambridge, 2024.
31. Федорова, М. Ю. Конституционный нормоконтроль в сфере социальной защиты // *Закон*. — 2020. — № 12. — С. 74–85.

SOCIAL SOLIDARITY, ENSURING SOCIAL RIGHTS —
THE BASIS FOR THE FORMATION OF SOCIALLY
ORIENTED CONSTITUTIONALISM

Bondar N. S.

*Doctor of Law, Professor, Head of the Department
of Constitutionalism of the Southern Federal University,
Head of the Scientific and Educational Center
of Judicial Constitutionalism of the Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
Head of the Center for Judicial Law of the Institute of Law
and the Lawyers of the Russian Federation under the Government of
the Russian Federation, Moscow, Russia,*

*Honored Scientist of the Russian Federation,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation
(2000–2020) in honorable retirement*

Abstract. In the framework of social issues as a sphere of scientific interests of M. V. Baglai, an important place has always been occupied by issues of social solidarity of society in relation to the social rights of citizens; in light of the constitutional amendments of 2020, they were significantly updated. Based on the analysis of the new normative content of the relevant provisions of the Constitution of the Russian Federation and the practice of their implementation, the author comes to the conclusion about the formation of socially oriented constitutionalism in the system of Russian statehood, which is based on the priority guarantee of the social rights of citizens, the creation of conditions that ensure a decent life, and the provision of the common good in the interests of each and every person and citizen of Russia. At the same time, special attention is paid to the role of the Constitutional Court of the Russian Federation as an important factor in guaranteeing the social rights of citizens, an effective tool for the development of social constitutionalism.

Key words: Constitution; constitutionalism; socially oriented constitutionalism; social solidarity; social rights; judiciary; judicial protection of social rights; Constitutional Court.

УДК 340.123

СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА

Корнев А. В.

*доктор юридических наук, профессор
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права,
Академия труда и социальных отношений,
г. Москва, Россия*

***Аннотация.** Настоящая статья посвящена научно-практическому анализу социальной функции государства. С момента формирования института государства его социальная функция играла важнейшую роль. Социальная функция эволюционировала и только относительно недавно получила свое конституционное закрепление. В данной работе рассмотрены отдельные аспекты реализации этой функции.*

***Ключевые слова:** государство; доктрина; конституция; право; социальная функция; функция.*

Для освещения проблемы, вынесенной в заглавие, нужны некоторые пояснения. Для того, чтобы описать содержание социальной функции государства, необходимо разобраться в аксиологической составляющей существования государства как явления (которое и само по себе, безусловно, имеет определенный ценностный характер). Следует также обсудить такой вопрос, как интересы и права человека. Перечисленные категории, очевидно, взаимосвязаны, и в процессе анализа их необходимо рассматривать вместе.

Итак. С началом формирования политико-правовой мысли, выдающиеся мыслители древности, в частности, Аристотель, исходили из того, что государство создается ради «благой жизни», решения проблем, с которыми не может справиться отдельно взятый человек. Аристотель классифицировал государства не только по количеству лиц, облеченных властью, но и с точки зрения целей государства. К примеру, там, где правит один властитель, имеет место монархия. В отношении же целей существования Аристотель разделял государства на «правильные», и «неправильные». Правильными по Аристотелю являются только те государства, в которых главенствуют интересы большинства.

Иными словами, уже на заре возникновения политической и правовой науки делаются попытки интерпретировать государство как институт, который должен решать проблемы социума. Но, к сожалению, практика государственности прежних исторических периодов свидетельствует об обратном. Государство и право было инструментом в руках тех, кто защищал корпоративные или личные политические интересы. То есть большую часть своей истории государство (и его законы) носило классовый характер. И в этом исторический материализм, безусловно, прав. Только распространение социалистических идей и возрастание их авторитета в мире заставили правящие круги западных стран обратить внимание на социальную функцию государства. Так, постепенно, в Германии (Отто фон Бисмарк), в Великобритании (Ллойд Джордж) и в некоторых других европейских государствах на повестку дня выдвинулась социальная проблематика. Но для этого необходимо было пересмотреть ценности, которые являются ориентиром развития общества и государства.

Итак, ценности представляют собой специфические социальные определения объектов окружающего мира, вы-

являющие их положительные или отрицательные значения для человека или общества. Внешне ценности выступают как свойства предмета (явления), однако они присущи ему не от природы, а потому, что вовлечены в сферу общественного бытия человека. По отношению к человеку они служат объектом его интересов. [1, с. 407]

Ценности могут иметь как индивидуальное, так и общественное значение. В научной литературе относительно недавно было принято в основном негативно оценивать советский период отечественной истории. В настоящее время мы этой тенденции уже не наблюдаем. К прошлому нашей страны стали в основном относиться более объективно. Да, возможно в СССР не было такого пристального внимания к правам человека, как это имело место в западной культуре. Тем не менее приоритеты были сформулированы верно — мы помним один из популярных лозунгов тех лет — «Всё во имя человека, всё во благо человека!». Данная установка не получила конституционного закрепления в буквальном смысле, но это не мешало органам власти предпринимать меры для ее реализации на практике.

Политика Советского государства была ориентирована именно на рядового гражданина. Каким вниманием были окружены дети (это, вообще, тема для отдельного глубокого исследования!). Однако после распада Советского Союза начался новый этап в развитии Российского государства. Он характеризовался формальным подражанием модели политико-правового развития западных демократий.

И в этой связи особо значимым является анализ ценностей. Ведь нередко приходится слышать, что социальные ценности носят универсальный характер и никоим образом не зависят от цивилизационных форматов. Не так давно с именем последнего руководителя Советского государства — М. С. Горбачевым — связывали концепцию

так называемого «нового мышления» и заключенную в ней систему «общечеловеческих ценностей». В действительности, это «новое» мышление на поверку оказалось хорошо забытым старым. Основное правило западного политического проекта государственного устройства — «разделяй и властвуй». Сегодня, как показывает практика, этот тезис актуален как никогда. В период становления новой, демократической России под «общечеловеческими ценностями», как выяснилось, понимались ценности западного мира. Тот, кто не хотел их разделять — подвергался нападкам, вплоть до физического насилия. Вспомним эпизоды агрессии западной военщины против «непокорных» государств. За последние двадцать лет их имело место немало. При этом ни о каком «международном праве» никто не вспоминал, вообще.

Итак, понятно, что ценности могут иметь различное толкование. Даже, если мы их разделяем. К примеру, гуманизм... На первый взгляд, данное учение может претендовать на универсальность. Тем не менее это не совсем верное утверждение.

Гуманизм связывают с целым направлением западной политико-правовой мысли, начала которого можно связать с именем Эразма Роттердамского. Его воззрения представляют собой теоретическую основу культуры Возрождения, родиной которой, как мы помним, является Италия. В своей основе гуманизм представляет собой учение о самодостаточности человеческой личности. В представлениях гуманистов каждый человек есть ценность, которая не нуждается в оправдании. Человек должен иметь право строить свою жизнь самостоятельно, то есть искать свой рай на земле, а не на небесах. Здесь видна попытка освободить человека от опеки церкви, от католической интерпретации сути бытия человека и его предназначения. Своего рода выражением

гуманизма в его западном понимании стала городская культура, которая, если быть справедливым, достойна того, чтобы внимательно к ней отнестись.

Город был федерацией. По этой причине он был вынужден, по крайней мере в течение нескольких веков, уважать религиозную и гражданскую независимость триб, курий и семей, и поначалу не имел права вмешиваться в частные дела каждого из этих сообществ. Город предоставлял отцу право судить жену, сына, своего клиента. Таким образом, пишет Фюстель де Куланж, «город являлся не собранием отдельных лиц, а федерацией нескольких групп, возникших до появления города и продолжавших существовать с его основанием. Из речей афинских ораторов мы видим, что каждый афинянин одновременно являлся членом четырех разных обществ; он был членом семьи, фратрии, трибы и города... Сначала ребенка принимают в семью с помощью религиозного обряда, который совершается через шесть дней после его рождения. Спустя несколько лет после совершения религиозного обряда, о котором мы уже рассказывали, его принимают во фратрию. Наконец, в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет он является для принятия в члены города. В этот день перед алтарем, на котором дымится жертвенное мясо, он произносит клятву, в которой ко всему прочему он обязуется чтить религию города. С этого дня он посвящен в общественный культ и становится гражданином. Проследите за молодым афинянином, который поднимается со ступени на ступень, от культа к культу, и вам станет понятно, каким ступенчатым путем шло развитие человеческого общества» [2, с. 127–128]

В отечественной литературе справедливо отмечают различия в городской цивилизации России и западных стран. С одной стороны, принципиальной разницы нет. Тем не менее некоторые дореволюционные авторы всерьез по-

лагали, что история России могла бы быть иной, если бы города имели на Руси такое же значение, как в Европе.

Дело в том, что европейские города возникали на земле крупнейших феодалов, то есть королей или курфюрстов. Эти землевладельцы считали город своей собственностью со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако города боролись за свои права, они претендовали на автономию. Можно без всякого преувеличения говорить о колоссальной роли города в становлении многих институтов общества, включая рыночную экономику и систему прав человека. Таким образом, можно считать, что и социальное государство выросло из городской культуры, которая сформировала экономические предпосылки для его появления.

Как справедливо пишет К. Грэй, средневековый город — это особое явление. Укрепленное, густонаселенное поселение с собственными законами и правилами, собственным ополчением и развитыми товарно-денежными отношениями было островком независимости, культуры, богатства и даже в какой-то мере демократии в средневековом сельскохозяйственном феодальном мире. Города отстаивали свои права и свои границы, отказывались терпеть над собой власть графов и князей и в большинстве стран являлись естественной опорой королей, поддерживая их в борьбе с самовластием знати. Города были центрами торговли, туда стекались деньги, товары, знания, технические новации, там селились передовые и решительные люди [3, с. 183–184].

Фернан Бродель, выдающийся ученый, историк цивилизаций, констатирует, что Мухаммад жил, творил (если можно так сказать) в городской среде, в Мекке, вне еще примитивной Аравии. В те времена богатство города было недавним, обусловленным его связями с другими далекими, находящимися за рубежами Аравии городскими центрами.

Это богатство зиждилось на торговле и торговом капитализме, в Мекке лишь нарождавшемся.

Можно не сомневаться, что еще до озарения Мухаммад в качестве сопровождающего торговые караваны познакомился (не только в Аравии, но и в Сирии) с теми, кто исповедовал иудаизм и христианство. Его предписания, призывы муэдзинов, общая пятничная молитва, чадра, требуемое от правоверных и их имамов (то есть тех, кто руководит молитвой) достоинство предполагают наличие городского окружения, то есть свидетелей, толпы, городского соседства. В начале истории ислама центрами веры являются города, что напоминает христианскую церковь при ее появлении на Западе: крестьянин рассматривался как неверный, *поганый*, язычник [4, с. 69].

И, видимо, с этим сложно спорить. Город как бы создает «общее пространство». Человеку для познания себя нужен «другой», ибо в оценках других мы узнаем сами себя. На храме Аполлона в Дельфах была надпись: «Познай самого себя». Эту фразу приписывают многим, но чаще всего Хилону — одному из семи древнегреческих мудрецов. Однако человеку трудно познавать себя без оценок иных людей. Именно общее пространство и создает то, что квалифицируют как городскую культуру. Представляется, что «урбанизм», это всё-таки нечто иное.

Религиозные начала, которые могли утвердиться только в городах, повлекли за собой *реорганизацию пространства* и внесли новое представление об использовании времени.

Жак ле Гофф отмечает, что монашеский образ жизни наложил весьма ощутимый отпечаток на европейские традиции. Именно благодаря ему в христианском обществе распространяется обычай устанавливать распорядок дня. Ведь у монахов практикуется регулярная коллективная молитва в специально отведенное для этого время, и днем и ночью, — восемь уставных, или монастырских часов.

Влияние христианства особенно заметно в области времечисления. Христианское Средневековье продолжает жить по римскому, юлианскому календарю. Но появляются важные нововведения. Прежде всего, это ритм жизни, задаваемый неделей. Аналогия с Книгой бытия, с Сотворением мира придает особенный статус семидневному ритму: шесть дней работы. Потом день отдыха. Соблюдение правила воскресного отдыха становится вскоре обязательным для всех христиан, и только Карл Великий убедит Церковь сделать исключение для крестьян, которые, если стоит хорошая погода, не могут терять времени и прерывать сельскохозяйственные работы, особенно в период сбора урожая.

Кроме того, влияние христианства привело к серьезному изменению календаря. Возникает новая точка отсчета времени — христианская эра: монах Дионисий Малый в 532 году назвал рождение Христа новым началом истории. Впрочем, Дионисий допустил ошибку в расчетах, и на самом деле начало христианской эры соответствует приблизительно 4 году до нашей эры [5, с. 45–46].

Конечно, влияние религии и Церкви как важнейшего института общества никто не оспаривает. Это важнейшие государствообразующие факторы, которые оказали влияние и на формирования того, что принято называть городской цивилизацией (культурой)¹.

Города выступали драйверами экономического развития. Причем как в Европе, так и в России. Вспомним экономическое могущество Великого Новгорода, Пскова, Вятки.

Важно понимать, что города были не просто административной единицей. Это были, прежде всего, центры культу-

¹ Если и стоит проводить различия между этими категориями, то различия неизбежно будут носить условный характер: при описании каждого из этих явлений будет иметь место взаимное наложение их природы.

ры. Именно в рамках городской культуры формировалось представление о роли человека, его правах, свободах и пр. Есть все основания констатировать особую роль города в формировании того, что принято именовать демократической системой ценностей (при всей условности содержания этой категории в настоящее время). Сегодня, к сожалению, «демократия» дискредитировала себя.

Таким образом, гуманизм в западном понимании имеет светское происхождение. Он рожден городской цивилизацией, западной культурной ойкумены. Вольно или невольно такое понимание гуманизма привело к индивидуалистической психологии, эгоизму индивида. Человек начинает воспринимать сам себя как «центр вселенной», которому всё позволено. Некогда Патриарх Московский и всея Руси Алексий II выступил в Европарламенте с лекцией, которая была посвящена правам человека и их соотношению с моралью, нравственностью и религией. Кстати, это единственное за всю историю данного института выступление церковного иерарха такого уровня. Оно произвело эффект и вызвало активное обсуждение. Стало понятно, что западная система ценностей вступила в конфликт со своей изначальной цивилизационной основой. Хотя осознают это не все (особенно на Западе), и это противоречие — между идеологией правящих элит и обществом — становится всё более очевидным.

Можно обратиться и к идеологии трансгуманизма. На первый взгляд, в ней нет ничего плохого: дается установка на использование современных технологий с целью устранения негативных аспектов человеческого существования, включая старение, болезни и даже смерть. Но, во-первых, эти технологии будут доступны не всем; во-вторых, их применение может войти в конфликт с существующей системой ценностей. Да и остались ли они в западной культуре? Вот в чем вопрос!

В России говорили не столько о гуманизме, сколько о человеколюбии. Это близкие, но не тождественные категории. Человеколюбие имеет не светское (гуманизм), а религиозное основание. Если человек создан по образу и подобию Божию, то и поступать в своей земной жизни он должен соответственно. Человеколюбие создает принципиально иную систему оценок и поведенческих мотивов: «сам погибай, но товарища выручай» не имеет ничего общего с западной версией гуманизма.

Представляется, что гуманизм предполагает помощь бедным в силу объективного характера бедности как социального явления. А вот человеколюбие, по всей видимости, нет. Потому что богатство воспринимается как грех. Мы видим, как совершенно по-разному в данном случае может интерпретироваться социальная функция государства. Ибо ценности оказываются различными.

Вот еще один пример соотношения ценностей: можно ли поставить знак равенства между «парламентаризмом» и «соборностью»? Видимо, всё же нет. Но это вовсе не означает, что мы должны отвергать иные ценности, которые не являются изначально присущими нам. К. П. Победоносцев, выдающийся русский юрист, в своей работе «Великая лож нашего времени» подверг беспощадной критике практически все столпы западной демократии. «То, что основано на лжи, то не может быть правом» — вот основной тезис данной работы. «Досталось» в ней и народовластию, и парламентаризму. В настоящее время обыватель не особенно задумывается над истинной природой этих институтов. Но если внимательно к ним присмотреться, то наши типичные представления могут измениться до неузнаваемости. К сожалению, современная реальность для этого дает почву.

И все-таки, не стоит всё отбрасывать. Переосмыслить — да, отказываться вовсе — нет. В этой связи опыт

строительства социальной государственности и реализации социальной функции государством весьма полезен.

Статья 2 Конституции Российской Федерации гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». В государственно-правовой понятийной сфере к ценностям относят справедливость, демократию, равенство, права человека, свободу. Реже, точнее почти никогда к ценностям не относят ни государство, ни тем более империю.

Между тем в российской истории государство играло более значимую роль, чем у иных народов и цивилизаций. Можно смело утверждать, что именно государство является демиургом, то есть творцом российской истории. Все значимые события так или иначе связаны с активностью государства. В этом состоят его особенности. В западной цивилизации общество и его институты в основном «творили» историю. Если там рушилось государство, то его функции с определенной долей успеха выполняло общество. Если же в России деградировало государство, то одновременно с ним разрушалось практически всё. Печальный опыт 90-х годов XX века тому подтверждение. Мы всё еще пытаемся восстановить то, что было разрушено в тот период.

Ценность государства прежде всего состоит в том, что оно является условием бытия общества. Те народы, которые утрачивали свою государственность, как правило, исчезали. Нет государства, нет и общества. В этом смысле можно понять стремление любого народа иметь собственное государство. Без государства любой народ из субъекта истории превращается в её объект. Об этом стоит помнить всегда.

Было ли Советское государство социалистическим? Вопрос этот до настоящего времени остается открытым. Споры об этом по большей степени носят не научный, а

идеологический характер. Даже самые ярые противники советского проекта не могут отрицать его социальной направленности. Тем не менее, являясь социально ориентированным, Советское государство официально не именовалось *социальным*, но лишь *социалистическим*. И, надо честно признаться, ностальгические настроения по той эпохе до настоящего времени не изжиты, в некотором роде даже обрели второе дыхание. Советского человека не пугали ни старость, ни болезни. Он знал, что без социальной заботы со стороны государства он не останется. И, пожалуй, самым главным являлось то, что он был гражданином сверхдержавы, с интересами которой были вынуждены считаться все государства в мире, без исключения. С разрушением Советского Союза Россия стала на новый путь. И вот с невероятными трудностями, но тем не менее в Конституции Российской Федерации 1993 года появляется статья 7, в которой говорится: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека...».

Разумеется, коль скоро Россия объявила себя социальным государством, то нужно было с этого момента ориентировать деятельность всего государственного механизма на удовлетворение прав и свобод граждан, среди которых особое место занимают социально-экономические права.

Хорошо известно, что рынок не только устраняет многие инфраструктурные проблемы в сфере взаимодействия государства и общества, но и порождает немало противоречий. В некотором роде социальное государство призвано компенсировать «дефектность» рыночного механизма. А в наши дни на первый план выходит задача построения не столько рыночной, сколько *социально ориентированной* рыночной экономики. И в этой связи закономерным шагом

исторического развития форм государственного устройства стало социальное государство. Именно оно призвано обеспечить достойный уровень жизни своим гражданам.

Социальное государство — очередная, более высокая ступень в развитии политико-правовой формы общественного устройства. Оно не подменяет, а существенно дополняет базовый проект *правового* государства. Хотя в каждой стране существуют свои представления и особые национальные подходы к систематике такого государства, всё же наличествуют и некоторые общие черты. Правовое государство на западный манер, как его представляли «отцы-основатели», преимущественно должно было заниматься только охраной правового порядка. Никаких социальных обязательств перед своими гражданами оно не нести не должно было. Этой модели соответствовало и понимание природы права — правовые механизмы не имели какого бы то ни было социального обременения. До определенного момента «священный» характер собственности был своеобразным правовым каноном. Со временем пришло понимание того, что «собственность обязывает». Данный тезис получил в некоторых государствах конституционное закрепление; как следствие — меняется содержание конституций, но он продолжает оставаться актуальным.

Современная экономика постепенно социализируется. Такие процессы происходят и в правовой сфере. Именно советской (и российской) научной школе юриспруденции принадлежит теоретическое, а затем и практическое закрепление «права на достойное существование».

По этой причине российскому обществу предстоит пересмотреть значение таких категорий, как «государство» и «право». В постсоветский период было принято писать и говорить об излишней «социальной нагрузке» на государство, которая воспринималась как пережиток советской

экономической модели и провоцировала «иждивенческие» настроения. И если говорить откровенно, то основания для такой критики были: мотивация к производительному труду минимизировалась уравнительностью, когда фактически за разный объем и качество работы выплачивалась одинаковая заработная плата. Конечно, данное обстоятельство не способствовало достижению макроэкономического баланса в народном хозяйстве.

Отказ от советской экономической модели сопровождался шоковыми последствиями: в 1990-е годы были сняты ограничения на уровень цен, что спровоцировало гиперинфляцию и обнищание населения; одно за другим закрывались предприятия, росла безработица; напряжение в обществе вылилось в драматические события октября 1993 года. Многие авторы и по сей день называют этот период эфемеризмом «конституционный кризис». В юридической литературе того времени господствовали либеральные взгляды. Ни о какой реальной социальной функции государства и права речь не шла. И лишь существенная деградация социогуманитарной сферы привела к пересмотру приоритетов и фокусированию на социально-экономических правах.

Сейчас идет активный поиск путей расширения прав человека. Многие из так называемых «прав», которые активно продвигаются извне, представляют собой сочетание откровенной пошлости, деградации, «расчеловечивания» человека как такового. По этическим соображениям не хочется давать описание этих прав, хотя они навязываются западным обществом (в том числе по каналам массовой культуры) весьма агрессивно. Но даже в т. н. еврозоне не все следуют курсу на беспредельный индивидуализм. Так, жесткое неприятие подобного рода новаций проявляет Польша. Мы знаем, что эта страна (и особенно её политическая элита) проводит откровенно русофобскую политику. Но Польша

не отказалась от своего культурно-цивилизационного кода. В Польше функционирует не министерство юстиции, а министерство справедливости. В этой стране до настоящего времени действует законодательство, принятое еще в период ее социалистического прошлого (хотя определенные изменения, конечно, внесены, но преемственность очевидна). И это не может не вызывать уважения. Ориентация на справедливость означает больше, чем стремление к эффективности и прибыли. Именно в этом, по нашему мнению, состоит социальная направленность государства.

Большая часть «нормального» человечества (в понятие «норма» мы вкладываем то, что признается большинством и воспроизводится от поколения к поколению в социальных практиках) хорошо представляет себе, какими правами обладает. Уместно вспомнить в этом смысле о кардинальной трансформации в ментальности населения нашей страны в советский период истории, когда идеи социализма действительно стали внедряться в жизнь. Этот процесс стали признавать даже те, кто не считал социалистическую правовую культуру приемлемой. П. И. Новгородцев писал: «Среди тех прав, которые помещаются обыкновенно в современных декларациях, нет одного, которое по всем данным должно бы найти место в символе веры современного правосознания: это — право на достойное человеческое существование... правосознание нашего времени выше права собственности ставит право человеческой личности» [6, с. 321–325].

Эта идея нашла свое выражение во всех советских конституциях без исключения. Советская юридическая доктрина исходила из базового приоритета социально-экономических прав перед всеми другими. Правильно ли это? Трудно сказать. Можно только предположить, что большинство скорее предпочтет гарантированное право на труд и медицинское обеспечение, чем право изменить пол

или право на митинг, поскольку труд и здоровье — более «нормальны» как насущные жизненные ценности.

Однако ныне приходится констатировать, что многие права, особенно относящиеся к социально-экономическому блоку, фактически девальвировались. У нас теперь, как и во всем «цивилизованном мире» основная масса населения беднеет, а численность миллионеров и миллиардеров при этом возрастает. И нужно понимать: никакого парадокса в этой ситуации нет — это следствие той системы экономических отношений, которая «прижилась» и у нас.

При всем различии Российской Федерации и США в одном мы схожи: фактически и у нас, и у них в экономике доминирует уникальный самоценный «товар»: в России — это нефть и газ, в США — доллар. За годы «реформ» на 85% было уничтожено отечественное станкостроение, такая же участь постигла авиастроение, и никто за это не ответил. Для возвращения в область технологического саморазвития сегодня нам нужна колоссальная структурная перестройка всей экономической системы. Необходимо менять и наше законодательство.

Вопрос: нужна ли при этом другая Конституция? Поправки 2020 года не поменяли принципиальных конституционных положений: нельзя без недоумения читать ст. 9 Конституции РФ и без иронии комментарии к ней. Столь же много вопросов вызывает ст. 13.

Можно ли ждать отмены санкций только лишь за тем, чтобы мы по-прежнему кормили западных производителей, а своих граждан занимали преимущественно офисной работой?

Согласно социологическим исследованиям, не только бюджетники, но и подавляющая часть мелкого и среднего бизнеса выступают за то, чтобы не реанимировать тесные контакты с западными компаниями, то есть, по сути, снова становиться вассалами транснациональных корпораций,

работая на процветание экономик стран с развитыми демократиями. Санкции оказали содействие в восстановлении многих заброшенных отраслей. И сегодня наши сограждане всё активнее выступают за подъем отечественного производства и большую социальную защищенность: сначала нужно воссоздать (а может быть создать заново) национальную экономику, а затем уже думать о следующих по значимости приоритетах.

Современная Россия уже не желает играть роль «сырьевого придатка» «развитого Запада». Президент РФ обозначил грандиозные цели — постараться добиться технологического и социогуманитарного лидерства в мире. Для этого государство должно эффективно реализовывать свои функции, то есть направления деятельности, в которых выражается его сущность и социальное назначение.

Президент Российской Федерации В. В. Путин в послании Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года фактически объявил приоритетной социальной функцию государства; он описал масштабные социальные планы, которые предстоит реализовать. Но — главное — он отметил, что самое ценное, чем располагает Россия сегодня, — это люди. На обеспечение их интересов и должна быть направлена деятельность государства. Конституция к этому обязывает. Представляется, что и в дальнейшем наше государство должно оставаться не только правовым, но и социальным. Это утверждение гарантирует преимущество в конституционном развитии страны, что можно только приветствовать.

Список использованных источников

1. *Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. — Москва: Политиздат, 1981. — 487 с.*

2. Куланж де Фюстель. — Москва: Центрполиграф, 2010. — 348 с.
3. Грэй, К. Германия. Полная история страны. — Москва: АСТ, 2021. — 415 с.
4. Бродель, Ф. Грамматика цивилизаций. — Москва: Изд. группа «Альма Матер»; «Гаудеамус», 2023. — 568 с.
5. Гофф ле Ж. Рождение Европы. — Санкт-Петербург: Александрия, 2014. — 485 с.
6. Новгородцев, П. И. Сочинения. — Москва, 1995. — 536 с.

THE SOCIAL FUNCTION OF THE STATE

Kornev A.V.

*Doctor of Law, Professor, Head of the Department
of Theory and History of State and Law,
Academy of Labor and Social Relations,
Moscow, Russia*

Abstract. This article is devoted to the scientific and practical analysis of the social function of the state. Since the formation of the institution of the State, its social function has played a crucial role. The social function has evolved and only relatively recently received its constitutional consolidation. In this paper, some aspects of the implementation of this function are considered.

Key words: state; doctrine; constitution; law; social function; function.

УДК 316.4

СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ

Карцов А. С.

доктор юридических наук,
советник Конституционного Суда РФ, профессор,
Северо-Западный институт управления РАНХиГС
при Президенте РФ,
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье — в контексте состоявшейся конституционной реформы 2020 года — рассматривается конституционализация солидарности, как конституционной ценности, в ее ключевых проявлениях (политическом, экономическом, социальном). Автор отмечает особое значение конституционно-судебной практики в утверждении начал солидарности в социальных и трудовых правоотношениях, в том числе в период, предшествующий конституционной реформе. При подготовке данной работы были использованы аналитические материалы секретариата Конституционного Суда РФ, в подготовке которых принимал участие сам автор.

Ключевые слова: социальная солидарность; конституционная ценность; конституционализация; конституционное регулирование; социальная защита.

С тановление солидарности в качестве общеправовой категории определялось прежде всего поиском ценностно приемлемого соотношения индивидуальной свободы и социального долга, равновесия между частными и публичными интересами, между отдельными частными

интересами, а также между отдельными публичными интересами.

Драматичный опыт XX столетия усилил привлекательность идеи солидарности и восходящих к ней концепций общественного развития как предпочтительной альтернативы крайностям казарменного социализма и рыночного либерализма, уравнительного коллективизма и анархического индивидуализма.

В этой связи в отдельных национальных правопорядках происходит конституционализация начала солидарности как исходно стоящей перед государством задачи либо единственно возможного неразрушительного для социума способа сосуществования разновеликих социальных единиц — индивидов и корпораций, этносов и конфессий и т. д.

Следует подчеркнуть, что, не присутствуя вплоть до 2020 года терминологически в тексте Конституции Российской Федерации (далее также — Конституция, Основной Закон), данное начало субстанционально было изначально включено в систему конституционного регулирования. И в качестве принципа (динамический аспект), и в качестве ценности (статический аспект).

На это со всей очевидностью указывают такие обозначенные в преамбуле Основного Закона конституционные ценности, как сознание общей исторической судьбы, связывающей отдельные этносы в народ России; гражданский мир и согласие; государственное единство и незыблемость его демократической основы; почитание памяти предков и уважение к истории Отечества, ответственность за благополучие и процветание России перед будущими поколениями; вера в добро и справедливость.

На протяжении периода после вступления в силу Конституции 1993 года, Конституционный Суд РФ способствовал утверждению в российском праве всех, впослед-

ствии поименованных в конституционном тексте проявлений начала солидарности. Некогда бывшее отраслевым, относящимся к социальным, трудовым, отчасти гражданским правоотношениям, начало солидарности в правовых позициях Конституционного Суда РФ наделяется свойствами неотъемлемого элемента системы конституционного регулирования, обретая качества целостного, объемлющего всю правовую действительность нарратива. Выявление посредством конституционного нормоконтроля нормативного смысла солидарности и уточнение этого смысла применительно к каждой нормоконтрольной ситуации способствует разграничению его предметного содержания с иными, системно связанными с ним конституционными концептами.

Последовательно обращаясь с самого своего создания, в том числе на протяжении тридцати лет действия Конституции Российской Федерации, к данному началу как к конституционно значимому, Конституционный Суд РФ внес во многом решающий вклад в приобщение солидарности в ее ключевых формах и их проявлениях. К кругу таких основополагающих конституционно-правовых понятий, как гражданский мир, осуществление прав и свобод без нарушения прав и свобод других лиц, соразмерность ограничений прав и свобод, сбалансированность прав и обязанностей и т. д. [1]

Новый этап конституционализации начала солидарности ознаменовала конституционная реформа 2020 года. Обеспечение в Российской Федерации экономической, политической и социальной солидарности получило непосредственное закрепление в Конституции (ст. 75¹). Помимо положений общего характера, в обновленный конституционный текст было включено также специальное положение, посвященное солидарности поколений (межпоколенческой

солидарности), которая, в том числе, выступает основой пенсионного обеспечения граждан (ч. 6 ст. 75).

Что касается отечественной юридической науки, то и до 2020 года ее представители проявляли заметное внимание к проблематике солидарности [3; 10; 11]. Конституционные новеллы в еще большей степени обострили интерес к осмыслению того места, которое в системе конституционного регулирования занимает начало солидарности во всех характеризующих его измерениях — солидарность как принцип; солидарность как ценность; экономическая, политическая, социальная солидарность [2; 4; 5; 6; 7; 8; 9].

Что касается непосредственно социальной солидарности как одного из конституционно закрепленных проявлений начала солидарности, то его ценностное содержание неразрывно связано с конституционными положениями о социальном государстве, действительному претворению начал которого и в правовом регулировании, и в правоприменении оно способствует.

В рамках обновления конституционного регулирования был учтен запрос российского общества на упрочение социальной солидарности. Основной Закон дополнили положения, углубляющие конституционные основания социальной защиты. Так, например, в нем получили отражение обязательное социальное страхование и адресная социальная поддержка как организационно-правовые формы социальной защиты, принципы формирования пенсионной системы, а также подтверждены обязательства государства по обеспечению индексации пенсий и иных социальных выплат (ст. 75, ч. 6 и 7).

В качестве одного из основных проявлений конституционного принципа солидарности было текстуально закреплено само понятие социальной солидарности. Отныне, наряду с экономической и политической солидарностью, она

включена в конституционный механизм достижения целей государственной политики, обеспечивая взаимное доверие государства и общества, защиту достоинства граждан и уважения человека труда, сбалансированность прав и обязанностей гражданина (ст. 75¹), фигурируя помимо того в посвященных пенсионному обеспечению положениях (солидарность поколений).

Тем самым социальная солидарность, способствуя упрощению социальной, а не только формальной (юридическое равенство) справедливости, выступает важным ценностно-регулятивным средством смягчения социального неравенства, преодоления конституционно неприемлемых последствий поляризации доходов, обеспечения достойных условий жизни для всех граждан, включая принадлежащих к уязвимым группам.

Проявление начала солидарности в области социальной защиты, готовность общества поддержать адресатов оказываемой помощи знаменуют сложившийся консенсус относительно предоставления конкретных форм льготного и материального обеспечения. Оказание мер социальной поддержки, помимо своей непосредственной цели (предоставление средств, обеспечивающих достойное существование), также служит значимым выражением публичной признательности за высокие достижения соответствующего лица при выполнении им служебных (трудовых) обязанностей.

В целом, диалектически совмещая предпосылки стабильности (не равнозначной бездвижности) и развития (не скачкообразно догоняющего, но постепенного, а потому плодотворного), начало солидарности предполагает, наряду с политическим и экономическим, также и социальное сплочение в той мере, в какой того требует процветание общества и устойчивость основ государства.

На текущем этапе возрастающее значение социальной солидарности — и в качестве ориентира правовой политики, судебного и административного правоприменения, и в качестве основы взаимодействия институтов гражданского общества и частных лиц — обусловлено, помимо прочего, встающими перед нашей страной серьезнейшими вызовами — демографическими, эпидемиологическими, технологическими, экологическими и (не в последнюю очередь!) геополитическими.

В отмеченном контексте социальная солидарность как одно из конституционно закрепленных проявлений начала солидарности выступает перспективным направлением поступательной конституционализации российского права, совершенствования отраслевого регулирования, а также его судебного и административного применения.

Список использованных источников

1. *Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов)»* (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023 г.).
2. Агамагомедова, С. А. *Экономическая солидарность: Конституционный принцип и ценность экономического взаимодействия* // *Право*. — 2023. — № 2. — С. 114–138.
3. Алебастрова, И. А. *Социальная солидарность как фактор эволюции прав и свобод человека и гражданина* // *Актуальные проблемы российского права*. — 2015. — № 2. — С. 21–27.
4. Блохин, П. Д. *«Новый» конституционный принцип социально-экономической солидарности* // *ARS IURIS: сборник научных статей к юбилею Г. А. Гаджиева*. — Москва: Статут, 2023. — С. 13–25.

5. Гришкова, А. А. Солидарность в условиях новых конституционных реалий и некоторые административно-правовые средства ее обеспечения // *Правовая политика и правовая жизнь*. — 2022. — № 2. — С. 142–151.
6. Ирхин, И. В. О публично-правовой институционализации феномена межпоколенческой солидарности: российская модель // *Конституционное и муниципальное право*. — 2023. — № 1. — С. 22–25.
7. Кокурина, О. Ю. Публичная ответственность и обязанности государства в контексте конституционного принципа общественной солидарности // *Административное право и процесс*. — 2024. — № 2. — С. 10–18.
8. Пермиловский, М. С. Солидарность — новая конституционная ценность или классический принцип права? // *Государственная власть и местное самоуправление*. — 2022. — № 7. — С. 3–6.
9. Умнова-Конюхова, И. А. Принцип солидарности в постиндустриальном обществе: особенности содержания и тенденции развития/И. А. Умнова-Конюхова, И. А. Алешкова // *Международное публичное и частное право*. — 2021. — № 1. — С. 3–7.
10. Эбзеев, Б. С. Государство и личность в России: социальная солидарность как парадигма отечественного конституционализма // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. — 2013. — № 6. — С. 986–999.
11. Эбзеев, Б. С. Личность и общество: социальная солидарность как основа взаимной ответственности и конституционных обязанностей // *Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства*. — Казань, 2006. — С. 91–115.

SOCIAL SOLIDARITY
AS A CONSTITUTIONAL VALUE

Kartsov A. S.

*Doctor of Law, Advisor to the Constitutional Court
of the Russian Federation, Professor,
North-Western Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia*

Annotation. In the context of the constitutional reform of 2020, the article examines the constitutionalization of solidarity as a constitutional value in its key manifestations (political, economic, social). The author notes the special importance of constitutional judicial practice in affirming the principles of solidarity in social and labor relations, including in the period preceding the constitutional reform. In preparing this work, analytical materials from the secretariat of the Constitutional Court of the Russian Federation were used, in the preparation of which the author himself participated.

Key words: social solidarity; constitutional value; constitutionalization; constitutional regulation; social protection.

УДК 342.415+34.241

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ОСНОВА КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Акопов Л. В.

*доктор юридических наук, профессор,
Донской государственной технической университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

***Аннотация.** В данной статье речь идет о важнейшей основе конституционного строя современной России — социальном характере государства, в котором должен обеспечиваться достойный уровень жизни граждан, подлежат искоренению бедность и неприемлемый разрыв в доходах наиболее и наименее обеспеченных слоев населения; должна быть до предела минимизирована безработица, созданы надежные гарантии государственной поддержки людей с ограниченными возможностями. Презюмируется недопустимость сохранения бедности в социальном государстве.*

***Ключевые слова:** Конституция Российской Федерации; социальное государство; уровень жизни; социальная политика; бедность; социальные гарантии; доходы населения; социальные права.*

Закрепленная статьей 7 Конституции Российской Федерации характеристика нашего государства в качестве социального получила свое дальнейшее развитие в пакете дополнений и изменений, содержащихся в Законе Российской Федерации о поправке к Конституции

от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, одобренном на общероссийском голосовании 1 июля того же года и вступившем в силу 4 июля 2020 года (Указ Президента РФ от 3 июля 2020 г. № 445). В Основной закон были включены относящиеся к социальным гарантиям такие новые нормы, как: часть 4 статьи 67.1; пункты «ж» и «ж.1» части 1 статьи 72; части 5–7 статьи 75; статья 75¹.

Как верно отмечено А.Ф. Мещеряковой, «провозглашение государства социальным государством на конституционном уровне говорит о том, какое значение придается данной характеристике, если она возводится в ранг одной из главных основ конституционного строя» [1, с. 28–29].

Для того чтобы в полной мере удовлетворять критериям социальной государственности современной России необходимо: избавиться от всё еще имеющей распространение бедности части населения, свести к минимуму (эпизодичности) безработицу, устранить колоссальное имущественное и финансово-материальное расслоение граждан, сформировать социально ответственное бизнес-сообщество, существенно повысить доступность и качество работы таких компонентов общественной инфраструктуры, как здравоохранение, образование и культура; гарантировать справедливость, достойный уровень и эффективность пенсионного обеспечения, а также создать надежный механизм социальной поддержки и защиты семьи, детей и людей с ограниченными возможностями.

О масштабности и сложности перечисленных выше задач, а также о способах их решения обстоятельно и предметно говорилось в послании Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 года [2, с. 1–5]. Как было сказано главой Российского государства в этом важнейшем доктринальном

выступлении (по сути, обозначившем стратегию развития страны до 2030 года): «в 2000-м году за чертой бедности в России находилось более 42 млн человек. По итогам прошлого (т. е. 2023-го года — Авт.) количество людей за чертой бедности снизилось до 13,5 млн человек. Конечно, и это много. Но мы держим решение этой проблемы в зоне постоянного внимания... Хочу повторить: проблема бедности по-прежнему острая. Сейчас она прямо затрагивает более 9% населения страны, а среди многодетных семей <...> уровень бедности составляет около 30%. Нужно поставить четкие цели и последовательно двигаться к их достижению: добиться, чтобы к 2030 году уровень бедности в России стал ниже 7%, а среди многодетных семей — снизился более чем в два раза, хотя бы до 12%. То есть мы должны сделать особый акцент на снижении бедности, прежде всего многодетных семей» [2, с. 2].

В данном контексте вызывает серьезную озабоченность тот факт, что императивная норма Конституции Российской Федерации о социальном государстве останется не вполне реализованной и в 2030-м году, учитывая то обстоятельство, что в подлинно социальном государстве бедности не должно быть по определению. Обратим здесь внимание и на то, что в своем выступлении на пленарном заседании Государственной Думы 27 февраля 2024 года руководитель фракции КПрФ в этой палате парламента Г. А. Зюганов заявил: «У нас 20 млн нищих. Си Цзиньпин поставил задачу избавить Китай от этой беды. Составил график, определил ответственных. И 800 млн человек вышли из нищеты. Там больше никто не находится за чертой бедности. А в нашей, более богатой стране, доходы растут только у олигархов, которые даже в условиях войны не хотят платить нормальные налоги» [3, с. 1]. При всей политической пристрастности сказанного, следует признать, что вряд ли нужно от-

кладывать ликвидацию бедности в нашем государстве до 2030-го года, когда Основному закону, провозгласившему социальное государство, исполнится без малого четыре десятилетия.

В числе основных причин сохранения бедности в России следует назвать не вполне справедливый и явно недостаточный уровень оплаты труда в целом ряде отраслей; низкий уровень пенсионного обеспечения у большинства пенсионеров; заниженную расчетную оценку усредненного прожиточного минимума, всё еще сохраняющуюся безработицу; всевозрастающую долю платных услуг в здравоохранении и образовании. Полагаем, что при условии разработки оптимально сформированной национальной целевой социальной политики государства и ее эффективной реализации бедность в нашей стране может быть изжита в более короткие сроки. Пока же благосостояние населения в России находится на более низком уровне, чем в развитых зарубежных странах. И как верно отмечено Н. С. Колесовой, по-прежнему ключевой проблемой остается материальное наполнение конституционных положений, провозглашающих Россию социальным государством и регламентирующих социальные права [4, с. 105].

Исходя из этого, откладывать на длительное время решение проблемы преодоления бедности миллионов россиян не следует ни при каких условиях, так как эта ситуация входит в прямое противоречие с основами конституционного строя нашего государства.

В новом этапе совершенствования российского законодательства считаем необходимым закрепить в нем требования социальной солидарности, справедливости и партнерских отношений как обусловленных сутью конституционных признаков социального государства.

Список использованных источников

1. Мецзякова, А. Ф. Социальное государство: теоретико-правовые аспекты формирования и развития // Наука. Общество. Государство. — 2021. — Т. 9, № 3. — С. 26–36.
2. Российская газета. — 2024. — 1 марта. — № 46 (9288). — С. 1–5.
3. Советская Россия. — 2024. — 29 февраля. — № 21 (15430). — С. 1.
4. Колесова, Н. С. Права человека и демографические процессы. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2013. — 240 с.

THE WELFARE STATE
AS THE BASIS OF THE CONSTITUTIONAL ORDER
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Akopov L. V.

*Doctor of Law, Professor, Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. This article deals with the most important foundation of the constitutional system of modern Russia — the social nature of the state, which must ensure a decent standard of living for citizens, poverty and an unacceptable income gap between the most and least affluent segments of the population must be eliminated; unemployment must be minimized to the limit, reliable guarantees of state support for people with disabilities must be created. It is assumed that the persistence of poverty in a welfare state is unacceptable.

Key words: Constitution of the Russian Federation; welfare state; standard of living; social policy; poverty; social guarantees; incomes of the population; social rights.

УДК 342.72

**ОТРАЖЕНИЕ
ПРИНЦИПА СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА
В ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЯХ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ**

Чуйков Д. А.

*секретарь Федерации независимых профсоюзов России —
представитель ФНПР в ЮФО,
аспирант кафедры трудового права,
Академия труда и социальных отношений,
г. Москва, Россия*

Соловьев А. В.

*главный правовой инспектор труда —
заведующий отделом правовой работы,
Федерация профсоюзов Ростовской области,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация. Конституционный принцип социального государства — один из базовых элементов правотворческого процесса в Российской Федерации. Этот принцип, выступая заложенным в Основном законе страны незыблемым фундаментом, обеспечивающим достойную жизнь и рост благосостояния граждан, регулярно проходит испытание практикой законодательного регулирования. Особое место в плане регламентации понимания и применения данного принципа принадлежит актам Конституционного Суда РФ, которые могут либо непосредственно толковать Конституцию РФ, либо выявлять конституционный смысл законодательных или подзаконных актов, либо становиться самостоятельным продуктом судебного правотворчества.

Ключевые слова: Конституция РФ; Конституционный Суд РФ; социальное государство; правовые позиции Конституционного Суда РФ.

Российская Федерация, согласно пункту 1 статьи 7 Конституции РФ, представляет собой «социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Пункт 2 статьи 7 Конституции РФ более широко раскрывает содержание закрепленных за государством обязательств. В нем, в частности, говорится о том, что в нашей стране подлежат охране труд и такое нематериальное благо, как здоровье; кроме того, государством регулируется минимальный размер оплаты труда, а также обеспечивается поддержка института семьи и социально уязвимых категорий населения (инвалидов и пожилых граждан) — с этой целью устанавливаются пенсии, пособия и иные социальные гарантии.

Перед внесением в текст Конституции РФ формулировки статьи 7 в ее нынешнем виде правоведами выдвигались различные модели будущего государственного устройства России. Концепция нашей страны как социального государства была представлена Конституционному собранию группой специалистов профсоюзной Академии труда и социальных отношений (г. Москва). Данная инициатива получила поддержку и была учтена при подготовке проекта Конституции, а после референдума получила статус конституционной нормы Основного закона [1, с. 22].

Проблемами разработки концепции социального государства занимались многие известные отечественные ученые, государственные и общественные деятели — С. И. Алексеев, В. С. Афанасьев, М. В. Баглай, Н. А. Волгин, Н. Н. Гриценко, Г. А. Николаев, Г. Н. Селезнев, Л. Б. Шейнин, М. В. Шмаков и ряд других исследователей [1, с. 23].

В своей фундаментальной работе, посвященной современной концепции социального государства, А. А. Клишас подчеркивает, что новый импульс развитию принципов социального государства в Конституции РФ придала полномасштабная конституционная реформа, осуществленная в России в 2020 году после принятия закона РФ № 1-ФКЗ от 14 марта 2020 г. «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Принимая во внимание положения Конституции РФ, было решено развивать конституционные принципы социальной ориентации через закрепление дополнительных обязательств органов публичной власти по обеспечению достойного уровня жизни граждан и непрерывного роста их благосостояния [2, с. 261].

Правовые позиции Конституционного Суда РФ (КС РФ), отраженные в его решениях, могут быть классифицированы по различным основаниям. Например, с точки зрения функционального фактора они могут рассматриваться как интерпретация отдельных аспектов Конституции РФ; разъяснение конституционного смысла формулировок и положений законов и подзаконных актов, а также как установление нового самостоятельного правила.

Основной задачей КС РФ, по мнению А. А. Сергеева, является толкование Конституции. Эта задача решается, в том числе, в ходе проверки конституционности конкретных нормативных правовых актов. Используя известные в юриспруденции методы толкования (систематический, исторический, грамматический, логический и др.), Конституционный Суд РФ разъясняет подлинный смысл и производит юридическое установление содержания писаной Конституции [3, с. 2–5].

Конституционный Суд России за годы своей работы сформировал внушительную систему правовых позиций,

которые отражены в его постановлениях и определениях и дают развернутое представление о конституционном принципе социального государства. Эти судебные акты содержат обязательные требования к правовому регулированию социальных отношений, определяющих критерии конституционности норм законодательства.

Наделяя себя социальным статусом, государство берет на себя ответственность (и обязанность!) заботиться о благополучии своих граждан, если они в силу каких-либо не зависящих от их воли причин оказываются не в состоянии трудиться и/или не имеют дохода, достаточного для обеспечения прожиточного минимума своего и своей семьи (Постановление № 20-П от 16 декабря 1997 г.)

Важнейшей, многократно примененной при рассмотрении различных дел, является правовая позиция Конституционного Суда РФ о недопустимости отказа государства от выполнения в отношении отдельных категорий граждан ранее взятых на себя социальных обязательств (впервые эта позиция была сформулирована в Постановлении № 8-П от 24 мая 2001 года).

Другой значимый принцип — оправданности и обоснованности дифференциации социальных прав граждан — был сформулирован Конституционным Судом РФ в Постановлении № 12-П от 16 июля 2007 года. Данный принцип воспрещает применение различных способов обращения с гражданами, находящимися в одинаковых или сходных условиях. Различия в специфике обретения отдельными категориями граждан социальных прав, как и их реализации, допустимы лишь в тех случаях, когда они объективно оправданы, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели. При этом такие различия не должны ущемляться произвольно, а используемые для достижения конституционно значимых целей правовые средства уста-

новления подобных различий должны быть соответствующими по форме и характеру.

Вопрос дискриминации мужчин-отцов при установлении дополнительных гарантий лицам, имеющим детей, Конституционный Суд РФ разрешил в своем Постановлении № 28-П от 15 декабря 2011 года. В данном судебном акте сказано, что предоставление данных гарантий не может ставиться в зависимость лишь от того, кто — мать или отец — работает, а кто осуществляет уход за детьми в домашних условиях. В целях недопущения нарушения принципов равенства и справедливости необходимо, чтобы дифференциация учитывала все обстоятельства, значимые для выполнения родителями обязанности по содержанию и воспитанию детей. В ином случае возможно снижение эффективности системы государственной поддержки института семьи и возникновение не имеющих объективного и разумного оправдания различий в положении семей с малолетними детьми.

Государственные гарантии социального обеспечения при различных жизненных обстоятельствах (по достижении определенного возраста, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца и т. д.) вытекают из целей существования социального государства и закреплены в Конституции РФ. В то же время установление конкретных способов и объема социальной защиты по отношению к тем или иным категориям граждан, как подчеркнул Конституционный Суд РФ в Определении № 2061-О от 29 сентября 2015 г., отнесено к компетенции законодателя.

Ключевые правовые позиции были оформлены Конституционным Судом РФ и в части обеспечения принципа справедливости в вопросах оплаты труда. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ № 40-П от 16 декабря 2019 г. говорится, что доплата за совмещение должностей не

должна включаться в состав минимального размера оплаты труда. А несправедливость в отношении работников, которые трудятся в условиях, отклоняющихся от нормальных, должна нивелироваться посредством повышения заработной платы.

Важнейшую правовую позицию Конституционный Суд РФ высказал в отношении неоднозначности, нечеткости и противоречивости правового регулирования (в Постановлении № 20-П от 22 апреля 2020 г.). Очевидно, что неоднозначность, нечеткость и противоречивость норм препятствуют адекватному применению правового механизма, допускают возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения, ведут к произволу и тем самым ослабляют гарантии защиты конституционных прав и свобод граждан. Поэтому самого по себе нарушения требования определенности правовой нормы может быть вполне достаточно для признания такой нормы противоречащей Конституции Российской Федерации.

По вопросу источника обеспечения обязательств социального характера, которые государство должно гарантировать своим гражданам, Конституционный Суд РФ в Постановлении № 14-П от 16 июля 2004 г. высказался предельно конкретно: налоги — необходимая экономическая основа существования и деятельности государства, условие реализации им своих публичных функций. В том же решении был сделан акцент на обязанность всех экономических субъектов платить законно установленные налоги и сборы; причем эта обязанность распространяется на всех налогоплательщиков, являясь непосредственным требованием Конституции Российской Федерации.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ, изложенные в его итоговых актах, как правило, получают статус норм социального законодательства Российской Фе-

дерации. Сегодня принцип социального государства — не просто абстрактный идеал, это элемент правовой идеологии страны, ценностная установка, которая задает вектор и ориентиры развития многим сферам общественного бытия, регламентирует приоритеты государственной политики, служит критерием справедливости.

Список использованных источников

1. Голубева, Т.Б. *Основы социального государства: учебное пособие.* — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 172 с.
2. Клишас, А.А. *Современная концепция социального государства: монография / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.* — Москва: Норма, 2022. — 288 с.
3. Сергеев, А.А. *Конституционные основы правового и социального государства: учебно-методическое пособие.* — Москва: АТиСО, 2017.
4. Аристов, Е.В. *Социальность государства в Российской Федерации: судебные интерпретации // Право и государство: теория и практика.* — 2018. — № 8 (164). — С. 40–44.
5. Истомина, Е. А. *Безработица: правовые позиции Конституционного Суда РФ // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право.* — 2017. — Т. 17, № 2. — С. 59–62.
6. Сергеев, А.А. *Основные черты социального государства в конституционной доктрине Российской Федерации // Труд и социальные отношения.* — 2012. — № 7. — С. 4–11.

REFLECTION THE PRINCIPLE OF THE WELFARE STATE
IN LEGAL POSITIONS
THE CONSTITUTIONAL COURT
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Chuiikov D. A.

*Secretary of the Federation of Independent Trade Unions of Russia (FITUR) — representative of the FITUR
in the Southern Federal District,
postgraduate student of the Department of Labor Law,
Academy of Labor and Social Relations,
Moscow, Russia*

Solovyov A. V.

*Chief Legal Labor Inspector —
Head of the Legal Work Department,
Federation of Trade Unions of the Rostov region,
Rostov-on-Don, Russia*

Annotation. The constitutional principle of the welfare state is one of the basic elements of the law — making process in the Russian Federation. This principle, acting as an unshakable foundation laid down in the Basic Law of the country, ensuring a decent life and the growth of the welfare of citizens, is regularly tested by the practice of legislative regulation. A special place in terms of regulating the understanding and application of this principle belongs to the acts of the Constitutional Court of the Russian Federation, which can either directly interpret the Constitution of the Russian Federation, or identify the constitutional meaning of legislative or by-laws, or become an independent product of judicial law-making.

Key words: Constitution of the Russian Federation; Constitutional Court of the Russian Federation; social state; legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

УДК 349.2

**ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ
ПО ВОПРОСАМ ОРГАНИЗАЦИИ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФСОЮЗОВ**

Белых М. Л.

*кандидат юридических наук, доцент,
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Россия*

***Аннотация.** В статье представлен тезисный обзор некоторых правовых позиций Конституционного Суда РФ по вопросам, относящимся к проблемам организации и деятельности профсоюзов на территории Российской Федерации. Проанализированы постановления и определения Конституционного Суда РФ по рассматриваемому вопросу. Проведено исследование видов конституционного судопроизводства, в рамках которых Конституционным Судом РФ рассматривались дела по обозначенной автором данной работы проблематике.*

***Ключевые слова:** профсоюз; конституционное судопроизводство; Конституционный Суд РФ; правовая позиция; конституционный судебный контроль.*

Марат Викторович Баглай однажды отметил, что «неоправданно мало (опять же вопреки зарубежному опыту) сказано в Конституции РФ о профсоюзах» [1, с. 242]. Конституционный Суд РФ (КС РФ) в процессе осуществления конституционного судопроизводства неоднократно обращался к анализу конституционности зако-

нодательства, регулирующего деятельность профсоюзов. По данному вопросу выносились как постановления Конституционного Суда РФ [4; 5; 6; 7; 8 и др.], так и определения [10; 11; 12 и др.]. Решения Конституционным Судом РФ выносились в порядке последующего, факультативного, конкретного конституционного судебного контроля. По рассматриваемой проблематике в большинстве случаев с конституционной жалобой обращались отдельные граждане и профсоюзы. Н. С. Бондарь подчеркивает, что «Конституционный Суд РФ, хотя и связан определенным образом при рассмотрении конкретной конституционной жалобы ее предметом и содержанием, тем не менее проверяет в порядке конституционного нормоконтроля подвергнутое сомнению в конституционности законоположение, что, по сути, отражает не только частный, но и публичный интерес» [3, с. 109–110]. Кроме того, по запросам судов также осуществлялось и конституционное судопроизводство в рамках интересующей нас предметной области [9] — обжаловались как непосредственно нормы Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» [4; 5], так и другие нормативные правовые акты (например, Трудовой кодекс РФ [6; 7; 8]).

Рассмотрим кратко несколько решений Конституционного Суда РФ. В Постановлении 2013 года № 22-П [4] Конституционный Суд дал оценку конституционности отдельных положений Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», касающихся видов профсоюзных организаций, в том объеме, в каком они служили основанием для решения вопроса о правомочии профсоюза самостоятельно определять свою внутреннюю (организационную) структуру. КС РФ признал указанные нормы не соответствующими Конституции Российской Федерации «в той мере, в какой они рассматриваются в правоприменительной практике как устанавливающие закрытый

(исчерпывающий) перечень видов профсоюзных организаций и их структурных подразделений и тем самым не позволяющие профсоюзам самостоятельно, исходя из стоящих перед ними целей и задач, определять свою внутреннюю (организационную) структуру, в том числе создавать профсоюзные организации и их структурные подразделения, не упомянутые в данном федеральном законе».

В Постановлении 2021 года № 26-П [6] Конституционный Суд РФ проверил конституционность ч. 3 ст. 374 Трудового кодекса РФ. Данная норма была признана непротиворечащей Конституции Российской Федерации, так как она не предполагает увольнения руководителя выборного коллегиального органа первичной профсоюзной организации, не освобожденного от основной работы по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ, которое состоялось без учета решения вышестоящего выборного профсоюзного органа о несогласии с данным увольнением до вступления в законную силу решения суда о признании указанного решения вышестоящего выборного профсоюзного органа необоснованным на основании заявления работодателя до момента вступления в законную силу решения суда о признании решения вышестоящего выборного профсоюзного органа о несогласии с данным увольнением необоснованным на основании заявления работодателя. Конституционный Суд РФ разъяснил то, каким образом суд, рассматривающий индивидуальный трудовой спор в рамках данной проблемы, должен подходить к анализу всей совокупности обстоятельств дела для принятия решения.

В Постановлении 2012 года № 2-П [7] Конституционный Суд РФ проанализировал конституционность ч. 8 ст. 325 Трудового кодекса РФ и пришел к выводу о том, что «на работодателях, не относящихся к бюджетной сфере и осуществляющих предпринимательскую и (или) иную экономическую деятельность

в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, лежит обязанность закреплять в коллективных договорах, локальных нормативных актах, принимаемых с учетом мнения выборных органов первичных профсоюзных организаций, или трудовых договорах положения о компенсации работающим у них лицам расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно в пределах территории Российской Федерации в размере, на условиях и в порядке, которые должны соответствовать целевому назначению этой компенсации, гарантирующей работнику возможность выехать за пределы районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей для отдыха и оздоровления».

В качестве итогового вывода можно отметить несомненный вклад органа конституционной юстиции в понимание конституционного смысла норм, регулирующих создание и деятельность профсоюзов в РФ. Прослеживается востребованность и актуальность конституционного судебного контроля в рамках рассматриваемой проблематики. Как справедливо отметил в этой связи М. В. Баглай, «важнейшим направлением деятельности судебной власти в современных демократических государствах является судебный (специализированный) конституционный контроль» [2, с. 312].

Список использованных источников

1. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 704 с.
2. Баглай, М. В. Конституционное право зарубежных стран: учебник. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. — 864 с.
3. Бондарь, Н. С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. — 272 с.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 октября 2013 № 22-П // СПС «КонсультантПлюс».

5. *Постановление Конституционного Суда РФ от 27 октября 2020 № 44-П // СПС «КонсультантПлюс».*
6. *Постановление Конституционного Суда РФ от 03 июня 2021 № 26-П // СПС «КонсультантПлюс».*
7. *Постановление Конституционного Суда РФ от 09 февраля 2012 № 2-П // СПС «КонсультантПлюс».*
8. *Постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 2019 № 37-П // СПС «КонсультантПлюс».*
9. *Постановление Конституционного Суда РФ от 24 января 2002 № 3-П // СПС «КонсультантПлюс».*
10. *Определение Конституционного Суда РФ от 28.04.2022 № 1127 О-Р. — URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision610032.pdf> (дата обращения: 12.03.2024).*
11. *Определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2009 № 461 О-О. — URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision19066.pdf> (дата обращения: 12.03.2024).*
12. *Определение Конституционного Суда РФ от 13 октября 2009 № 1320 О-О. — URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision9430.pdf> (дата обращения: 12.03.2024).*

LEGAL POSITIONS THE CONSTITUTIONAL COURT
OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE ORGANIZATION
AND ACTIVITIES OF TRADE UNIONS

Belykh M. L.

*Candidate of Law, Associate Professor,
Ural State Law University named after V. F. Yakovleva,
Yekaterinburg, Russia*

Abstract. The article presents a summary review of some of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian

Federation on issues related to the organization and activities of trade unions in the Russian Federation. The resolutions and rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation on the issue under consideration are analyzed. A study has been conducted of the types of constitutional legal proceedings in which the Constitutional Court of the Russian Federation considered cases on the issues outlined by the author of this work.

Key words: trade union; constitutional court proceedings; Constitutional Court of the Russian Federation; legal position; constitutional judicial control.

УДК 340.14(075.8)

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Чепенко Я. К.

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал),
Университет прокуратуры Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Россия*

***Аннотация.** В статье предпринято исследование социальных прав человека и гражданина, закрепленных в Конституции Российской Федерации. Автор раскрывает проблемы реализации конституционного права на труд (в том числе инвалидов), на защиту от безработицы, а также на социальное обеспечение.*

***Ключевые слова:** Конституция Российской Федерации; Конституционный Суд Российской Федерации; социальные права человека и гражданина; социальная политика.*

Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, с которым В. В. Путин выступил 29 февраля 2024 года, было почти полностью посвящено ключевым направлениям совершенствования социальной политики и мерам, направленным на улучшение качества жизни граждан России. Президент Российской Федерации отметил, что благополучие и уровень жизни россиян, демографическая обстановка в стране зависят от эффективности функционирования социальной сферы.

Реализация социальных прав, очевидно, напрямую зависит от уровня экономического положения России и обе-

спечения органами власти механизма осуществления этих прав. Социальные права предполагают закрепление за государством корреспондирующих им юридических обязанностей с целью поддержания определенного уровня социальной защищенности всех членов общества, что является существенным условием высокого уровня жизни и свободного развития каждого человека [1, с. 219]. Таким образом, социальные права можно рассматривать в качестве конституционного института обеспечения достойного качества жизни человека.

Главная цель социального государства — забота о человеке и гражданине. Как отмечает В. Е. Чиркин, «... в основе подлинной концепции социального государства находится всесторонняя забота о человеке» [2, с. 162]. Эта забота заключается в праве на минимальный размер оплаты труда, на социальную защиту материнства, отцовства и детства, на защиту инвалидов и пожилых граждан. Всё вышеперечисленное относится к социальным гарантиям, распространяющим свое действие на социально незащищенную часть общества.

Социальные права конституционно являются совершенно равноценными с личными и политическими правами и свободами и предполагает одинаковую правовую защиту, в том числе в рамках конституционного судопроизводства. Как отмечает Н. С. Бондарь, решения Конституционного Суда РФ положительно влияют как на законотворческую, так и на правоприменительную практику социальной защиты граждан.

Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что использование конституционных принципов возможно только среди одной и той же категории лиц, находящихся в схожих условиях (пол, возраст, состояние здоровья и т. д.). Настоящим подходом руководствуется государство при предоставлении и реализации социальных прав человека и гражданина.

Так, например, право на труд определяется как важное составляющее социальных прав гражданина, но при реализации вышеупомянутого права возникает множество проблем.

Основным либо единственным источником дохода у работающего населения является заработная плата, поэтому в случае ее невыплаты, задержки, уровень материального состояния граждан понижается, они теряют возможность прокормить свою семью, что является примером ограничения конституционного права на достойное существование. Поэтому государство должно помогать работникам в реализации и защите права на оплату труда, обеспечении строгого выполнения обязанностей по выплате заработной платы работнику, а в случае невыполнения работодателем прав работника государство должно обеспечить восстановление нарушенного права в полном объеме, при этом защищая человеческое достоинство как одну из главных конституционных ценностей.

Президент РФ в своем послании Федеральному Собранию отметил, что государству необходимо укреплять гарантии обеспечения прав трудовых коллективов, а также последовательно увеличивать минимальный размер оплаты труда (МРОТ) в стране, с начала 2024 года МРОТ в России проиндексирован на 6,3%. А с 1 января 2025 года МРОТ должен составить 22 440 рублей.

Так, Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 11 апреля 2023 года № 16-П [3] обосновал право работника на получение компенсации за задержку выплаты заработной платы и признал ч. 1 ст. 236 Трудового кодекса РФ не соответствующей Конституции РФ, поскольку она не обеспечивает взыскания с работодателя процентов (денежной компенсации) в случае, когда полагающиеся работнику выплаты не были начислены своевременно.

Множество сложностей возникает при осуществлении конституционного права граждан на защиту от безработицы, которая препятствует реализации права на труд.

Необходимо отметить, что безработица является ключевым экономическим показателем, так как она отражает эффективность экономики в целом. При возрастании уровня безработицы повышается уровень издержек, который препятствует экономическому росту. Однако излишне низкая безработица может служить тормозом для экономического развития из-за дефицита рабочей силы.

Прямая обязанность государства по защите граждан от безработицы проявляется в обеспечении социального равновесия — например, путем выплаты пособий по безработице. Однако необходима реализация и иных мер: точное и достоверное информирование о состоянии рынка труда; помощь в трудоустройстве и др. В настоящее время в России безработица составляет 3,7% [4].

Также необходимо обратить внимание на трудовые права инвалидов. В целях предотвращения дискриминации инвалидов ст. 20–24 Федерального закона от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» определены меры по предоставлению инвалидам доступа к профессиональному обучению и трудоустройству наравне с другими гражданами. Так, при необоснованном отказе (кроме отказа, связанного с квалификацией работника-инвалида) работодателя в приеме на работу инвалида он может обратиться в суд для обжалования данного решения. Для защиты прав инвалидов на справедливые и благоприятные условия труда законодательно закреплена обязанность работодателя создавать им условия труда, отвечающие потребностям индивидуальной концепции реабилитации. Кроме того, работодателю необходимо помнить о сокращенном рабочем времени для ин-

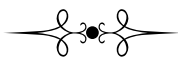
валидов I и II групп — не более 35 часов в неделю с сохранением полной оплаты труда. Не допускается установление в трудовых договорах условий труда инвалидов, которые бы их ухудшали.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 1 июля 2014 года № 20-П [5] отмечается, что в любой сфере жизнедеятельности необходимо осуществлять правовое регулирование таким образом, чтобы предоставлялись полные гарантии осуществления прав для инвалидов, то есть важно обеспечивать лицо с ограниченными возможностями дополнительными преференциями и льготами по сравнению с другими гражданами, дабы соблюсти принцип социального равенства.

Список использованных источников

1. Бондарь, Н. С. Конституционный императив социальных прав (о практике Конституционного Суда Российской Федерации по социальной защите граждан) // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. — 2002. — № 2 (39). — С. 219.
2. Чиркин, В. Е. Конституция и социальное государство: юридические и фактические индикаторы // Журнал российского права. — 2008. — № 12. — С. 162.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2023 года № 16-П «По делу о проверке конституционности статьи 236 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второй части первой статьи 3271 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. Б. Сергеева» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. — URL: <https://rg.ru/2023/02/21/poslanie-prezidenta-federalnomu-sobraniuu-onlajn.html?ysclid=ltr7ovcis4336986339> (дата обращения: 12.03.2024).

5. *Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 01 июля 2014 года № 20-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации «О распространении действия Закона РСФСР «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» на граждан из подразделений особого риска» в связи с жалобой гражданина В. Ф. Лякина» // СПС «КонсультантПлюс».*

PROBLEMS OF ENSURING SOCIAL RIGHTS
A PERSON AND A CITIZEN IN THE RUSSIAN FEDERATION

Chepenko Ya. K.

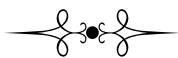
St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,

St. Petersburg, Russia

Abstract. The article examines the social rights of man and citizen, enshrined in the Constitution of the Russian Federation. The author reveals the problems of the realization of the constitutional right to work (including disabled people), to protection from unemployment, as well as to social security.

Key words: Constitution of the Russian Federation; Constitutional Court of the Russian Federation; social human and civil rights; social policy.

УДК 342.72/.73

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАВА
КАК ОБЪЕКТЫ ЗАЩИТЫ
В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РФ**

Овсепян Ж. И.

*профессор, доктор юридических наук,
профессор кафедры конституционализма,
юридический факультет,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

***Аннотация.** Функция конституционного правосудия (связанная с рассмотрением конституционных жалоб) занимала и продолжает занимать большой объем в практике Конституционного Суда РФ. Анализу данной практики в исторической ретроспективе, а также эволюции методологического инструментария правоприменения, связанного с обеспечением конституционной защиты прав и свобод граждан в Российской Федерации, посвящена данная статья.*

***Ключевые слова:** Конституция РФ; конституционное право; Конституционный Суд РФ; конституционная защита прав и свобод граждан.*

Судебный активизм в сфере защиты основных прав и свобод в России берет начало с момента учреждения и первых шагов в сфере практики конституционного правосудия. Однако период интенсивного развития судебной практики стартовал с принятием Конституции РФ в 1993 году и сохранением данной тенденции в условиях но-

вого порядка защиты субъективного права, предусмотренного Законом о поправке к Конституции 2020 года

Соответствующему направлению в деятельности Конституционного Суда РФ уделялось (и уделяется!) большое внимание, как в период, когда Конституционный Суд России (КС РФ) возглавлял В. А. Туманов, так и позднее — когда председателем КС РФ являлся М. В. Баглай, а затем — В. Д. Зорькин.

Наибольший объем в контексте правосудия, отправляемого КС РФ, занимает защита социальных прав. В этой связи отметим что при непосредственном участии М. В. Баглая (председателя КС РФ с 7 февраля 1995 г. по 21 февраля 2003 г., члена Конституционного совещания) в 1993 году в текст Конституции РФ была включена ст. 7 о том, что Россия является социальным государством [1].

Действующий председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, характеризуя социальное государство как конституционный принцип, справедливо обращает внимание на то, что от решения проблемы социальных прав зависит судьба демократии, что защита социальных прав в своей основе восходит к принципу справедливости и относится к категории естественных прав, которые «принадлежат нам от рождения» [2, с. 15]. В своей публикации в 2008 году он отметил, что «в юридической науке и судебной практике нарастает тенденция рассматривать закрепленные в Конституции социальные права не только как принципиальные ориентиры для законодателя, но именно и как основные права, равные по значимости конституционным гражданским и политическим правам. Основанные на принципах справедливости и социальной солидарности, они закрепляются в Конституции в качестве непосредственно действующих и подлежат судебной защите» [2, с. 15]. Одновременно В. Д. Зорькин указывает на то, что задачи Конституционного Суда РФ в социальной

сфере не сводятся только лишь к защите основных социальных прав посредством нормоконтроля, но они предполагают также «содействие выработке направлений развития социального законодательства» [2, с. 15].

Правоведы-конституционалисты — как российские, так и зарубежные, — обращают внимание на то, что государственное обеспечение социальных прав через судебную практику предполагает учет состояния экономической ситуации в стране. Для сравнения (по данным исследования, проведенного профессором Кельнского университета А. Нуссбергером): в европейских государствах «до сих пор вызывает споры то, до какой степени суды могут прибегать к социальным правам, не формируя при этом социальную политику и не посягая на монополию законодательной власти государства» [3, с. 307]. Этот ученый разделяет мнение о том, что «реализация социальных экономических прав в значительной степени зависит от положения, прежде всего финансового, имеющего место в соответствующем государстве» [3, с. 308], однако возможность защиты индивидуальных социальных прав в порядке судебной интерпретации при этом не должна исключаться. В то же время А. Нуссбергер высказывает мнение о том, что социальные права — это «нерешенная дилемма», поскольку «судьи обычно не избираются народом и не несут политической ответственности за свои решения», между тем судебные решения в сфере социальной политики связаны с далеко идущими последствиями» [3, с. 317]. Однако, по мнению того же автора, с которым можно согласиться, государственная поддержка социальных прав является неотъемлемой частью, условием демократии.

Научная теория судебной защиты социальных прав прежде всего связана с вопросом о понятии и видовом разнообразии социальных прав. Соответствующие исследования

в российской науке связаны во многом с научными трудами по конституционному праву, трудовому праву, праву социального обеспечения. Судебная практика предопределена состоянием конституционно-правового регулирования прав, являющихся по их контенту, по их природе социальными правами. В Конституции Российской Федерации права в социальной сфере обеспечиваются прежде всего через провозглашение принципа социального государства, содержание которого отождествляется с государственной политикой, направленной на «создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (п. 1 ст. 7 Конституции РФ). Как следует из текста Конституции, субъектом государственной защиты является каждый гражданин, охране подлежат труд и здоровье людей; устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда; субъектами государственной поддержки являются также, помимо собственно гражданина, семья, состояния материнства, отцовства и детства, социально уязвимая часть населения — инвалиды и пожилые граждане, социально незащищенные слои населения (ст. 7 Конституции РФ 1993 г.).

В связи с оценками конституционного регулирования социальной сферы в РФ М. Ю. Федорова отмечает, что «наиболее значимыми для системы социального обеспечения конституционными новеллами стали провозглашение России социальным государством, конституционализация понятия «социальная защита (в том числе в его соотношении с традиционным понятием «социальное обеспечение»», отнесение социальной защиты, включая социальное обеспечение, к предметам совместного ведения Российской Федерации и её субъектов; универсализация судебной защиты и распространение ее гарантий на социальные права (с последующим формированием весьма обширной и развернутой судебной практики по таким категориям дел)» [4, с. 76].

В свою очередь И. А. Умнова-Конюхова и Е. Д. Костылева в своем исследовании обращают внимание на недостаточность до недавнего времени судебного толкования конституционного принципа социального государства Конституционным Судом. По их оценкам, «расширительное толкование понятия социального государства проявлялось тогда, когда Конституционный Суд рассматривал содержание ст. 7 в неразрывной связи с другими статьями Конституции России, раскрывающими социальный характер российской государственности, однако, как правило, указывал лишь на права, не затрагивая конституционные обязанности и конституционную ответственность... Подобное толкование понятия социального государства давало основание считать человека пассивным потребителем социальных прав без социальных и экономических обязанностей и необходимости вести активный образ жизни в социально-экономической сфере для обеспечения материального и морального благополучия» [5]. Однако, замечают они, «в Постановлении от 14 июля 2020 г. № 35-П, принятом после вступления в силу поправок к Конституции России, Конституционный Суд РФ отметил, что «федеральный законодатель в силу требований статей 1 (часть 1), 7 (часть 1), 8 (часть 1), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (часть 2), 37 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации должен обеспечивать баланс конституционных прав и свобод, справедливое согласование прав и законных интересов сторон в трудовом договоре, являющееся необходимым условием гармонизации трудовых отношений в Российской Федерации как социальном правовом государстве» [5, с. 119]. В подкрепление высказанной позиции указанными авторами дан обзор практики КС РФ, связанной с защитой трудовых прав (на вознаграждение за труд и на пенсионное обеспечение) [5].

В научной литературе отмечается, что особенности видового разнообразия объектов судебной защиты в социальной сфере зависят от практики каждого конкретного государства. В частности, в научных публикациях, посвященных исследованию практики судопроизводства по конституционным жалобам в РФ, указывается, что «в последние годы в России сформировалось специфическая тенденция осуществления конституционного правосудия. В русле данной тенденции Конституционный Суд всё чаще выступает в качестве органа, главная задача которого заключается в расширении круга лиц, имеющих право на различные виды социального обеспечения. В итоге всё большее число граждан получает доступ к новым социальным благам, так как следствием признания отдельных положений законодательных актов не соответствующими Конституции является внесение изменений в действующее законодательство. Новые нормативные положения, принятые с учетом выраженных Конституционным Судом правовых позиций, применяются в отношении неограниченного круга лиц, подпадающих под их действие» [6, с. 77]. Действительно, Е. Е. Жеребцова на основе исследования решений Конституционного Суда РФ последних лет, выводит обобщенный «список вопросов социальной политики, выступающих предметом конституционного разбирательства», отмечая, в частности, что «в этот перечень входили следующие вопросы социального обеспечения — выплаты пенсий, пособий, доплат к ним; предоставление социальной помощи в иных формах отдельным категориям граждан (например, военнослужащим, сотрудникам органов внутренних дел, иных федеральных органов исполнительной власти); функционирования пенсионной системы (например вопрос о назначении выплаты льготных пенсий); предоставления жилых помещений и денежных компенсаций за наем (поднаем) жилых помещений и иные» [7, с. 57].

В ряду субъектов, часто обращающихся в КС РФ по вопросам защиты своих социальных прав, — «социально уязвимые категории граждан, в том числе: пенсионеры; ветераны войны и труда; граждане подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на черномыльской АЭС; лица имеющие ограниченные физические возможности и другие» [7, с. 57].

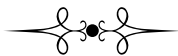
Обобщения собственной судебной практики, проведенные самим Конституционным Судом РФ по итогам второго квартала 2023 года, вобрали в себя, помимо иных проверок, также судебные акты, относящиеся к конституционным основам трудового законодательства и социальной защиты, что свидетельствует об устойчивости сферы социальной защиты как важного направления функционирования конституционного правосудия в нашей стране.

Список использованных источников

1. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации. — Москва: ИНФРА-М, 2024. — 704 с. — DOI: 10.12737/1905055.
2. Зорькин В. Д. Справедливость и социальные права // Конституционный принцип социального государства и его применение конституционными судами: сборник докладов. — Москва: Институт права и публичной политики, 2008. — 318 с.
3. Нуссбергер, А. Развитие социальных прав на внутригосударственном и международном уровнях // Конституционный принцип социального государства и его применение конституционными судами: сборник докладов. — Москва: Институт права и публичной политики, 2008. — 318 с. — С. 305–317.
4. Федорова, М. Ю. Конституционный нормоконтроль в сфере социальной защиты // Закон. — 2020. — № 12. — С. 74–85.
5. Умнова-Конюхова, И. А. Конституционная доктрина социального государства в решениях Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации на примере защиты

социальных прав/И. А. Умнова-Конюхова, Е. Д. Костылева // Правосудие/Justice. — 2023. — Т. 5, № 2. — С. 110–131. — DOI 10.37399/2686–9241.2023.2. 110–131.

6. *Миронова, Т. К. О роли конституционного суда в расширение сферы действия законов о социальном обеспечении // Matters of Russian and international law. — 2015. — № 1–2. — С. 72–101.*
7. *Жеребцова, Е. Е. Вопросы социальной политики российского государства в решениях конституционного суда Российской Федерации // Наука. Теория. Практика. — 2014. — № 1. — С. 55–61.*

SOCIAL RIGHTS AS OBJECTS OF PROTECTION
IN THE CONSTITUTIONAL COURT
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ovsepyan Zh. I.

*Professor, Doctor of Law,
Professor of the Department of Constitutionalism,
Faculty of Law, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. The function of constitutional justice (related to the consideration of constitutional complaints) has occupied and continues to occupy a large volume in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. This article is devoted to the analysis of this practice in historical retrospect, as well as the evolution of methodological tools of law enforcement related to ensuring constitutional protection of citizens' rights and freedoms in the Russian Federation.

Key words: Constitution of the Russian Federation; constitutional law; Constitutional Court of the Russian Federation; constitutional protection of citizens' rights and freedoms.

УДК 342.415, 340.14

СООТНОШЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА И СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Павлова М. А.

*Уральский государственный юридический университет
имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Россия*

***Аннотация.** В статье рассмотрено соотношение понятий социального государства и социальной справедливости исходя из доктринальных, социологических и конституционно-судебных аспектов. При анализе вопросов обеспечения прав и свобод человека и гражданина особое внимание уделено значению социологических опросов населения как одному из основополагающих параметров, содержащих требования к социальной справедливости.*

***Ключевые слова:** социальная справедливость; социальное государство; права и свободы; гарантии социальной справедливости; государственная поддержка.*

Социальное государство есть форма организации общества, при которой краеугольным камнем выступает реализация принципа социальной справедливости [1, с. 62]. В этой связи встает вопрос доктринального рассмотрения понятий социального государства и социальной справедливости с точки зрения их соотношения в контексте обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Социальная справедливость, по мнению Ю.И. Скуратова, наравне с конституционным закреплением социально-

экономических прав и свобод, социальным партнерством, социальными обязанностями и социальной ответственностью, является индикатором обеспечения прав и свобод человека и гражданина в социальном государстве [1, с. 72–75].

В конституционном праве России данная категория рассматривается в первую очередь через призму норм Конституции, главным образом с учетом положений, закрепляющих конституционные социальные права человека и гражданина. Об этом свидетельствуют позиции таких ученых, как, например, В. Е. Чиркин [2, с. 22], Н. Н. Киселева [3, с. 239–240], Т. М. Пряхина [4, с. 26] и др. В конституциях других государств, в частности стран Евразийского экономического союза, закрепляются аналогичные нормы о праве на социальное обеспечение, охрану здоровья, медицинское обслуживание и иные; гарантии со стороны государства, касающиеся занятости населения, обеспечения жильем и т. д. [5, с. 226].

Социальная справедливость в большей степени характеризуется необходимостью поддержки социально уязвимых категорий лиц, однако социальное государство как явление проецируется абсолютно на всех членов общества, и, соответственно, защита прав и свобод человека и гражданина распространяется на всех без исключения. Это касается, к примеру, гарантий бесплатного и общедоступного образования, государственной поддержки и защиты семьи, материнства, отцовства и детства, охраны здоровья и медицинской помощи на определенных в Основном законе уровнях.

Как отмечал В. Е. Чиркин, на современном этапе исторического развития наиболее наглядным воплощением принципа социальной справедливости является термин «социальное государство» [6, с. 42]. Рассмотрим некоторые позиции ученых относительно природы категории социального государства, в которых акцент сделан именно на связи с принципами социальной справедливости.

Так, по мнению М. В. Баглая, социальным называется государство, которое берет на себя обязанность заботиться о социальной справедливости, благополучии своих граждан и их социальной защищенности [7, с. 136]. В соответствии с позицией В. В. Дроздова реализация социальной справедливости на практике требует определенных усилий, которые может обеспечить только государство, а точнее социальное государство. Таким образом, государство и социальная справедливость находятся в тесной взаимосвязи. Принципы социальной справедливости не могут быть реализованы без участия государства, но и само государство не может называться социальным, если оно не реализует данные принципы [8, с. 75]. С этого ракурса социальное государство следует рассматривать как субъект, который является двигателем преобразований, нацеленных на обеспечение социальной справедливости. Социальную справедливость в большинстве случаев ассоциируют с равными возможностями, справедливым распределением ресурсов... Конечно, социальная справедливость не может существовать без развитой инфраструктуры в социальной сфере. И, по сути, от социальной политики государства будет зависеть, в какой степени претворен в жизнь принцип социальной справедливости.

Ключевым является вопрос: кто дает оценку социальной справедливости на том или ином этапе развития государства? Прежде всего, это сами граждане. По последним данным ВЦИОМ, главными, по мнению россиян, составляющими социальной справедливости являются равенство возможностей, социальная поддержка и высокое благосостояние [9]. Безусловно, стоит учитывать всю сложность и многогранность категории социальной справедливости, включающей в себя множество факторов, влияющих на развитие государства, а также философские, политические,

правовые и иные аспекты, ей присущие. Именно поэтому регулярность проведения социологических опросов среди населения является залогом формирования панорамной картины общесоциального фона в стране, что необходимо для понимания представителями власти запросов и нужд общества, представлений граждан о сущности справедливости в социальной сфере.

Развитие социального государства, в частности, зависит от характеристик, выраженных в различных гарантиях социальной справедливости [9]:

— правовых — равенство всех перед законом, защита прав и свобод граждан;

— социальных — доступная и бесплатная медицина, поддержка молодых семей;

— экономических — повышение уровня жизни, отсутствие большого разрыва между богатыми и бедными;

— политических — открытость перед народом, близость власти к народу;

— инфраструктурных — уровень безопасности и правопорядка, развитие регионов.

Нельзя не затронуть в этой связи конституционно-судебную практику по вопросам защиты прав и свобод человека и гражданина. Так, в одном из своих постановлений Конституционный Суд Российской Федерации ссылается на норму о социальном государстве, говоря о том, что государство обязано устанавливать систему социальной защиты граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, в частности таких, как катастрофа на Чернобыльской АЭС [10]. Как отмечает В. Е. Чиркин, в данном решении КС РФ хоть и не называет принцип социальной справедливости непосредственно, тем не менее в вопросе о пособиях чернобыльцам исходит именно из этого принципа [5, с. 41].

Таким образом, с одной стороны, социальная справедливость представляется некой квинтэссенцией, вбирающей в себя требования для субъекта (социального государства), который их реализует. С другой стороны — неоспоримо подразумевает оценку действий этого субъекта лицами, на которых соответствующие преобразования в последующем распространяются, подразумевая тот самый «индикатор обеспечения прав и свобод человека и гражданина в социальном государстве».

Импонирующая нам позиция Ф. Толстого гласит: в современном понимании социальная справедливость подразумевает доступ, прежде всего, к элементарным благам современной цивилизации и удовлетворение основных, базовых потребностей человека в тех пределах, в каких их понимает большинство членов общества, в котором он живет [11].

В заключение отметим: важно стремиться к эффективному сочетанию социального государства и социальной справедливости, чтобы обеспечить всеобщий доступ к основным ресурсам, благам, а также защитить права и свободы всех членов общества. Только при таком единстве социального государства и социальной справедливости возможно гарантировать устойчивое развитие и процветание общества, основанное на соблюдении прав и свобод человека.

Список использованных источников

1. Конституционная концепция социального государства / Ю. И. Скуратов, С. Г. Павликов, И. Ю. Никодимов [и др.]. — Москва: Российский государственный социальный университет, 2018. — 242 с.
2. Чиркин, В. Е. Социальная справедливость и российская конституция // Социальная справедливость и гуманизм в современ-

- ном государстве и праве: материалы международной научно-практической конференции, Москва, 18 февраля 2015 года / отв. ред. Т. А. Сошникова. — Москва, 2015. — С. 18–24.
3. Киселева Н. Н. Конституция РФ и социальная справедливость: идеи и реальность // Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве: материалы международной научно-практической конференции, Москва, 18 февраля 2015 года / отв. ред. Т. А. Сошникова. — Москва: Московский гуманитарный университет, 2015. — С. 238–241.
 4. Пряхина, Т. М. Конституционные основы социальной справедливости // Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве: материалы международной научно-практической конференции, Москва, 18 февраля 2015 года / отв. ред. Т. А. Сошникова. — Москва: Московский гуманитарный университет, 2015. — С. 24–30.
 5. Павлова, М. А. Социальная справедливость в конституциях стран ЕАЭС: общее и особенное // Уральский Форум конституционалистов (Екатеринбург, 2–7 октября 2023 года). — Вып. 9 / отв. ред. М. С. Саликов. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, 2024. — Часть 1. — С. 219–229.
 6. Чиркин, В. Е. Принцип социальной справедливости в конституционном измерении // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — №11. — С. 39–43.
 7. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов. — Москва: Норма, 2007. — 783 с.
 8. Дроздов, В. В. Социальная справедливость: аксиологический аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — №5(67). — С. 73–75.
 9. Социальная справедливость: мониторинг. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-spravedlivost-monitoring> (дата обращения: 12.03.2024).

10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2018 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения части четвертой статьи 14 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в связи с жалобой гражданки В. Н. Фоминой» // СЗ РФ. — 2018. — №13. — Ст. 1869.
11. Аникеев, А. Б. Возможна ли в обществе социальная справедливость. — URL: <https://proza.ru/2022/11/02/1110> (дата обращения: 12.03.2024).

THE RATIO OF THE WELFARE STATE AND SOCIAL JUSTICE
IN THE CONTEXT OF ENSURING RIGHTS
AND FREEDOMS HUMAN AND CITIZEN

Pavlova M. A.

*Ural State Law University named after V. F. Yakovlev,
Yekaterinburg, Russia*

Abstract. The article examines the relationship between the concepts of a welfare state and social justice based on doctrinal, sociological, and constitutional-judicial aspects. When analyzing the issues of ensuring human and civil rights and freedoms, special attention is paid to the importance of sociological surveys of the population as one of the fundamental parameters containing requirements for social justice.

Key words: social justice; welfare state; rights and freedoms; guarantees of social justice; state support.

УДК 349.3

**РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО
СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ В РОССИИ
(на примере страхования
от несчастных случаев на производстве
и профессиональных заболеваний)**

Кочина А. С.

*старший преподаватель кафедры административного,
финансового и международного права,
юридический факультет,
Академия труда и социальных отношений*

Аннотация. *В данной статье рассматривается история развития института обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в Российской Федерации.*

Ключевые слова: *социальное страхование; обязательное социальное страхование; обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.*

Социальное страхование является особо значимым институтом в жизни российского общества, поскольку ориентировано на обеспечение социальной защиты граждан.

В России возникновение социального страхования в сфере защиты прав трудящихся связано с ускорением научно-технического прогресса, который способствовал на определенном этапе индустриального развития нашей страны

появлению большого количества предприятий и развитию национальной экономики в целом.

Бурный рост промышленности во второй половине XIX века потребовал внесения корректив в систему отношений между работником и работодателем в части обеспечения возможности социальной поддержки в случае болезни или инвалидности работника.

В 1861 году в России вступил в силу закон «Об обязательном учреждении вспомогательных товариществ на казенных горных заводах» [1], что стало важной вехой в процессе совершенствования социальной поддержки трудящихся. Этот закон заложил основы компенсационной системы для рабочих горнозаводской промышленности в случае травм и увечий на производстве.

В 1901 году были приняты Временные правила о пенсиях рабочим казенных горных заводов и рудников, утративших трудоспособность на заводских и рудничных работах [2]. Эти правила конкретизировали размеры пенсионных выплат и условия их получения пострадавшими рабочими. Ключевая идея этого документа — возмещение утраченного из-за наступления страхового случая трудового дохода, который является основным источником существования для работающего населения.

В понимании одного из исследователей данной проблематики того времени — Н. А. Вигдорчика — социальное страхование представляет собой универсальный институт, призванный защитить трудящихся и их семьи от негативных последствий потери заработной платы или дохода вследствие целого ряда социальных рисков — болезней, травм, инвалидности, старости и т. д. [3, с. 1–4].

Следующей ступенью развития пакета социальных мер стало принятие в 1912 году законов «Об обеспечении рабочих на случай болезни» [4] и «О страховании рабочих от несчаст-

ных случаев на производстве» [5]. По сути, эти программные документы ознаменовали собой прообраз создания в России современной системы обязательного социального страхования работающего населения от социальных рисков — болезней, травм, несчастных случаев и потери трудоспособности.

Указанные законы предусматривали создание специализированных организаций, называемых «кассами», которые взимали страховые взносы с работников и работодателей. Деньги, собранные в кассах, использовались для выплаты пособий, заработной платы в случае временной нетрудоспособности или вследствие болезни, а также компенсаций при несчастных случаях. Но, к сожалению, помощь эта не носила массового характера, а зависела от срока службы и личных заслуг работника.

После Октябрьской революции 1917 года в Советской России были предприняты существенные изменения в системе социального обеспечения населения. Основным новшеством стало замещение социального страхования социальным обеспечением. Государство отныне предоставляло гражданам различные социальные льготы и выплаты без взимания страховых взносов, исключительно за счет бюджета государства.

В 1921 году советским правительством был принят декрет «О социальном страховании лиц, занятых наемным трудом» [6].

Социальное страхование превратилось в социальное обеспечение, и приобрело статус одной из сфер государственной деятельности. Это было связано с характером экономических отношений, которые сложились в стране победившего социализма.

В странах с преимущественно государственной формой собственности (когда государство выступает практически единственным собственником средств производства) госу-

дарство имеет все инструменты для контроля трудовой деятельности населения и оплаты этой деятельности, и именно государство определяет объем и распределение общественных фондов потребления.

Термин «социальное страхование» считался неприемлемым в советский период, как отмечает Е. Е. Мачульская. Вместо него использовались формулировки «социальное обеспечение», «государственное социальное обеспечение» и т. п. [6, с. 23]. Такой подход имел свои достоинства и недостатки. С одной стороны, отмена страховых взносов позволила снизить финансовую нагрузку на работодателей и работников. Средства страхования больше не взимались непосредственно с субъектов трудовых отношений, что положительно сказывалось на зарплате трудящихся и финансовом состоянии предприятий.

В. С. Андреев подчеркивает, что цель социального страхования — не просто компенсация ущерба при наступлении страхового случая (болезни, травмы, инвалидности и т. д.). Его фундаментальная задача — обеспечить средствами к существованию тех лиц, которые объективно в данный период времени не могут работать и получать заработок или доход своим трудом [7, с. 171]. То есть социальное страхование призвано предоставить гарантированный минимальный доход для поддержания нормального уровня жизни тем гражданам, которые временно или постоянно утратили трудоспособность.

В начале 1990-х годов Россия столкнулась с тяжелейшим экономическим кризисом, вызванным переходом к рыночной экономике. Для преодоления кризиса и создания новой эффективной системы социальной защиты населения был предпринят ряд шагов по формированию целевых страховых резервов, дополнявшихся накопительным компонентом в части пенсионного страхования.

Таким образом, в условиях сложного реформационного периода Россия смогла заложить основы новой страховой модели социальной защиты работников. Были разработаны и вступили в силу основные нормативные правовые акты — федеральные законы № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» от 24.07.98 г. и № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» от 16.07.99 г.

О. С. Курченко отмечает, что обязательное социальное страхование представляет собой более широкое понятие, чем просто страховая деятельность. В рамках обязательного социального страхования государство обязывает граждан, работодателей и других экономических субъектов уплачивать страховые взносы для обеспечения своих интересов и защиты населения страны в целом [8, с. 47].

Обязательное социальное страхование — сложная система общественных отношений, которая выходит за рамки чисто страховых правоотношений. В частности, в этой сфере можно выделить следующие значимые аспекты:

1. Социально-экономический (обеспечение социальной защиты работников и других категорий граждан от рисков потери дохода, инвалидности и других социальных рисков).

2. Финансово-бюджетный (формирование целевых внебюджетных фондов за счет обязательных страховых взносов для финансирования социальных выплат и расходов).

3. Управленческий (создание специализированных государственных структур (фондов) по администрированию системы обязательного соцстрахования).

4. Правовой (нормативно-правовое регулирование правоотношений в сфере социального страхования на законодательном уровне).

5. Организационный (взаимодействие всех субъектов системы обязательного страхования — государства, работодателей, работников, страховщиков).

Система обязательного социального страхования основана на солидарном участии всех работодателей, работников и государства в формировании финансовых ресурсов специализированных внебюджетных фондов для осуществления социальных выплат и расходов.

Фонд социального страхования использует полученные средства в качестве источника для компенсации потерянного заработка работника при утрате трудоспособности вследствие профессионального заболевания или увечья.

Если рассматривать социальное страхование граждан в широком смысле то, по сути, это государственная поддержка населения в сфере социальной защиты. Для нее характерны цели страхования работников от утраты стабильного положения как в материальном, так и социальном плане (подобные изменения происходят зачастую непредсказуемо и по различным причинам, не зависящим от человека).

Рассмотрение социального страхования в узком смысле относится к страхованию от рисков, связанных с наступлением определенных событий, которые могут изменить физическое состояние и социальное положение населения, приводя к ухудшению материального положения.

Обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний регулируется государством, и на то есть важные причины:

1. Защита жизни и здоровья работающего населения — приоритетная задача социальной политики любого цивилизованного государства. Несчастные случаи и профзаболевания могут полностью или частично лишить человека трудоспособности.

2. Обеспечение достойного уровня жизни пострадавших на производстве за счет страховых выплат — важней-

шая социальная гарантия. Она способствует социальной стабильности в обществе.

3. Стимулирование работодателей к улучшению условий и охраны труда. Размер страховых взносов напрямую зависит от уровня производственного травматизма и профзаболеваний на предприятии.

4. Компенсация утраченного заработка и расходов на лечение и реабилитацию пострадавших осуществляется за счет обязательных страховых взносов работодателей.

5. Государство устанавливает жесткие нормативные требования к этому виду страхования для защиты прав застрахованных работников.

Социальное страхование как социально-экономическая категория представляет собой систему отношений, которая основана на перераспределении национального дохода.

К основным задачам социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний относятся:

1. Внедрение современных средств безопасности, профилактических мер и усиление производственного контроля за соблюдением требований охраны труда на предприятиях.

2. Финансовая защита работников, которая связана с выплатой компенсаций и пособий работникам при получении травмы на производстве или возникновении заболеваний, обусловленных условиями труда, а также для обеспечения их здоровья и благополучия.

3. Обязательное предоставление медицинской помощи и проведение социальной реабилитации, которая должна быть направлена на поддержку пострадавших в процессе трудовой деятельности, их скорейшего выздоровления и возвращения на рабочее место.

4. Предупреждение и контроль (организация мониторинга и контроля за профессиональными рисками, прове-

дение проверок и анализа ситуаций в целях предупреждения несчастных случаев).

Действие социального страхования распространяется на всё работающее население страны, независимо от гражданства, предоставляя полноценную социальную защиту в случае травмирования или профзаболеваний.

Государство устанавливает фиксированные страховые тарифы, исходя из которых с работодателей взимаются обязательные страховые взносы. Именно эти взносы работодателей и являются основными источниками финансирования мероприятий обязательного социального страхования от несчастных случаев и профзаболеваний.

Страхование от несчастных случаев может осуществляться в различных формах, включая обязательное и добровольное страхование. Главное — чтобы независимо от формы страхования имело место снижение финансовых рисков, которые направлены на обеспечение различных выплат, связанных с несчастным случаем или получением увечий на производстве и последующей реабилитацией.

Поддержание баланса между обеспечением социальных гарантий для застрахованных лиц и финансовой устойчивостью системы страхования является одной из ключевых задач государства в сфере социального обеспечения, которая во многом зависит от стабильности работы системы социального страхования.

Список использованных источников

1. *Об обязательном учреждении вспомогательных товариществ на казенных горных заводах // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. — Т. XXXVIII. — № 28749. — Санкт-Петербург, 1905.*
2. *Вигдорчик, Н. А. Социальное страхование. Систематическое изложение истории, организации и практики всех форм соци-*

- ального страхования. — Санкт-Петербург, 1912. — С. 1–4.
3. Закон об обеспечении рабочих на случай болезни от 23 июня 1912 г. // Свод законов Российской Империи. — Т. XI, Ч. 2. — Санкт-Петербург, 1913. С. 1298–1309.
 4. Закон о страховании рабочих от несчастных случаев // Свод законов Российской Империи. — Т. XI, Ч. 2. — Санкт-Петербург, 1913. — С. 1309–1315.
 5. Декрет Совета Народных Комиссаров. О социальном страховании лиц, занятых наемным трудом. 15 ноября 1921 года // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. — 23 ноября 1921 года. — № 263.
 6. Мачульская, Е. Е. Право социального обеспечения в условиях рыночной экономики: теория и практика правового регулирования: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. — С. 23.
 7. Андреев, В. С. Право социального обеспечения в СССР // Научные труды. — Т. 1. — Москва, 2013. — С. 171.
 8. Курченко, О. С. Государство как субъект права социального обеспечения: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Омск, 2008. — С. 47.

THE DEVELOPMENT OF COMPULSORY SOCIAL INSURANCE
AGAINST INDUSTRIAL ACCIDENTS AND OCCUPATIONAL
DISEASES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Kochina A. S.

*Senior Lecturer at the Department of Administrative,
Financial and International Law,
Faculty of Law, Academy of Labor and Social Relations,
Moscow, Russia*

Abstract. The article examines the history of the development of the institute of compulsory social insurance against industrial accidents and occupational diseases in the Russian Federation.

Key words: social insurance; compulsory social insurance; compulsory social insurance against industrial accidents and occupational diseases.

УДК 340.14

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В НОВОЙ РЕДАКЦИИ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Жело В. В.

*Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

***Аннотация.** Данная статья посвящена анализу основных этапов становления и развития социальных прав и свобод в российском конституционализме. В ней обобщены и выделены предложения по совершенствованию практики реализации социальных прав и свобод на основе новелл редакции Конституции Российской Федерации 2020 года. Сделан вывод о целесообразности учреждения нового правозащитного института — Уполномоченного по правам пенсионеров в Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** Конституция Российской Федерации; социальные права и свободы человека и гражданина; Уполномоченный по правам пенсионеров; право на труд; право на социальное обеспечение.*

Социальные права человека и гражданина — это основополагающие конституционно-правовые начала современной политики Российского государства в социальной сфере. Гражданин с момента рождения обладает всем объемом прав и свобод согласно Конституции России. Социальные права и свободы, наряду с политическими, экономическими и культурными правами, определяют политический строй, форму правления и государственно-

го устройства, а также перспективы развития Российского государства. Без социальных прав невозможна реализация комплекса равноправных взаимоотношений «государство — гражданин». Социальные права были выверены десятилетиями и отражены в развитии конституций СССР и России. Они имеют глубокие исторические корни.

Заметим в качестве вступительного тезиса, что в новой редакции Конституции России образца 2020 года впервые на столь высоком уровне правового регулирования закреплены юридические обязательства Российского государства по обеспечению гарантий устойчивого экономического роста страны, укрепления благосостояния российских граждан, социального партнерства, а также уважения к человеку труда и солидарного участия граждан в основных сферах общественной жизни [1]. Показательно, что социальная ориентация отличает три из пяти предложенных Президентом Российской Федерации национальных проектов, а именно — нацпроектов «Семья», «Продолжительная и активная жизнь», «Молодежь России» [2].

Генезис конституционного развития России, на наш взгляд, заслуживает отдельного рассмотрения в рамках данной работы.

В истории российского конституционализма социальные права впервые были комплексно закреплены в Конституции СССР 1936 года [3]. Следующим важным этапом в развитии социальных прав явилось их закрепление в Конституции СССР 1977 года. На этом этапе в Основной закон страны было включено несколько новых правовых начал. Так, к ним следует отнести: право на труд, отдых, охрану здоровья, на жилище, на материальное обеспечение в старости, на объединение в общественные организации, а также право на защиту от посягательств на честь, достоинство, личную свободу, жизнь и здоровье [4].

В новых условиях суверенного развития России в Конституции нашей страны образца 1993 года социальные права достаточно компактно закреплены в статьях с 37 по 42 включительно, а также в статье 30 [1]. Общепризнанным в российской конституционно-правовой науке является положение о том, что Конституция 1993 года содержит систему из девяти социальных прав и свобод, начиная от права на труд и заканчивая правом на благоприятную окружающую среду [1].

Поправки в Конституцию России 2020 года представляются новым этапом в развитии нормативного содержания, а также гарантий социальных прав и свобод российских граждан. В силу особой жесткости положений главы 1 и 2 Конституции Российской Федерации, непосредственно данные дополнения нормативного содержания социальных прав и свобод, в первую очередь, внесены в главу 3, посвященную ее федеративному устройству, а также в ряд других глав, имеющих целью укрепление государственного единства и суверенитета России.

Анализ положений новой редакции Конституции России позволяет сделать вывод о том, что в семь из девяти социальных прав и свобод были внесены существенные новеллы, включая новые нормативные элементы данных прав, а также существенные гарантии их реализации. В настоящее время процесс развития нормативного содержания социальных прав и свобод не коснулся только двух из них — права на отдых и права на жилище.

В заключение следует отметить, что дальнейшему развитию и эффективной реализации социальных прав и свобод в Российской Федерации, на наш взгляд, будут способствовать ряд дополнительных мер.

Во-первых, целесообразно индексировать в соответствии с новыми положениями Конституции РФ пенсии не только неработающим, но и работающим пенсионерам. Данное пред-

ложение содержится в программных документах подавляющего большинства политических партий России, выдвинувших своих кандидатов на пост президента России. Интересный в этом отношении экономический аргумент привел лидер партии «Справедливая Россия — За правду» Сергей Миронов. По его оценкам, 8 миллионов в настоящее время неработающих пенсионеров вернутся в «белую» занятость в случае реализации правительством России этой инициативы.

Во-вторых, с учетом того, что пенсионеры также являются одной из социально уязвимых групп населения России, следует, по нашему мнению, рассмотреть идею учреждения института Уполномоченного по правам пенсионеров в Российской Федерации для более эффективной защиты их социальных прав.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации/Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/?ysclid=ltcr70uj3667864558> (дата обращения: 01.04.2024).
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию (29.02.2024 года). — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (дата обращения: 01.04.2024).
3. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик 1936 года // Интернет-портал исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 01.04.2024).
4. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик 1977 года // Интернет-портал исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. — URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm> (дата обращения: 01.04.2024).

DEVELOPMENT OF THE CONCEPT
OF SOCIAL HUMAN AND CIVIL RIGHTS
IN THE NEW EDITION
THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Zhelo V. V.

*Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. This article is devoted to the analysis of the main stages of the formation and development of social rights and freedoms in Russian constitutionalism. It summarizes and highlights proposals for improving the practice of implementing social rights and freedoms based on the novelties of the 2020 edition of the Constitution of the Russian Federation. The conclusion is made about the expediency of establishing a new human rights institution — the Commissioner for the Rights of Pensioners in the Russian Federation.

Key words: The Constitution of the Russian Federation; social rights and freedoms of man and citizen; Commissioner for the Rights of Pensioners; the right to work; the right to social security.

УДК 004.056

ОСОБЕННОСТИ ОБРАБОТКИ РАБОТОДАТЕЛЕМ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ РАБОТНИКОВ

Зиновьева О. П.

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процессуального
и трудового права, юридический факультет,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация. В статье анализируются некоторые практические аспекты обработки персональных данных работников и существующие противоречия действующего трудового законодательства, а также законодательства о защите персональных данных. Автор рассматривает проблемы в части действий работодателей при реализации прав, предоставленных им трудовым законодательством, а также пределы этих прав.

Ключевые слова: персональные данные; биометрические персональные данные; обработка персональных данных; распространение персональных данных.

Развитие цифровых технологий в последние годы неизбежно приводит к автоматизации общественных процессов и внедрению систем дистанционного контроля. Эта тенденция не обошла стороной и трудовые отношения, в которых работодателями внедряются всё более совершенные системы наблюдения за безопасностью труда и дисциплиной. Однако с такими нововведениями согласны

далеко не все, поскольку очевидно, что высокотехнологичные решения в области контроля за рабочим пространством могут ограничивать, в том числе, персональные, неотъемлемые права лиц, включая конституционное право на неприкосновенность частной и личной жизни [1].

Сложность заключается в том, что потенциальный конфликт возможен не только потому, что действия работодателя по обеспечению наблюдения за работниками способны ущемить интересы последних, но еще и потому, что действующее законодательство зачастую содержит противоречивые нормы, не позволяющие однозначно ответить на возникающие у работодателей вопросы.

В качестве персональных данных законодательством рассматривается любая информация, касающаяся физического лица; ее виды законом не обозначены. Биометрические персональные данные, как разновидность персональных данных, представляют собой сведения о физиологических и биологических особенностях человека, на основании которых можно установить его личность [2]. Поскольку исчерпывающего перечня таких сведений нет, отнесение персональных данных к категории «биометрия» осуществляется в каждом случае индивидуально. К таким данным, к примеру, относятся фото- и видеоизображение, запись голоса, дактилоскопия, радужная оболочка глаза, анализ ДНК и некоторые другие параметры, идентифицирующие человека. При этом такие персональные данные относятся к категории биометрических не всегда, а только тогда, когда могут быть использованы с целью установления личности. Так, например, фотографическое изображение лица является разновидностью биометрических персональных данных, если оно используется для обеспечения пропускного режима на территорию работодателя [3; 4; 5].

В юридической практике возникал вопрос, относить ли подписи на документах и почерк лица к биометрическим данным и требует ли их обработка получения на то письменного согласия? Несколько лет назад Роскомнадзор ответил на данный вопрос отрицательно [6], указав, что эти данные не могут рассматриваться в качестве биометрических, поскольку обработка подписи и почерка (включая их сбор с целью проведения экспертных исследований) направлены на подтверждение их принадлежности конкретному физическому лицу, чья личность уже определена. Однако в 2021 году указанные разъяснения были изменены [7].

С отнесением почерка и подписи лица к категории «биометрия» можно было бы поспорить, но в ряде нормативных актов этот подход был реализован. Так, указание на обработку таких биометрических данных, как собственноручная подпись работника, содержится в типовой форме согласия на обработку персональных данных государственных гражданских служащих Федерального медико-биологического агентства [8] и в типовой форме такого согласия государственных гражданских служащих Министерства связи и массовых коммуникаций РФ [9]. В рамках такого подхода законодателя оспаривать факт того, что указанные данные являются «биометрией», работодателю становится сложнее.

Некоторые авторы полагают, что информация, характеризующая физиологические особенности человека, не является «биометрией», поскольку она используется не для идентификации личности работников, а для иных целей [10]. С этим трудно согласиться, поскольку любая видеофиксация рабочего процесса ведется прежде всего для того, чтобы по факту правонарушения или иного произошедшего на рабочем месте инцидента установить личность участников и обстоятельства случившегося. Кроме того, нельзя гаранти-

ровать, что полученные работодателем записи могут быть использованы в будущем исключительно в целях, не связанных с идентификацией личности. Поэтому видеосъемка и аудиозапись в служебных помещениях работодателя, на наш взгляд, должны рассматриваться как сбор биометрических персональных данных сотрудников.

Данный вопрос приобрел еще большую актуальность в связи с принятием Федерального закона № 572-ФЗ от 29.12.2022 [11], когда началась массовая регистрация биометрических данных в государственной информационной системе, что лишь усугубило негативное отношение работников к этому процессу, поскольку они стали опасаться «утечки» своих биометрических данных.

В связи с масштабными изменениями трудового законодательства [12], произошедшими, начиная с 1 марта 2022 года, работодатели получили право вести видеосъемку процессов производства работ в рамках обеспечения охраны и безопасности труда (ст. 214.2 ТК РФ). Таким образом, право работодателя на ведение аудио- и видеосъемки на его территории сейчас закреплено законодательно.

Для правомерной реализации указанного права работодателем трудовое законодательство требует:

а) соблюдения цели фиксации (аудио- и видеозапись могут проводиться только в производственных помещениях, исключая помещения вспомогательного и санитарного назначения);

б) принятия соответствующего локального нормативного акта;

в) обязательного оповещения работников о ведущейся съемке;

г) размещения специальных информирующих табличек (последнее является реализацией запрета на негласное получение информации, неуполномоченными лицами [13]).

Вместе с тем обязательным условием обработки биометрических персональных данных является согласие их обладателя (ч. 1 ст. 11 № 152-ФЗ).

Федеральным законом из этого правила установлены исключения, к которым случаи, предусмотренные трудовым правом, не отнесены (ч. 2 ст. 11 № 152-ФЗ). Таким образом, если на территории работодателя осуществляется видеосъемка, в том числе сопровождаемая согласно техническим характеристикам записывающего оборудования аудиозаписью, работодатель обязан получить от работников письменное согласие на обработку указанных биометрических персональных данных.

В настоящий момент складывается неоднозначная судебная практика. Причиной этого, на наш взгляд, во многом является конфликт трудового законодательства и законодательства о защите персональных данных. По мнению одних судебных органов, поскольку установка записывающего оборудования является правом работодателя, она не требует согласия работника и не является нарушением его прав [14; 15]. Другие суды приходят к выводу о том, что работодателем в ряде случаев не соблюдаются условия законности размещения системы видеонаблюдения в служебных помещениях [16]. Полагаем, что законодателю требуется урегулировать сложившееся противоречие и поставить в указанном вопросе точку, дав ясные указания на этот счет.

Еще одна спорная ситуация возникает в ситуации, когда работодатель не только фиксирует процесс производства работ в служебных помещениях и на площадках работодателя, но и осуществляет трансляцию происходящего в открытый эфир в случаях, когда речь идет не о защите публичных интересов. Например, когда застройщик устанавливает камеры на строительной площадке для просмотра хода строительства участниками долевого строительства, или

работодатель размещает веб-камеры, трансляция с которых осуществляется с целью ознакомления с ней неопределенного круга лиц, например, в рабочие чаты сотрудников или на служебные мониторы.

Полагаем, что в случае трансляции с камер видеонаблюдения работодателя имеет место не обычная обработка персональных данных работников, а их распространение, требующее оформления дополнительного согласия на обработку персональных данных, разрешенных для распространения. Форма такого согласия устанавливается Роскомнадзором [17] и должна содержать категории и перечень персональных данных, для обработки которых работник может установить особые условия или запреты, в том числе на их передачу.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что действующее законодательство о защите персональных данных работников довольно противоречиво, однако судебные органы смогли сформулировать требования, при выполнении которых работодатель может быть освобожден от ответственности за фиксацию трудового процесса без письменного согласия работников. Но это не дает работодателю права на предоставление открытого доступа к трансляции с камер видеонаблюдения без соблюдения дополнительных ограничений, установленных законодательством о персональных данных для случаев их распространения.

Список использованных источников

1. *Статья 24 Конституции Российской Федерации (принята Всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования).* — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/bcddb9060e44ed6085b65a1af0fb90aa3ef0175 (дата обращения: 14.03.2024).

2. Часть 1 статьи 11 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Российская газета. — 2006. — 29 июля. — № 165.
3. Письмо Роскомнадзора от 10.02.2020 № 08 АП-6782 «О направлении информации по протоколу совещания». Практические рекомендации по применению положений Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» при обработке биометрических персональных данных несовершеннолетних»).
4. Письмо Минцифры России №ОП-П24-070-19433 от 17.07.2020г. — URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-roskomnadzora-ot-10022020-n-08ap-6782-o-napravlenii-informatsii> (дата обращения: 14.03.2024).
5. СПС «Гарант» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74362653> (дата обращения: 14.03.2024).
6. Разъяснения Роскомнадзора «О вопросах отнесения фото- и видео- изображения, дактилоскопических данных и иной информации к биометрическим персональным данным и особенности их обработки» // Экономика и жизнь (бухгалтерское приложение). — 2013. — 13 сентября. — № 36.
7. Письмо Роскомнадзора № 09-78548 «О неактуальности разъяснений Роскомнадзора» от 19.11.2021. — URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-roskomnadzora-ot-19112021-n-09-78548-o-neaktualnosti-razjasnenii> (дата обращения: 14.03.2024).
8. Правила обработки персональных данных в Федеральном медико-биологическом агентстве (приложение № 1, утв. указанием ФМБА России № 32-023/42 от 29.12.2018). — URL: <https://legalacts.ru/doc/pravila-obrabotki-personalnykh-dannykh-v-federalnom-mediko-biologicheskom-agentstve-utv> (дата обращения: 14.03.2024).
9. Приказ Минкомсвязи России № 484 «О персональных данных в Министерстве связи и массовых коммуникаций Российской Федерации» от 06.10.2016. — URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/9165> (дата обращения: 14.03.2024).

10. Овчинникова, И. В. Устанавливаем видеонаблюдение в офисе с учетом судебной практики // Главная книга. — 2023. — № 7. — С. 78–83.
11. Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 02.01.2023. — № 1 (часть I). — Ст. 19.
12. Федеральный закон № 311-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» от 02.07.2021 // Собрание законодательства РФ. — 05.07.2021. — № 27 (часть I). — Ст. 5139.
13. Статья 6 Федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 // Собрание законодательства РФ. — 14.08.1995. — № 33. — Ст. 3349.
14. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции № 88–16003/2020 от 10.11.2020. — URL: <https://www.klerk.ru/doc/570582> (дата обращения: 14.03.2024).
15. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88–12419/2021 от 19.08.2021. — URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=KSOJ007&n=38703&dst=100001%2C-1&date=14.03.2024> (дата обращения: 14.03.2024).
16. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции № 88–14171/2023 от 03.07.2023. — URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=454821> (дата обращения: 14.03.2024).
17. Приказ Роскомнадзора № 18 «Об утверждении требований к содержанию согласия на обработку персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения» от 24.02.2021 (зарегистрировано в Минюсте России 21.04.2021 № 63204). — URL: <https://54.rkn.gov.ru/protection/acts/p35934> (дата обращения: 14.03.2024).

THE SPECIFICS OF THE EMPLOYER'S PROCESSING
OF CERTAIN CATEGORIES
OF PERSONAL DATA OF EMPLOYEES

Zinovieva O. P.

*Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Civil Procedure and Labor Law, Faculty of Law,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. The article analyzes some practical aspects of the processing of personal data of employees and the existing contradictions of the current labor legislation, as well as legislation on the protection of personal data. The author examines the problems regarding the actions of employers in exercising the rights granted to them by labor legislation, as well as the limits of these rights.

Key words: personal data; biometric personal data; personal data processing; personal data dissemination.

УДК 340.14 (075.8)

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК ВУЗОВ В КОНТЕКСТЕ
ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ
В СРЕДЕ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ
СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ, А ТАКЖЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН,
ГАРАНТИРОВАННЫХ КОНСТИТУЦИЕЙ РФ**

Габович А. А.

*Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия*

***Аннотация.** В статье рассматривается роль и место вузовских юридических клиник в сфере защиты конституционных прав граждан и формирования гражданской позиции студентов юридических специальностей в контексте реализации концепции социального государства в Российской Федерации. Автор анализирует отдельные аспекты профессиональной подготовки студентов-юристов, описывает существующие проблемы и приводит рекомендации в части совершенствования механизма оказания бесплатной юридической помощи гражданам на базе юридических клиник вузов, а также последовательного повышения качества предоставляемых гражданам юридических услуг.*

***Ключевые слова:** гражданская позиция; гражданская позиция студентов-юристов; гражданская позиция студентов; профессиональная подготовка; патриотическое воспитание.*

Природа социального государства предусматривает защиту прав граждан как одну из базовых и приоритетных социальных ценностей. Государство гарантирует социальную защиту прав граждан путем создания различных правозащитных и общественных институтов, которые функционируют наряду с государственными и правоохранительными органами.

Одним из сравнительно новых институтов защиты прав граждан являются юридические клиники вузов, осуществляющих подготовку юристов. В последнее время внимание к ним возросло.

Министерство юстиции Российской Федерации наделено обязанностью вести список юридических клиник, работающих в Российской Федерации. Министерством науки и высшего образования Российской Федерации разработана нормативно-правовая база их функционирования; в каждом вузе, осуществляющем подготовку юристов, в свою очередь, действуют локальные нормативные акты в этой сфере.

Юридические клиники являются деятельной средой, в которой студенты-юристы формируют свои профессиональные компетенции. Здесь студенты изучают основы документооборота и составления правовых документов, порядок оказания консультационной помощи гражданам.

Законодатель четко не определил круг вопросов, по которым может предоставляться правовая помощь в вузовских юридических клиниках; вузы самостоятельно устанавливают перечень вопросов, в рамках которых специалисты клиники оказывают юридическую помощь [1]. Традиционно в спектре этих услуг преобладают гражданские правоотношения, в меньшей степени международные, уголовная же проблематика полностью исключена из сферы компетенции юридических клиник.

Функционирование юридических клиник является важным элементом системы защиты конституционных прав граждан. Не у всех граждан есть финансовая возможность оплатить юридическую помощь, поэтому нуждающиеся граждане могут обратиться за бесплатной консультацией в студенческие юридические клиники. В роли консультантов в клиниках, как правило, выступают учащиеся старших курсов, которые ведут прием посетителей под контролем преподавателей [2].

Зачастую гражданам необходима первичная консультация по составлению простых, не требующих углубленных юридических знаний, документов. Это может быть составление договора купли-продажи недвижимости, признание юридических фактов, обращения в государственные органы для назначения социальной помощи.

При этом опыт, который нарабатывают студенты-юристы в таких клиниках является весьма ценным. В процессе профессиональной подготовки синергия теоретических знаний и практической работы в юридической клинике позволяет сформировать полноценного специалиста с активной гражданской позицией, которая, несомненно, будет необходима молодому юристу в его дальнейшей работе.

В системе современной высшей школы юридическим клиникам отводится важное место в деле профессиональной подготовки специалистов юридического профиля. Организационно они могут создаваться как структурные подразделения вузов, факультетов или же их деятельность может осуществляться на базе профильной кафедры.

Для предоставления консультаций в клинике оборудованы специальные рабочие места, снабженные доступом к электронным базам данных и необходимой оргтехникой. В последнее время популярным форматом становится оказание юридической помощи в дистанционном режиме, но это

возможно реализовать лишь в тех клиниках, где для этого имеются технические возможности.

Перспективы дальнейшего развития вузовских юридических клиник достаточно многообещающие — это постепенное расширение спектра предоставляемых услуг: от бесплатной юридической помощи гражданам в виде консультаций и подготовки правовых документов до представительства их интересов в судебных инстанциях.

Юридические клиники являются частью профессиональной подготовки будущих юристов и способствуют формированию у учащейся молодежи активной гражданской позиции. Участие в работе юридической клиники позволяет студентам получить начальные профессиональные навыки, необходимые любому молодому специалисту, а взаимодействие с наставником при решении тех или иных практических задач способствует налаживанию профессионального диалога. В то же время до сих пор не урегулирован вопрос учета работы студентов-юристов в юридической клинике в виде стажа по профессии, что могло бы упростить дальнейшее трудоустройство выпускников юридических специальностей.

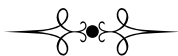
Для повышения качества предоставляемой бесплатной юридической помощи в юридических клиниках, по нашему мнению, необходимо усовершенствовать механизм наставничества, привлечь опытных преподавателей, имеющих практический опыт, к более активному участию в работе клиник. Поскольку обучение в юридических клиниках преследует в основном образовательные цели, то важным фактором является сопровождение студента педагогом, который сможет доступно, понятно, возможно на основе личного опыта, объяснить порядок юридических действий в конкретной ситуации.

Таким образом, дальнейшее стремительное развитие социального государства обуславливает наличие правовых

механизмов защиты конституционных прав граждан, одним из которых является гарантия на получение бесплатной юридической помощи со стороны государства, что, в частности, реализуется в формате вузовских юридических клиник.

Список использованных источников

1. Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» № 324-ФЗ от 21.11.2011 г. (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121887.
2. Приказ Минобрнауки России № 994 «Об утверждении Порядка создания образовательными учреждениями высшего профессионального образования юридических клиник и порядка их деятельности в рамках негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи» от 28.11.2012 г. (зарегистрировано в Минюсте России 19.12.2012 г. № 26198) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139442.

DEVELOPMENT PROSPECTS LAW CLINICS
OF UNIVERSITIES IN THE CONTEXT
OF THE FORMATION OF A CIVIC POSITION
AMONG LAW STUDENTS SPECIALTIES, AS WELL AS ENSURING
THE SOCIAL RIGHTS OF CITIZENS,
GUARANTEED BY THE CONSTITUTION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Gabovich A. A.

*Rostov State University of Economics (RINH),
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. The article examines the role and place of university law clinics in the protection of constitutional rights of citizens and the formation of a civic position of law students in the context of the implementation of the concept of a welfare state in the Russian Federation. The author examines certain aspects of the professional training of law students, describes existing problems and provides recommendations for improving the mechanism for providing free legal aid to citizens at law clinics in universities, as well as consistently improving the quality of legal services provided to citizens.

Key words: civic position; civic position of law students; civic position of students; professional training; patriotic education.

УДК 340.14(075.8)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА
СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Костылева Е. Д.

*Российский государственный университет правосудия,
г. Москва, Россия*

***Аннотация.** В статье анализируются научные взгляды и правовые подходы к природе и содержанию понятия «социальные права». В этих целях рассматриваются состояние и перспективы формирования конституционных основ Российского социального государства, исследуется эволюция и содержание концепции социального государства, анализируется ее правопонимание и реализация данной концепции в Российской Федерации. Автором определено понятие и специфика социальных прав в конституционно-правовой теории, проанализирована структура социальных прав согласно Конституции и законодательству Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** Конституция РФ; социальные права человека; принцип социального государства.*

Для советской правовой науки характерной была позиция, в соответствии с которой социальные права первоначально появились именно в социалистическом государстве и обществе и в дальнейшем были заимствованы государствами других правовых семей и культур (либерально-демократическими

государствами, автократическими, в том числе религиозными государствами, гибридными государствами и пр.). Действительно, именно конституции социалистических государств впервые в XX столетии закрепили социальные права человека.

Правовая наука советского периода рассматривала социальные права преимущественно в конструкции «социально-экономические права и свободы», тогда как гражданские и политические права рассматривались как самостоятельные группы прав. Данной позиции придерживались, в частности, А. А. Мишин, И. А. Ледях, Г. В. Мальцев и другие.

В середине XX века либеральная и социальная демократия была обеспокоена нарушением прав человека тоталитарным режимом, и на первый план стала выходить идея закрепления на государственном уровне нормы общечеловеческого правосознания. Власть уже не могла произвольно нарушать автономию личности, гарантией этого выступали естественные права, которые обеспечивали свободу человека в негативном понимании. Отсюда берет начало деления прав на негативные и позитивные. Постепенно такое ограниченное правопонимание было заменено признанием социальных прав общепризнанными, фундаментальными. Наряду с личными (гражданскими) и политическими, они стали признаваться конституциями государств, принадлежащими от рождения и неотчуждаемыми.

Само понятие социальные права человека является вариативным, имеет много версий, так как исследователи расставляют разные акценты, формулируя дефиницию данного понятия. Значительная часть правоведов опираются на смысловой контекст ст. 7 Конституции РФ, где ключевыми целями социального государства обозначены достойный уровень жизни и свободное развитие (Е. А. Лукашева, Н. В. Шакун), другая группа ученых стремится в социальных правах вы-

делить их предназначение — обеспечивать удовлетворение жизненных потребностей или потребностей воспроизводства человеческой жизни (Е. А. Козлов, Н. В. Путило).

Представляется, что обе группы исследователей в предлагаемых дефинициях выделяют важные признаки социальных прав, смысл которых состоит в том, чтобы служить средством предоставления материальных и нематериальных благ для всех категорий индивидов, включая нуждающихся в этом. В то же время важно выделить ключевые индикаторы сущности и содержания социальных прав. К ним можно отнести индивидуальные и коллективные индикаторы.

Индивидуальные индикаторы — это обеспечение: достойного уровня жизни, свободного развития и равного доступа к возможностям развития; справедливого вознаграждения за результаты трудовой деятельности; социальной защищенности (социальной безопасности); уровня человеческого развития и его социальной активности, дающих возможность самореализации человека как личности, гражданина государства и члена общества.

Коллективные индикаторы: благосостояние населения (то есть уровень обеспеченности потребностей человека материальными и нематериальными благами); система справедливого распределения ресурсов и благ; накопление человеческого капитала, характеризующее состояние трудовой занятости, здоровья населения, его образовательный, профессиональный и иные уровни социальной активности.

Значение реализации социальных прав не вызывает сомнений — они занимают основное место в системе ценностей человека, а также выступают «частью цивилизованного общества, выражая его моральный уровень, и являются индикатором справедливости» [1, с. 20]. Обязательным признаком социальных прав является их обеспечение со стороны государства с учетом принципа социальной справедливости.

Российская Федерация в соответствии с Конституцией 1993 года придерживается смешанной (либерально-демократической и социалистической) модели социального государства.

Конституционные поправки 2020 года были призваны обеспечить реализацию одной из основ конституционного строя — концепции социального государства. Оценить эффективность реализации и целесообразность принятия поправок в социальной сфере можно будет спустя некоторое время, в настоящий же момент ученые анализируют ситуацию с позиций теоретических знаний.

Перед Российской Федерацией в настоящее время стоит очень много нерешенных задач и острых проблем; особо значимой является «необходимость удовлетворения сложившихся социальных потребностей при одновременной институциональной перестройке всей системы социальной защиты» [2, с. 128]. Остро стоит также вопрос о чрезмерной дифференциации населения России по уровню доходов и росте бедности.

Гарантии реализации социальных прав определяются многими факторами, такими как демографическая ситуация в стране, наличие трудового потенциала (от которого во многом зависят показатели качества жизни пенсионеров и собственно размер пенсии), развитости социальной инфраструктуры. Изменить ситуацию к лучшему в области социальных прав граждан государство способно, лишь создав комфортные условия в социально-экономическом отношении, стабилизировав, в том числе, внутривнутриполитическую ситуацию. Руководство страны в настоящее время предпринимает шаги в этом направлении, но предварительные итоги избранной правительством и президентом стратегии реализации концепции социального государства можно будет подводить еще не скоро.

Список использованных источников

1. Костылева, Е.Д. Проблемы судебной защиты социальных прав и свобод в условиях кризиса/Е.Д. Костылева // Современный юрист. — 2022. — № 1 (38). — С. 16–26. — EDN CYWMTK. — С. 20.
2. Умнова-Конюхова, И.А. Конституционная доктрина социального государства в решениях Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации на примере защиты социальных прав / И.А. Умнова-Конюхова, Е.Д. Костылева // Правосудие. — 2023. — Т. 5, № 2. — С. 110–131. — DOI 10.37399/2686–9241.2023.2.110–131. — EDN LAUYLG. — С. 128.

SOCIAL HUMAN RIGHTS AND THE IMPLEMENTATION
OF THE PRINCIPLE OF THE WELFARE STATE
IN THE RUSSIAN FEDERATION

Kostyleva E. D.

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

Abstract. The article analyzes scientific views and legal approaches to the nature and content of the concept of «social rights». For these purposes, the state and prospects of the formation of the constitutional foundations of the Russian welfare state are considered, the evolution and content of the concept of the welfare state are investigated, its legal understanding and the implementation of this concept in the Russian Federation are analyzed. The author defines the concept and specifics of social rights in the constitutional and legal theory, analyzes the structure of social rights according to the Constitution and legislation of the Russia.

Key words: The Constitution of the Russian Federation; social human rights; the principle of a welfare state.

УДК 342

ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНСТИТУЦИЯХ И УСТАВАХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Малиненко Э. В.

*Южно-Российский институт управления —
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Россия*

***Аннотация.** Социальная политика является одним из основополагающих направлений внутренней политики Российского государства. Правовой статус человека и гражданина может рассматриваться не только на федеральном, но и на региональном уровне. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации стремятся к созданию благоприятных условий для проживания населения. В конституционно-правовой науке в настоящее время сложились различные подходы к исследованию данной проблематики. Однако в государственно-правовой практике приоритет отдан предоставлению дополнительных гарантий за счет бюджета субъекта Российской Федерации. В этом контексте важное место занимают конституции и уставы субъектов Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** государство; субъект Российской Федерации; конституция; устав; социальная политика.*

Социальная политика выступает одним из ключевых направлений государственной политики в России и, безусловно, оказывает большое влияние на правовое

положение человека и гражданина в субъектах Российской Федерации.

Будучи основополагающим элементом в деятельности государства, конструкция социальной политики определяется рядом факторов, в том числе правовыми нормами содержащимися в конституциях, уставах и законах субъектов Российской Федерации.

По сути, социальная политика определяет состоятельность правового статуса человека и гражданина; в связи с этим возникает вопрос об эффективности ее реализации в различных субъектах Российской Федерации.

Данный вопрос напрямую связан с задачей приведения конституций и уставов субъектов Российской Федерации в соответствие с федеральным законодательством, с учетом формирования единой конституционной (уставной) модели. Именно этот аспект до настоящего времени остается проблемным.

Несмотря на тридцатилетний путь развития российской Конституции и ее аналогов в субъектах РФ, указанная выше проблема не решена до настоящего времени, а следовательно, возможна ситуация, при которой в разных регионах РФ качество и эффективность социальной политики могут варьироваться.

Тем не менее необходимо признать, что правовой статус человека и гражданина непосредственно связан с комплексом его взаимоотношений с государством, независимо от его местонахождения (государственной регистрации, территориальной принадлежности к тому или иному субъекту).

При этом задача приведения конституционных (уставных) социальных норм субъектов РФ к единой правовой модели, согласованной с федеральным законодательством, по-прежнему остается актуальной, превращаясь из право-

вой в политико-правовую. Ее конституционно-правовой потенциал и действенность зависят от приведения конституционного (уставного) законодательства в соответствие с федеральным правовым контуром.

Призыв к скорейшему решению этой проблемы в интересах обеспечения всей полноты социальных прав гражданина РФ продолжает звучать в трудах ученых-конституционалистов. Так, Н. С. Бондарь отмечает актуальность нормативно-правовых характеристик человека как юридической личности, а также нравственно-этических начал, с помощью которых происходит «приращение» режима равенства требованиями справедливости, уважения и охраны достоинства личности...» [1, с. 5–21]. Однако данная тенденция не всегда прослеживается в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации [2, с. 100–107]. Массив региональных нормативных правовых актов, его несбалансированность и несвоевременность внесения изменений в конституции и уставы субъектов Российской Федерации затрудняют эффективную государственно-правовую практику.

Список использованных источников

1. Бондарь, Н. С. Равенство в этико-правовом измерении человека как юридической личности (от равенства перед богом — к конституционному равенству // *Журнал российского права*. — 2023. — № 4, Т. 27. — С. 5–21.
2. Малиненко, Э. В. К вопросу о модели конституции республики как субъекта Российской Федерации // *Спутник высшей школы права*. — 2023. — № 5 (10). — С. 100–107.

REFLECTION OF THE CONCEPT OF SOCIAL
POLICIES IN CONSTITUTIONS AND CHARTERS
SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Malinenko E. V.

*South Russian Institute of Management,
a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. Social policy is one of the fundamental directions of the domestic policy of the Russian state. The legal status of a person and a citizen can be considered not only at the federal level, but also at the regional level. The state authorities of the constituent entities of the Russian Federation strive to create favorable living conditions for the population. Currently, constitutional and legal science has developed various approaches to the study of this issue. However, in state legal practice, priority is given to providing additional guarantees at the expense of the budget of a constituent entity of the Russian Federation. In this context, the constitutions and charters of the constituent entities of the Russian Federation occupy an important place.

Key words: state; subject of the Russian Federation; constitution; charter; social policy.

УДК 331.2, 349.2, 349.3

**К ВОПРОСУ О СОБЛЮДЕНИИ
КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ТРУД
В ОТНОШЕНИИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ,
ИМЕЮЩИХ ОГРАНИЧЕННЫЕ
ВОЗМОЖНОСТИ ЗДОРОВЬЯ**

Васильева К. В.

*кандидат юридических наук, доцент,
кафедра гражданского права и процесса,
Московский университет имени С. Ю. Витте,
г. Москва, Россия*

Аннотация. *В статье рассматриваются причины сохранения остроты проблемы трудоустройства выпускников вузов в ситуации, когда такие выпускники имеют ограниченные возможности с точки зрения состояния их здоровья. Указанная проблематика анализируется как с позиции самих выпускников, так и с позиции потенциальных работодателей. В заключение проведенного исследования автор формулирует рекомендации в части совершенствования процедур трудоустройства выпускников вузов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья.*

Ключевые слова: *выпускник вуза; занятость; инвалидность; ограниченные возможности здоровья; работник с ОВЗ; труд.*

Введение. Право на труд — одно из основополагающих прав человека, закрепленных Конституцией России (ст. 37). При этом Россия как социальное го-

сударство гарантирует достойный уровень жизни каждому гражданину, в том числе, если гражданин имеет ограниченные возможности здоровья (ОВЗ). Эйблизм — то есть дискриминация граждан по признаку состояния здоровья и соответствующих возможностей организма, запрещен законодательно, в том числе и нормами Трудового кодекса Российской Федерации (ст. 3).

Однако до сих пор во всем мире отмечается сохранение двух видов барьеров, препятствующих эффективной интеграции лиц с ОВЗ в общество «нормотипичных» граждан. Эти барьеры именуются «отношенческими» и «средовыми».

«Отношенческие» барьеры представляют собой негативное восприятие лиц с ограниченными возможностями здоровья нормотипичными членами общества (что во многом основано на ложных или устаревших стереотипах, шаблонах и предрассудках).

«Средовые» барьеры выражаются в недостаточно сформированной доступной среде, необходимой для того, чтобы лица с ОВЗ могли пользоваться теми же благами современной цивилизации, что и нормотипичные граждане [1, с. 22].

Как отношенческие, так и средовые барьеры касаются, в том числе, и выпускников вузов, имеющих ОВЗ на этапе их трудоустройства. По статистике, большинство лиц с ОВЗ (пожалуй, только за исключением граждан с выраженными ментальными нарушениями) способно закончить вуз на общих основаниях и затем трудоустроиться. Среди таких студентов преобладают граждане с детским церебральным параличом (ДЦП) и иными нарушениями опорно-двигательного аппарата, а также лица с нарушениями зрения и слуха; возможно также сочетание перечисленных патологий. Если такие студенты имеют официально уста-

новленную инвалидность, то в индивидуальной программе реабилитации и абилитации (ИПРА) для них установлена не просто способность к труду, но также и настоятельная рекомендация трудиться.

Основная цель настоящей статьи — предложить конструктивные меры по преодолению отношенческих и средовых барьеров к трудоустройству выпускников вузов, имеющих ОВЗ.

Объект исследования настоящей статьи — общественные отношения, связанные с процедурами трудоустройства выпускников вузов, имеющих ОВЗ (в том числе инвалидность).

Предметом исследования выступают нормативные правовые акты в сфере труда и социальной поддержки граждан, содержащие нормы о трудоустройстве лиц с ОВЗ, а также актуальная судебная и правоприменительная практика.

Спектр использованных методов исследования включает в себя как частнонаучные методы — правовой науки (в первую очередь формально-юридический метод) и социальных наук (анкетирование, тестирование, опрос, беседа), так и общенаучные методы — анализ, синтез, индукцию и дедукцию.

Результаты исследования и выводы. Статистическими исследованиями было выявлено, что в целом наличие диплома о высшем образовании (бакалавра, специалиста, магистра) помогает трудоустройству человека с ОВЗ, но только немногим более половины из них (если точнее — около 60%) удалось трудоустроиться. И эта ситуация сохраняется, несмотря на то, что Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации (Минтрудом России) были разработаны и на сегодняшний день действуют Методические рекомендации по перечню рекомендуемых видов

трудовой и профессиональной деятельности инвалидов с учетом нарушенных функций и ограничений их жизнедеятельности [2, с. 78].

Почему же проблема по-прежнему далека от своего решения? Рассмотрим ее с разных сторон — с позиции выпускников вузов, имеющих ОВЗ и желающих трудоустроиться, и с позиции работодателей.

Положение дел, как его воспринимают выпускники вузов, имеющие инвалидность и/или ОВЗ представлена в таблице 1.

Таблица 1 — Причины отклонения кандидатуры работника с ОВЗ или инвалидностью работодателем (мнение кандидата на трудоустройство, имеющего ОВЗ)

Причины отклонения кандидатуры работника с ОВЗ или инвалидностью работодателем	Число ответивших, %
«Неудобства» работника с ОВЗ для работодателя (часто болеет, требует постоянной помощи, не выполняет полный требуемый объем работы)	25
Отсутствие материальных и иных экономических выгод для работодателя при приеме на работу человека с ОВЗ	20
Протесты «нормотипичных» работников против присутствия в трудовом коллективе граждан с ОВЗ на рабочих местах, выраженные пассивной или активной агрессией в адрес человека с ОВЗ	20
Отсутствие и невозможность формирования работодателем доступной среды на рабочих местах для граждан с ОВЗ	15
Отсутствие персонального навыка человека с ОВЗ выгодно представить свои способности и компетенции работодателю	10
Сочетание двух и более причин, названных выше	10

Рассмотрим теперь точку зрения работодателей на проблему трудоустройства работника с ОВЗ — результаты опроса представлены в таблице 2.

Таблица 2 — Причины отклонения кандидатуры работника с ОВЗ или инвалидностью работодателем
(мнение работодателя)

Причины отклонения кандидатуры работника с ОВЗ или инвалидностью работодателем	Число ответивших, %
Отсутствуют вакансии, подходящие соискателю должности, имеющему те или иные ОВЗ	40
Студентов с ОВЗ плохо готовят в вузах, им нередко завышают баллы из жалости, а реальные знания у них — на низком уровне	20
К нам ни разу не обращались работники с ОВЗ, вероятно, они просто плохо ищут работу, не умея этого делать; вузы должны учить их не только компетенциям, но и методам поиска вакансий	20
У нас были работники с ОВЗ, но они сами увольняются, потому что их не устраивают условия работы	20

Обобщая данные анкетирования, можно сделать ряд выводов, которые в дальнейшем целесообразно использовать для совершенствования процедур трудоустройства выпускников вузов с ОВЗ и инвалидностью:

— имеет смысл завершить процесс полноценной легализации понятия гражданина с ОВЗ в российском законодательстве. В настоящее время это понятие содержится только в законодательстве, регулирующем систему образования, а также нормативных правовых актах, касающихся сферы физической культуры и спорта. Указанное понятие целесообразно закрепить прежде всего в трудовом законодательстве. В частности, предлагается следующее определение (по аналогии с подходом в нормоустановительной документации системы образования): «гражданин с ОВЗ — физическое лицо, имеющее недостатки в физическом и (или) психологическом развитии, подтвержденные в установленном законом порядке и препятствующие жизнедеятельности без создания специальных условий»;

— следует законодательно закрепить обязанность работодателя создавать безбарьерную среду для работников с ОВЗ. В частности, следует активизировать работу над поправками в Градостроительный кодекс Российской Федерации и связанные с ним нормативные правовые акты;

— ликвидацию «отношенческих» барьеров необходимо проводить посредством просветительской работы, раскрывающей статус и права граждан с ОВЗ (в том числе используя доступные каналы масс-медиа), с параллельным совершенствованием Минтрудом России профессиональных стандартов, регламентирующих труд специалистов помогающих профессий для адаптации лиц с ОВЗ к труду;

— в российских вузах следует проводить последовательную и целенаправленную работу по взаимной социальной адаптации нормотипичных студентов и студентов с ОВЗ (в рамках освоения студентами универсальной компетенции УК-9 — способности использовать базовые дефектологические знания в социальной и профессиональной сферах);

— необходимо наладить эффективную деятельность служб психологического консультирования и поддержки студентов с ОВЗ в учебных заведениях.

Список использованных источников

1. Васильева, К. В. Актуальные проблемы преодоления эйблизма в России: правовые, психологические и организационно-управленческие аспекты: научная монография. — Москва: Рус-сайнс, 2023. — 108 с.
2. Васильева, К. В. Право социального обеспечения: учебное пособие. — Москва: КноРус, 2022. — 202 с.

ON THE ISSUE OF COMPLIANCE
THE CONSTITUTIONAL RIGHT
TO WORK IN RELATION TO UNIVERSITY GRADUATES,
HAVING LIMITED HEALTH OPPORTUNITIES

Vasilyeva K. V.

*Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Civil Law and Procedure,
Witte Moscow University, Moscow, Russia*

Abstract. The article discusses the reasons for the persistence of the problem of university graduates' employment in a situation where such graduates have limited opportunities in terms of their health status. These issues are analyzed both from the perspective of the graduates themselves and from the perspective of potential employers. In conclusion of the conducted research, the author formulates recommendations regarding the improvement of employment procedures for university graduates with disabilities and disabilities.

Key words: university graduate; employment; disability; limited health opportunities; employee with disabilities; labor.

УДК 349.2

**СТАНОВЛЕНИЕ
СОВРЕМЕННОГО ТРУДОВОГО ПРАВА
В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА
И УЧАСТНИКОВ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Мирошниченко К. В.

*аспирант кафедры трудового права,
юридический факультет,
Академия труда и социальных отношений,
г. Москва, Россия*

Аннотация. В статье исследуются тенденции изменения баланса интересов работника, работодателя и государства в процессе становления российского трудового права. С этой целью анализируются основные законодательные акты, регулировавшие трудовые отношения в разное время. Автор отмечает положительную тенденцию отказа от императивного регулирования трудовых отношений со стороны государства, в то же время обращая внимание на специфику трудовых отношений, в связи с которой государству следует более активно, нежели в гражданском праве, содействовать поддержанию справедливого баланса интересов сторон таких отношений. Автор приходит к выводу, что интересы государства состоят в том, чтобы такой баланс был достигнут, поскольку это окажет положительное влияние на общеэкономическую ситуацию, позволив государству стабильно выполнять социальную функцию.

Ключевые слова: трудовое право; трудовые отношения; баланс интересов; работник; работодатель; трудовой договор.

Введение

Общественные отношения на всех этапах своего развития нуждались в регулировании. Оно было необходимо прежде всего для того, чтобы обеспечить справедливый баланс интересов всех сторон таких отношений. По мере развития научно-технического прогресса общественные отношения усложнялись, требуя при этом и особого способа их координации. Так, А. С. Пиголкин отмечает: «Возникновение права — закономерное следствие усложнения общественных взаимосвязей, углубления и обострения социальных противоречий и конфликтов» [1]. Отношения в сфере труда не являются исключением.

Для того, чтобы понять, каким должен быть баланс интересов в российском трудовом праве на современном этапе, нужно в первую очередь изучить тенденции и закономерности его становления.

1. Интересы в трудовом праве

Как верно отмечает А. М. Куренной, в качестве самостоятельной отрасли трудовое право сформировалось относительно недавно, поскольку ранее свободные граждане самостоятельно использовали свой труд, а труд «несвободных» (рабов и зависимых крестьян) не получал защиты. В период буржуазных революций сложилась ситуация, при которой большинство людей хотя и были свободными, но не имели собственности, за счет которой могли бы жить, и поэтому становились наемными рабочими [2].

Очевидно, что гражданское право уже не могло в полной мере решить те задачи, которые возникали в рамках новых трудовых отношений. Как указывает Е. А. Суханов, общественные отношения, регулируемые гражданским правом,

объединяет то, что они основаны на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. Для метода гражданского права характерны дозволение и правонаделение [3].

В то же время субъекты трудовых отношений, являясь с юридической точки зрения равноправными хозяйствующими субъектами, с экономической точки зрения не являются в полной мере равными, поскольку наемный рабочий становится зависим от работодателя как владельца средств производства.

В связи с этим у государства возникает объективная необходимость в специальном правовом регулировании, которое обеспечило бы баланс интересов работодателя и экономически менее состоятельного работника.

Таким образом, специфика трудовых отношений привела к появлению новой отрасли права — трудового права.

Как можно заметить, гражданское право, устанавливая принципы автономии воли участников отношений и свободы договора, исходит из того, что баланс интересов сторон будет поддерживаться ими самостоятельно, с минимальным вмешательством государства. Трудовое право, декларируя необходимость защиты экономически более слабого работника, исходит из того, что поддержание такого баланса невозможно без установления со стороны государства «правил игры» для участников правоотношений.

Соблюдение баланса интересов работника и работодателя позволяет, с одной стороны, повысить эффективность производства, прибыльность предприятия, а с другой — предоставить работнику гарантии защиты его прав перед работодателем и достойный уровень вознаграждения.

Очевидно, что государство также заинтересовано в поддержании такого баланса, поскольку эффективность труда напрямую влияет на экономику государства, увеличивая

его ВВП. К тому же экономическая активность внутри государства является важным источником средств для его существования — налогов.

Таким образом, с точки зрения баланса интересов трудовое право уникально тем, что оно направлено на установление баланса интересов не только работника и работодателя, как непосредственных участников трудовых правоотношений, но и интересов государства как одного из бенефициаров таких отношений.

На протяжении истории становления российского трудового права этот баланс существенно изменялся. Для того, чтобы проследить тенденции изменения данного баланса, необходимо рассмотреть основные акты, регулировавшие данные отношения в разные исторические периоды.

2. Тенденции изменения баланса интересов в российском трудовом праве

Как указывают исследователи, в царской России не было такого законодательства, которое регулировало бы трудовые отношения в целом. Были лишь отдельные законы, регулирующие труд на определенных видах предприятий [4].

Первым актом, ознаменовавшим появление российского трудового права как отрасли, является Кодекс законов о труде, принятый в 1918 г. (далее КЗОТ 1918 г.) [5], который кардинально пересмотрел баланс интересов в данной сфере.

С одной стороны, права наемных работников стали более определенными и получили законодательные гарантии. Так, например, устанавливалась продолжительность нормального рабочего времени, право на отпуск, вводились тарифы вознаграждения за труд.

Таким образом, КЗОТ 1918 г. обозначил, пусть и в самых общих чертах, некоторое правовое поле, в рамках которого

должно было происходить использование наемного труда.

С другой стороны, куда более заметно баланс интересов был смещен в сторону государства. Так, хотя формально КЗОТ 1918 г. декларировал право на труд, фактически он устанавливал трудовую повинность, которая распространялась практически на всё трудоспособное население РСФСР.

Как отмечает А. В. Мелехин, участник правоотношения имеет возможность использовать субъективное право по собственному усмотрению и может отказаться от его использования. При этом юридическая обязанность — это предусмотренная нормой права мера должного поведения; отказаться от ее исполнения нельзя [6].

С учетом вышеизложенного реальное право на труд в Советской России имели только лица старше 50 лет, поскольку они освобождались от трудовой повинности, но сохраняли за собой право на труд (ст. 12 КЗОТ 1918 г.). Для остальных же категорий работников *право* на труд не отличалось от *обязанности*.

Привлечение трудящихся к работе совершалось через отделы распределения рабочей силы. При этом работник мог быть направлен на работу в другую местность (территорию, регион). Допускалось привлечение работника и к работе не по специальности. Он был обязан принять такую работу, и мог лишь заявить о своем желании исполнять ее временно. Кроме того, КЗОТ 1918 г. предусматривал необходимость контроля за производительностью труда и установления норм выработки.

Таким образом, КЗОТ 1918 г., с одной стороны, установил некоторые социальные гарантии для наемных работников, а с другой — практически полностью исключил свободу договора между работником и работодателем. Трудовое право использовало в отношении участников трудовых отношений метод властных предписаний, характерный для публичного права.

Как отмечает А. В. Мелехин, понятием «правовые отношения» обозначается индивидуальное волевое взаимодействие между субъектами права [6]. Однако КЗОТ 1918 г. путем властных предписаний практически устанавливал жесткий алгоритм действий для работника и работодателя. Соответственно, элемент именно волевого взаимодействия между работником и работодателем был сведен к минимуму (если не исключен вовсе), и воля одного из участников отношений практически не могла повлиять на поведение второго.

Таким образом, правоотношения по КЗОТ 1918 г. были публичными, в которых участвовало государство, с одной стороны, а работник и работодатель — параллельно — с другой. Противоборства интересов работника и работодателя при этом не предполагалось, поскольку их баланс был императивно установлен государством исходя из его представлений о таком балансе.

В период новой экономической политики (НЭП), в 1922 г. был принят новый Кодекс законов о труде РСФСР (далее КЗОТ 1922 г.) [7]. Его целью, как отмечают исследователи, являлось регулирование трудовых отношений в условиях перехода к рыночной экономике [4].

В нем также сохранилась трудовая повинность, однако она приобрела характер исключительной меры. Предоставление работы также производилось через органы Народно-го комиссариата труда.

Вместе с тем КЗОТ 1922 г. предусматривал возможность заключения коллективного договора между профсоюзом и нанимателем. Профсоюзы получили право участвовать (в некоторых случаях) в установлении правил внутреннего распорядка и норм выработки на предприятии.

Также была предусмотрена возможность заключения трудового договора, как соглашения между нанимающим-

ся и нанимателем. Условия договора определялись соглашением сторон, однако не могли ухудшать положение работника. При этом трудовой договор мог быть прекращен соглашением сторон.

Размер вознаграждения за труд определялся коллективными и трудовыми договорами. Отдельно был урегулирован труд женщин и несовершеннолетних.

Таким образом, с точки зрения баланса интересов в трудовых отношениях основным новшеством КЗОТ 1922 г. было введение договорного начала в отношения между работником и работодателем. Баланс интересов участников трудовых отношений теоретически уже мог в какой-то мере регулироваться ими самостоятельно.

Представляется, что введение договорного элемента связано с осознанием государством того факта, что излишнее его вмешательство в трудовые отношения не способствует установлению того баланса интересов работника и работодателя, который был бы для них оптимален и приводил бы к увеличению производительности труда. Соответственно, в интересах государства было не допустить такого чрезмерного вмешательства.

Вместе с тем, как отмечают исследователи, перед Великой Отечественной войной трудовое право вновь ужесточилось. Среди источников трудового права того периода появились, например, декреты ЦИК и СНК СССР, разъяснения Верховного Суда СССР и т. п. Кроме того, снизился уровень социальных гарантий [8].

Однако ужесточение трудового законодательства было чрезвычайной и временной мерой. Акты военного времени утратили свое значение при переходе к послевоенному строительству и восстановлению экономики.

В 1971 г. был утвержден Кодекс законов о труде РСФСР (далее КЗОТ 1971 г.) [9]. Данным Кодексом понятие трудо-

вого договора определялось через взаимные права и обязанности трудящегося и организации (ст. 15 КЗОТ 1971 г.).

В ст. 8 КЗОТ 1971 г. был предусмотрен довольно широкий перечень вопросов трудовой деятельности, который мог быть урегулирован в трудовом договоре.

Однако смещение баланса интересов от государства в сторону работника и работодателя на практике происходило не одномоментно. Так, например, исследователи отмечают, что до перехода России к рыночным отношениям трудовой договор выполнял роль формального основания трудового правоотношения. В нем фиксировались только основные условия, такие как, например, наименование сторон, трудовая функция, время начала работы и т. п.

Вместе с тем представляется показательным, что государство в КЗОТ 1971 г. продолжило отход от метода властных предписаний, позволив работодателю и работнику в установленных пределах самим определять, как будет организован рабочий процесс.

Переход России к рыночным отношениям обозначил необходимость нового правового регулирования трудовых отношений. Современный Трудовой кодекс РФ (далее — ТК РФ [10]), с одной стороны, устанавливает широкие социальные гарантии для работника, с другой — позволяет сторонам трудовых отношений самостоятельно устанавливать условия таких отношений.

Более того, исследователи отмечают, что в настоящее время составление трудового договора в строгом соответствии с ТК РФ также уходит в прошлое. На смену ему приходит «свободная» модель трудового договора, позволяющая максимально — в рамках закона — учитывать интересы обеих сторон трудового правоотношения [11].

Некоторые исследователи также справедливо указывают, что на современном этапе развития трудовых отноше-

ний необходимо обратить внимание не только на защиту прав работника, но и на защиту прав и интересов работодателя, поскольку появляется большое количество работодателей — организаций малого и среднего бизнеса, а также работодателей — физических лиц [12]. Представляется, что именно поэтому в ст. 1 ТК РФ целью трудового законодательства признается защита прав и интересов не только работников, но и работодателей.

3. Дальнейшее развитие баланса интересов в российском трудовом праве

Отход государства от тотального контроля в сфере трудовых отношений представляется разумным. Государственные органы, не являясь профессиональными участниками хозяйственного оборота, не всегда могут верно оценить его особенности в той или иной сфере. К тому же детальное регулирование широкого спектра трудовых отношений может чрезмерно усложнить такое регулирование.

Вместе с тем трудовые отношения отличаются от гражданско-правовых. Так, например, работник подчиняется работодателю в силу должностного положения, он должен соблюдать внутренние правила организации, что в свою очередь, не позволяет говорить о равенстве сторон трудового договора. Кроме того, трудовые отношения, как правило, имеют более долгосрочный характер, нежели гражданско-правовые, и работнику не всегда просто их прервать в случае нарушения его интересов.

В связи с этим трудовые отношения в силу своей специфики должны быть урегулированы более детально, нежели гражданско-правовые, однако лишь на том минимальном уровне, который позволял бы обеспечить справедливый баланс интересов работника и работодателя.

Представляется, что такой подход позволит, с одной стороны, достичь оптимального баланса интересов работодателя (эффективность и прибыльность предприятия) и работника (защита прав и достойный уровень вознаграждения), а с другой — поддержать трудящегося со стороны государства. Это, в свою очередь, позитивно скажется на экономике в целом и позволит государству выполнять одну из своих основных задач как социального государства — создавать условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции РФ [13]).

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что в сфере трудовых отношений пересекаются интересы как работника и работодателя, так и государства. Становление современного трудового права сопровождалось тенденцией отказа государства от императивного регулирования трудовых отношений и предоставления сторонам большей свободы в самостоятельном достижении баланса интересов.

Данная тенденция представляется разумной. Однако необходимо также учитывать и специфику трудовых отношений, предполагающую в некоторых случаях содействие государства в поддержании баланса интересов сторон таких отношений.

Интерес государства в свою очередь состоит в том, чтобы был достигнут справедливый баланс интересов непосредственных участников трудовых отношений. При этом такой интерес государства должен основываться не просто на стремлении повысить производительность труда как таковую, а исходить из социально значимой цели — повышения благосостояния населения.

Список использованных источников

1. Теория государства и права: учебник для юридических вузов/А.И. Абрамова, С.А. Боголюбов, А.В. Мицкевич [и др.]; под ред. А.С. Пиголкина. — Москва: Городец, 2003 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Трудовое право России: учебник / под ред. А.М. Куренного. — Москва: Проспект, 2023.
3. Ем, В.С. Российское гражданское право: учебник / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова [и др.]. — [в 2 т.]. — Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. — 2-е изд., стереотип. — Москва: Статут, 2011.
4. Виноградова, О.А. Из истории становления института разрешения индивидуальных трудовых споров в России // Управленческое консультирование. — 2013.
5. Кодекс законов о труде (принят ВЦИК) // СУРСФСР. — 1918. — № 87–88. — Ст. 905 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Мелехин, А.В. Теория государства и права: учебник. — Москва: Маркет ДС, 2007.
7. Постановление ВЦИК от 09.11.1922 «О введении в действие Кодекса Законов о Труде Р.С.Ф.С.Р. изд. 1922 г.» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Тимофеев, С.А. Трудовое законодательство России: история и современность / С.А. Тимофеев, Л.Г. Ворона-Сливинская, Е.В. Воскресенская // Социология и право. — 2016. — № 4.
9. Кодекс законов о труде РСФСР (утв. Законом РСФСР от 09.12.1971).
10. Трудовой кодекс Российской Федерации № 197-ФЗ от 30.12.2001 // Российская газета. — 2001. — 31 декабря. — № 256.
11. Якимова, И.С. Правовая природа и сущность трудового договора: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Москва, 2010.

12. Саломатина, О. И. Историко-правовые аспекты формирования необходимости защиты прав и законных интересов работодателя нормами трудового права // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». — 2017. — Т. 17, № 3.
13. Конституция Российской Федерации (принята Всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. — 1993. — 25 декабря. — № 237.

BECOMING MODERN LABOR LAW IN THE CONTEXT
OF THE INTERESTS OF THE STATE AND PARTICIPANTS
IN LABOR RELATIONS

Miroshnichenko K. V.

*Postgraduate student of the Department of Labor Law,
Faculty of Law, Academy of Labor and Social Technologies,
Moscow, Russia*

Abstract. The article examines the trends of changing the balance of interests of the employee, employer and the state in the process of formation of Russian labor law. For this purpose, the main legislative acts regulating labor relations at different times are analyzed. The author notes a positive trend towards the rejection of mandatory regulation of labor relations by the state, while at the same time paying attention to the specifics of labor relations, in connection with which the state should be more active than in civil law in promoting a fair balance of interests of the parties to such relations. The author comes to the conclusion that the interests of the state are to achieve such a balance, since this will have a positive impact on the general economic situation, allowing the state to stably fulfill its social function.

Key words: labor law; labor relations; balance of interests; employee; employer; employment contract.

УДК 332.1

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРЕХСТОРОННИХ СОГЛАШЕНИЙ В РАЗВИТИИ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ЭКОНОМИКИ

Татарникова С. Н.

*Академия труда и социальных отношений,
г. Москва, Россия*

***Аннотация.** Развитие кадрового потенциала рассматривается в статье как ключевой фактор опережающего развития экономической основы социального государства в России. Автор анализирует содержание правовых актов социального партнерства — региональных трехсторонних соглашений — и их роль в решении конкретных вопросов развития кадрового потенциала экономики.*

***Ключевые слова:** социальное государство; социальное партнерство; кадровый потенциал; региональные трехсторонние соглашения.*

В трудах М. В. Баглая неизменно подчеркивается мысль о важности построения и развития экономической основы социального государства. Ученый отмечал, что «помимо собственно социальной политики социальную ориентацию должна приобрести вся экономическая политика правительства и при этом не перечеркивать конкуренцию и экономическую свободу, поощрять индивидуальную инициативу, сохранять и даже усиливать стимул к росту личного благосостояния» [1, с. 137]. М. В. Баглай сожалел, что в конституционный текст не включена формула «социально ориентированная рыночная экономика». По его мне-

нию, это существенно помогло бы становлению социального государства [1, с. 138].

Устойчивый экономический рост, инновационное развитие, повышение производительности труда являются обязательными условиями для поступательного развития страны как социального государства. В свою очередь социальное государство должно прилагать консолидированные усилия федерального центра и регионов для формирования этих условий.

В послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 29 февраля 2024 года отмечалось, что нехватка квалифицированных кадров может привести к замедлению экономического роста в стране и ее развития в целом [2]. В этом направлении, по словам Президента РФ, нужно работать на опережение, и именно с этой целью в России разработаны и реализуются масштабные национальные проекты.

С учетом специфики нашей страны, а также конституционного установления, согласно которому вопросы социальной политики находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов, опережающее развитие страны возможно только на базе устойчивого регионального развития. При этом очевидно, что развитие кадрового потенциала является одним из ключевых конкурентных преимуществ региона.

Т. А. Костенькова, исследовавшая факторы, влияющие на формирование кадрового потенциала региона, отмечает важность «мероприятий, направленных на решение проблем в сфере оплаты труда в регионе и повышение ее влияния на уровень экономического развития, в том числе на формирование региональной системы социального партнерства для регулирования вопросов оплаты труда между работниками и работодателями» [3, с. 1155].

Необходимо заметить, что в российскую модель социального государства система социального партнерства встроена давно и надежно, а с 2020 года социальное партнерство закреплено и в Конституции РФ. При этом актуальность развития и укрепления этой системы по-прежнему высока — не случайно весь 2023 год деятельности ФНПР и ее членских организаций был посвящен именно этой задаче.

Правовые акты социального партнерства, заключаемые на уровне региона, — региональные трехсторонние соглашения — способствуют развитию кадрового потенциала экономики не только путем решения вопросов оплаты труда. В них социальные партнеры реализуют положения Генерального соглашения между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации, а также многие идеи, содержащиеся в новых национальных проектах — «Кадры», «Молодежь России», «Профессионалитет».

Во многих соглашениях содержатся конкретные обязательства сторон:

— об осуществлении мер по приоритетному использованию работодателями трудовых ресурсов региона;

— о взаимных консультациях по перспективной потребности в кадрах для формирования заказа на их подготовку в системе профессионального образования;

— об организации региональных конкурсов профессионального мастерства, праздников, информационно-пропагандистских кампаний, содействующих повышению престижа рабочих профессий, уровня квалификации персонала организаций, привлечению молодежи на производство;

— о развитии внутрипроизводственного (корпоративного) обучения;

- об установлении и поддержании шефских связей предприятий с организациями профессионального образования;
- о поддержке института наставничества.

Например, в Ростовском областном трехстороннем соглашении на 2023–2025 гг. стороны взяли на себя обязательства по разработке и реализации любых форм стимулирования наставничества (материальное поощрение, дополнительный отпуск и др.).

В региональном соглашении между Правительством Республики Бурятия, союзами работодателей Республики Бурятия и объединением организаций профсоюзов Республики Бурятия на 2024–2026 годы содержится обязательство работодателей не только подготавливать предложения по разработке программ обучения учащихся профессиональных образовательных организаций с учетом профиля и специализации конкретной организации, но и «обеспечить участие ведущих специалистов организаций на всех этапах учебного процесса».

В Московском областном трехстороннем соглашении на 2024–2026 гг. предусмотрено, что работодатели участвуют в организации дуального обучения обучающихся профессиональных образовательных организаций Московской области на производстве, с использованием современной технологической базы предприятий.

Наиболее подробно, на наш взгляд, вопросы развития кадрового потенциала проработаны в региональном соглашении, заключенном на 2024–2026 годы в Челябинской области.

Среди обязательств правительства Челябинской области хотелось бы выделить следующие:

- обеспечение работоспособности информационной системы прогнозирования и планирования кадровой обеспеченности Челябинской области;

— предоставление грантов в форме субсидий из областного бюджета на оказание государственной поддержки развитию образовательно-производственных центров (кластеров) на основе интеграции образовательных организаций для средних и малых городов Челябинской области на конкурсной основе;

— создание «единого окна» по развитию производственного наставничества в Челябинской области;

— создание единой цифровой платформы для размещения актуальной информации о местах практики и трудоустройства у работодателей и обеспечение возможности доступа всех работодателей к участию в такой платформе. Работодатели в свою очередь взяли на себя обязательство регулярно размещать на ней необходимую информацию;

— увеличение количества губернаторских инженерных классов до 200 на основе конкурсного отбора общеобразовательных организаций в соответствии с Концепцией формирования развития инженерной культуры обучающихся Челябинской области.

Профсоюзы взяли на себя обязательство создавать профсоюзные организации в профессиональных образовательных организациях, обеспечивая взаимодействие с профильными (отраслевыми) организациями профсоюзов, а также совместно с работодателями осуществлять контроль системы наставничества в отношении обучающихся, проходящих практико-ориентированное обучение или производственную практику в организациях.

Интересной особенностью рассматриваемого регионального соглашения являются положения о создании в регионе официального единого центра промышленного туризма (в форме цифровой платформы) для продвижения промышленного туризма в Челябинской области на региональном и федеральном уровнях, а также о подготовке кадров по на-

правлению «Организация промышленного туризма». Соглашение, в частности, предусматривает реализацию в официальном едином центре промышленного туризма функционала онлайн-записи на производственно-технические экскурсии в организации Челябинской области и доступность использования такого функционала для организаций, имеющих технологическую карту производственной экскурсии, а также регламент письменного инструктажа безопасности.

В заключение следует отметить, что квалифицированные кадры определяются не только «hard skills» — профессиональными навыками, но и «soft skills» — универсальными навыками. К последним относятся, в числе прочих, эмоциональный интеллект и эмоциональное здоровье. К сожалению, в настоящее время этот аспект недостаточно проработан в региональных актах социального партнерства, но есть и примеры пилотных проектов в этом направлении — например, в региональное трехстороннее соглашение, заключенное на 2024–2026 гг. в Алтайском крае, включены обязательства работодателей «создавать условия для занятий физкультурой, спортом, художественной самодеятельностью, для реализации творческого потенциала молодежи, стимулирования инновационной деятельности, проводить конкурсы профессионального мастерства среди молодых рабочих и специалистов», а также «осуществлять моральное и материальное поощрение молодых работников, совмещающих производственную деятельность и активную общественную работу».

Консолидированные усилия социальных партнеров по развитию soft skills — это, на наш взгляд, весьма перспективное направление развития кадрового потенциала в любом регионе, поскольку они создают условия для развития метакомпетенций работников — решающего фактора конкурентоспособности кадров в современном мире.

Список использованных источников

1. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. — 6-е изд., изм. и доп. — Москва: Норма, 2007. — 784 с.
2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (29 февраля 2024 года). — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения: 20.03.2024).
3. Костенькова, Т.А. Кадровый потенциал региона: сущность и основные факторы формирования // Экономика труда. — 2019. — Т. 6, № 3. — С. 1149–1158.

THE ROLE OF REGIONAL TRILATERAL AGREEMENTS
IN DEVELOPMENT HUMAN RESOURCES POTENTIAL
OF THE ECONOMY

Tatarnikova S. N.

*Academy of Labor and Social Relations,
Moscow, Russia*

Abstract. The development of human resources is considered in the article as a key factor in the rapid development of the economic basis of the welfare state in Russia. The author analyzes the content of legal acts of social partnership — regional tripartite agreements — and their role in addressing specific issues of developing the human resources potential of the economy.

Key words: welfare state; social partnership; human resources; regional tripartite agreements.

УДК 342.72/73

**ВЕЧНЫЕ ИСТИНЫ:
РЕПРОДУКТИВНОЕ ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА
В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ**

Посадкова М. В.

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры медицинского права,
Первый Московский государственный медицинский
университет имени И. М. Сеченова
(Сеченовский университет),
руководитель правовой службы Благотворительного Фонда
помощи детям и взрослым с нарушениями иммунитета
«ПОДСОЛНУХ», член Экспертного совета
по редким (орфанным) заболеваниям
при Комитете по охране здоровья Государственной Думы
Российской Федерации, г. Москва, Россия;*

Гавриленко Д. В.

*аспирант кафедры конституционного
и муниципального права, МГУ им. М. В. Ломоносова,
старший юрист Благотворительного Фонда
помощи детям и взрослым с нарушениями иммунитета
«ПОДСОЛНУХ», г. Москва, Россия*

Аннотация. В статье авторы обосновывают конституционную природу репродуктивного здоровья как ядра и основополагающей части репродуктивных прав. Репродуктивное здоровье, согласно авторскому видению, является конституционной ценностью, которая должна рассматриваться в системной взаимосвязи с иными положениями Основного закона, в особенности ориенти-

рованными на благополучие семейных отношений. Признание высокой социальной значимости репродуктивного здоровья и его взаимосвязи с конституционными ценностями и правами предполагает конституционную защиту данной ценности, а также реализацию государством комплекса необходимых мер, направленных на ее обеспечение. Авторы анализируют актуальное состояние законодательного регулирования сферы репродуктивного здоровья и указывают перспективные направления его совершенствования, включая имплементацию указанного понятия в правовые позиции Конституционного Суда РФ.

Ключевые слова: *репродуктивное здоровье; конституционные ценности; репродуктивные права; право на охрану здоровья и медицинскую помощь; конституционная защита; вспомогательные репродуктивные технологии.*

*Репродуктивное здоровье:
понятие и конституционная природа*

В ряду «вечных» конституционных идеалов и истин особое место принадлежит тем ценностям, которые напрямую связаны с самой жизнью человека [1]. Именно в этом русле можно рассматривать и вопрос о репродуктивных правах человека.

Репродуктивное здоровье — часть общего состояния организма, характеризующая репродуктивную систему человека, качество ее функционирования. Репродуктивное здоровье изучают главным образом естественно-научные дисциплины (биология, медицина и др.), однако и в сфере права необходимо иметь четкое представление о том, что собой представляет репродуктивное здоровье как объект защиты и какие именно теоретические и практические выводы сле-

дуют из его понимания, складывающегося на определенных этапах развития фундаментального научного знания.

Согласно Программе действий, принятой на Международной конференции Организации Объединенных Наций по народонаселению и развитию (МКНР) в 1994 году, «репродуктивное здоровье — это состояние полного физического, умственного и социального благополучия, а не просто отсутствие болезней или недугов во всех вопросах, касающихся репродуктивной системы и ее функций и процессов. Поэтому репродуктивное здоровье подразумевает, что у людей есть возможность иметь доставляющую удовлетворение и безопасную половую жизнь и что у них есть возможность воспроизводить себя, и что они вольны принимать решение о том, делать ли это, когда делать и как часто»¹.

Признание репродуктивного здоровья как важнейшей ценности² подразумевает наличие целого ряда возможностей для человека — репродуктивных прав. Несмотря на различные позиции в понимании содержания и специфики репродуктивных прав, репродуктивное здоровье, безусловно, является их неотъемлемой составляющей.

Основными способами поддержания репродуктивного здоровья для мужчин и женщин являются: регулярные профилактические медицинские осмотры профильными специалистами (врачами-гинекологами и урологами), кото-

¹ Программа действий Международной конференции по народонаселению и развитию, принята 5–13 сентября 1994, Каир, Египет, А/СОН.№F.171/13/rev.1 (1994).

² Подробнее см. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.2013 № 30-П «По делу о проверке конституционности статей 4, 5 и пункта 5 статьи 14 Федерального закона "О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» в связи с запросами Правительства Волгоградской области и Правительства Сахалинской области» // СПС «Консультант-Плюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 № 880-О // СПС «КонсультантПлюс».

рые доступны за счет средств обязательного медицинского страхования¹; прохождение диспансеризации по оценке репродуктивного здоровья², которая с 2024 года также осуществляется бесплатно; возможность получения информации о репродуктивном здоровье, репродуктивных правах и планировании семьи³. В рамках профилактического медицинского осмотра женщины имеют право на сдачу анализа на вирус папилломы человека, цитологическое исследование мазка (соскоба) и маммографию, а при наличии показаний пациенты могут быть направлены на бимануальное исследование и ультразвуковое исследование (УЗИ) органов малого таза⁴.

Вспомогательными способами поддержания репродуктивного здоровья являются преконцепционный скрининг (скрининг носителей) [2], экстракорпоральное оплодотворение с последующей пересадкой эмбриона в полость матки (далее — ЭКО)⁵, преимплантационная диагности-

¹ Постановление Правительства РФ от 28.12.2023 № 2353 (ред. от 23.03.2024) «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» // СПС «Консультант-Плюс».

² Постановление Правительства РФ от 28.12.2023 № 2353 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» // СПС «Консультант-Плюс».

³ См. ст. 51 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

⁴ Приказ Минздрава России от 20.10.2020 № 1130-н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология» (зарегистрировано в Минюсте России 12.11.2020 № 60869).

⁵ См. ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

ка¹, пренатальная диагностика², интроцитоплазматическая инъекция сперматозоида в цитоплазму яйцеклетки (далее — ИКСИ)³, использование суррогатного материнства⁴, донорских половых клеток⁵.

Конституция РФ не предусматривает прямого закрепления права на репродуктивное здоровье. Однако в науке конституционного права на протяжении нескольких лет ведется дискуссия о появлении новых основных прав человека, которые инициировал социальный и научно-технический прогресс, в том числе в области медицины и генетики. Такие права на территории России до сих пор прямо не провозглашены в актах конституционного права, но признаны в текущем законодательстве и/или в судебной практике. Некоторые ученые обосновывают позицию о том, что указанные права являются производными от конституционных прав. Таких выводов придерживаются,

¹ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 803 н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // СПС «Консультант-Плюс».

² Постановление Правительства РФ от 28.12.2023 № 2353 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» // СПС «Консультант-Плюс».

³ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 803 н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // СПС «Консультант-Плюс».

⁴ Ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

⁵ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 803 н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // СПС «Консультант-Плюс».

например, П. Д. Блохин, Ю. В. Павлова, Н. О. Мартиросян, А. Г. Румянцев.

Выражая солидарность с вышеназванной позицией, полагаем, что некоторые права, обладающие комплексным характером, требуют признания за ними конституционной природы и самостоятельного выделения в актах конституционного права. В ином случае они рискуют быть рассмотренными исключительно в качестве притязаний отдельных индивидов и не могут быть обеспечены максимальным уровнем защиты. Охрана репродуктивного здоровья требует такого признания.

Репродуктивное здоровье как конституционно защищаемая ценность

В связи с консервативным поворотом в политическом дискурсе вопросы брачно-репродуктивного поведения граждан требуют особого внимания в аспекте конституционно-правовой защиты прав человека.

Исключение ряда прав из конституционно защищаемых («первичное балансирование») возможно только в случаях, когда можно с уверенностью констатировать, что данные права не имеют общественной значимости либо являются несовместимыми с конституционно охраняемыми ценностями [3].

При этом конституционные ценности могут не иметь прямого текстуального конституционного оформления, а их конституционное признание и значение коренятся в глубинном содержании и системно-семантических взаимосвязях нормативных положений конституции [4, с. 15].

Авторы полагают, что вся совокупность репродуктивных прав может быть отнесена к конституционно защищаемым ценностям, исходя из этого репродуктивное здоровье как

неотъемлемая составляющая данных прав также подлежит более строгой защите и предполагает осуществление мер государственной поддержки для его реализации.

Конституционный Суд РФ указывал, что «значимым средством обеспечения интересов семьи, материнства, отцовства, детства, как и конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь, являются в настоящее время вспомогательные репродуктивные технологии», включая и суррогатное материнство¹. Следовательно, право на вспомогательные репродуктивные технологии (далее также — ВРТ) является не только совместимым с конституционно охраняемыми ценностями, но и в ряде случаев выступает необходимым условием для реализации отдельных прав.

Безусловную социальную значимость имеет и право на контрацепцию. Так, Клаудия Голдин, получившая Нобелевскую премию в области экономических наук в 2023 году «за улучшение <...> понимания результатов женщин на рынке труда», в совместном со своим супругом исследовании в 2002 году доказала, что распространение оральных контрацептивов повлияло, во-первых, на увеличение возраста вступления в первый брак, так как женщины смогли планировать свою беременность и больше не были вынуждены соотносить возраст вступления в брак с возрастом начала половой жизни и незапланированной беременности. Увеличение возраста вступления в брак, по мнению исследовательницы, оказало влияние на снижение количества разводов, так как более позднее вступление в брак позволяло сделать осознанный выбор. Во-вторых, оральные контрацептивы позволили женщинам с меньшими издержками инвестировать в карьеру. Данный факт повлиял на увеличение

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 № 880-О // СПС «Консультант-Плюс».

количества обучающихся женщин в высших учебных заведениях, в том числе на юридических факультетах, которые предполагают весьма продолжительный учебный процесс, а также увеличение количества женщин, успешно завершивших обучение и вышедших на рынок труда. Таким образом, социальная ценность права на контрацепцию заключается в расширении спектра возможностей для женщин в контексте получения профессионального образования, построения карьеры и вступлении в более крепкий брак.

Немаловажную социальную ценность имеет и право на получение информации о репродуктивном здоровье, репродуктивных правах, планировании семьи и контрацепции. Данная информация часто включается в понятие «половое воспитание». В исследовании Академии безопасности Ольги Бочковой и Консорциума женских НПО половое воспитание трактуется как «вопросы об устройстве тела, половых органах, взрослении, о том, как появляются дети, репродуктивном здоровье, эмоциональных отношениях с половым партнером, репродуктивных правах и ответственности, противозачаточных средствах и других аспектах сексуального поведения человека». Исследователи указали, что люди, у которых в детстве присутствовало половое воспитание, реже сталкивались с угрозой или фактом сексуализированного насилия. Вместе с тем девочки, которые получали соответствующее половое воспитание, с большей вероятностью в ситуации угрозы насилия смогли его избежать. Следовательно, получение вышеуказанной информации позволяет избежать или успешно противодействовать насилию.

Таким образом, так как репродуктивные права, а, следовательно, и репродуктивное здоровье имеют высокую социальную ценность, выступают необходимым условием реализации закрепленных в Конституции РФ прав и совме-

стимы с конституционными ценностями, можно говорить о том, что они являются конституционно защищаемыми. В связи с этим имеет смысл определить место репродуктивного здоровья в системе конституционных ценностей.

Ценности представляют собой желаемые, выходящие за рамки конкретных ситуаций цели, отличающиеся друг от друга по значимости и являющиеся руководящими принципами в жизни людей. Ценности также выступают стандартами, с которыми человек соотносит реальное положение вещей.

В современной России наличие системы конституционных ценностей оформлено в ст. 2 Конституции. В 2020 году в связи с принятием Закона Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ (далее — Закон о поправке¹). В рамках этой системы получили закрепление традиционные семейные ценности. Помимо закрепления в Конституции обязательства Правительства РФ обеспечить проведение политики по поддержке, укреплению и защите семьи, сохранению традиционных семейных ценностей (ст. 114), Закон о поправке привнес и иные немаловажные новации в область семейных отношений. Так, Конституция РФ пополнилась статьей 67¹, которая закрепляет особый приоритет детей в государственной политике России и обязательства государства по созданию условий для их всестороннего развития, а также приоритет семейного воспитания детей, который ранее находил отражение только на уровне Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ). Защита семьи, материнства, отцовства и детства теперь отражена не только в ст. 7 (Основы конституционного строя) и ст. 38 (Права и свободы человека и гражданина) Консти-

¹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС «Консультант-Плюс».

туции РФ, но и в отдельном пункте «ж¹» части 1 ст. 72 Конституции РФ, которая была дополнена положением о необходимости защиты института брака как союза мужчины и женщины, что также ранее существовало только на уровне СК РФ.

Сегодня основополагающим в понимании ценности репродуктивного здоровья выступает его соотношение с иными положениями Конституции РФ, регулирующими семейные отношения, что позволяет рассматривать их в системной взаимосвязи. Основной закон закрепляет государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства (ч. 2 ст. 7 Конституции РФ), государственную защиту материнства, детства и семьи (ч. 1 ст. 38 Конституции РФ), отнесение к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов вопросов защиты семьи, материнства, отцовства и детства, института брака как союза мужчины и женщины, создания условий для достойного воспитания детей в семье (п. «ж¹» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ), положение детей как ключевого приоритета государственной политики и создание условий для их всестороннего развития, приоритет семейного воспитания (ч. 4 ст. 67¹ Конституции РФ). Таким образом, Конституция РФ предусматривает, что семейными ценностями является брак как союз мужчины и женщины, в котором родители рожают и воспитывают детей, при создании им условий для всестороннего развития с учетом государственной поддержки и защиты на федеральном и региональном уровнях.

Однако в некоторых случаях зачатие и деторождение естественным путем не представляются возможными для человека. Согласно докладу Всемирной организации здравоохранения за 2023 год, бесплодием страдает около 17,5% взрослого населения (каждый шестой человек в мире). Для такой когорты населения создание семьи становится воз-

возможным с помощью применения дополнительных инструментов для поддержания репродуктивного здоровья.

Положения статей 7 и 38 Конституции РФ о государственной поддержке и защите материнства, отцовства и детства, по всей видимости, предполагают комплекс мер, направленных на поощрение рождаемости, а в силу принципа равноправия, закрепляемого ст. 19, речь должна идти о защите возможности рождения детей, имеющих генетические связи с родителями, как у здоровых людей, так и у тех, кто столкнулся с проблемой бесплодия, насколько это возможно на имеющемся уровне биотехнологического развития цивилизации.

Обобщая приведенные выше рассуждения, в качестве основных семейных ценностей, обладающих конституционной защитой, предлагаем рассматривать:

— возможность рождения детей как естественным путем, так и с использованием вспомогательных медицинских методов при развитии соответствующих медицинских технологий;

— охрану здоровья женщины;

— благополучие ребенка;

— медицинскую безопасность при заключении брака (осведомленность о болезнях, представляющих опасность для будущего ребенка и/или будущих супругов);

— возможность самостоятельно принимать решение о потомстве.

Таким образом, как было показано в предыдущей части работы, исходя из позиции, сформулированной Конституционным Судом РФ в Определении 15.05.2012 № 880-О, репродуктивное здоровье как неотъемлемая составляющая репродуктивных прав является конституционной ценностью.

В науке рассматривается сочетание негативного (притязание на свободу от вмешательств государства) и позитив-

ного (притязание на допуск к осуществлению государственной деятельности) статусов при реализации репродуктивных прав. Так, позитивные обязательства государства проявляются в создании материальных условий, обеспечении доступа и защиты для реализации репродуктивных прав. К негативным аспектам относятся воздержание государства от вторжения в частную жизнь [5, с. 223]. Данная позиция представляется обоснованной в связи с тем, что полноценная реализация любого права может потребовать активной деятельности государства, в том числе по созданию правовой базы защитных механизмов, контролю за их реализацией и применению санкций [6].

Несмотря на намерение законодателя закрепить понятия репродуктивного здоровья, до сих пор ни законодательство, ни акты конституционного права не предусматривают данных положений. Репродуктивное здоровье как конституционная ценность должно быть обеспечено со стороны государства максимальным уровнем защиты — именно конституционной защитой. Конституционная защита права служит средством ограничения вмешательства государственной власти в права человека, обеспечивает равенство перед законом и пропорциональную защиту от дискриминации. Полагаем, что наиболее действенным для этого способом является включение указанного термина в акты конституционного права (например, в решения Конституционного Суда Российской Федерации) с дальнейшей конкретизацией его содержательного наполнения законодателем.

Список использованных источников

1. Бондарь, Н. С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // *Государство и право*. — 2020. — № 6. — С. 20–34.

2. Посадкова, М. В. Будущее уже здесь: о конституционной природе репродуктивного права на рождение ребёнка с использованием вспомогательных технологий // Сравнительное конституционное обозрение. — 2022. — № 6 (151). — С. 72–94.
3. Блохин, П. Д. Методы конституционного правосудия. Опыт России, Германии и США. Москва: Проспект, 2024. — 267 с.
4. Бондарь, Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия / Серия «Библиотечка судебного конституционализма». — Вып. 2; 2-е изд. доп. — Москва: Юрист, 2014. — 184 с.
5. Баглай, М. В. Дорога к свободе. — Москва: Междунар. отношения, 1994. — 315 с.
6. Троицкая, А. А. Основные права: происхождение, юридическая природа и пределы защиты // Сравнительное конституционное обозрение. — 2013. — № 1 (92). — С. 65–81.

ETERNAL TRUTHS:
HUMAN REPRODUCTIVE HEALTH
IN THE SYSTEM OF CONSTITUTIONAL VALUES

Posadkova M. V.

*Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Medical Law, First Moscow State Medical University
named after I. M. Sechenov (Sechenov University),
Head of the Legal Service of the Charitable Foundation for Assistance to
Children and Adults with Immune Disorders “PODSOLNUKH”,
Member of the Expert Council on Rare (Orphan) Diseases under the
Health Protection Committee of the State Duma
of the Russian Federation, Moscow, Russia*

Gavrilenko D. V.

*Postgraduate student of the Department of Constitutional
and Municipal Law, Lomonosov Moscow State University,
Senior lawyer of the Charitable Foundation for Assistance to Children
and Adults with Immune Disorders “PODSOLNUKH”,
Moscow, Russia*

Abstract. In the article, the authors substantiate the constitutional nature of reproductive health as the core and fundamental part of reproductive rights. Reproductive health, according to the researchers, is a constitutional value that should be considered in a systemic relationship with other provisions of the Basic Law, in particular, those focused on the well-being of family relations. Recognizing the high social significance of reproductive health and its relationship with constitutional values and rights, it becomes obvious that there is a need to ensure increased constitutional protection of this value and implement public policy measures aimed at supporting it. The authors analyze the current state of legislative regulation of reproductive health and propose further ways to improve it, including through the implementation of the concept in the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Key words: reproductive health; constitutional values; reproductive rights; the right to health protection and medical care; constitutional protection; assisted reproductive technologies.

РАЗДЕЛ II

М.В. БАГЛАЙ:
РОЛЬ ЛИЧНОСТИ
В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ
ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УДК 342.72/.73

**ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ВЗГЛЯДЫ М. В. БАГЛАЯ,
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Семченков А. А.

аспирант по направлению 5.1.2

*«Публично-правовые (государственно-правовые) науки»,
младший научный сотрудник, юридический факультет,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. *Статья посвящена анализу идей М. В. Баглая и его вкладу в отечественную юридическую науку и практику. Автор статьи доказывает, что едва ли в конституционном праве есть вопросы, которые не были бы глубоко исследованы М. В. Баглаем. По мнению автора, научные интересы М. В. Баглая охватывали весьма широкий спектр правовых проблем, часто выходя за пределы отрасли государственного права. Рассматриваемые в данной работе основные аспекты теоретических воззрений М. В. Баглая, по мнению, автора статьи, демонстрируют стройную концепцию конституционного права, разработанную М. В. Баглаем и отчасти реализованную, в том числе, в период его работы в составе Конституционного Суда РФ.*

Ключевые слова: *М. В. Баглай; конституционное право; Конституционный Суд Российской Федерации; права и свободы гражданина.*

Если в различных научных изданиях, посвященных теории конституционного права и соответствующей правоприменительной практике, попытаться найти ссылки на высказанные М. В. Баглаем идеи, то результаты такого поиска не будут впечатляющими. С одной стороны, это может вызвать недоумение, но с другой — ценность воззрений этого выдающегося ученого заключается не в количественных показателях, а в их доктринальном научном качестве.

*1. О прецедентном (или о непрецедентном)
характере права в России*

М. В. Баглай был Председателем Конституционного Суда Российской Федерации (далее также — КС РФ) с 1997 до 2003 год, последний из которых знаменует первый десятилетний юбилей Конституции России.

В 2012 году В. Д. Зорькин [1, с. 1] выдвинул известный тезис: «... Применительно к решениям Конституционного Суда я бы предпочел говорить не о прецеденте в строго юридическом смысле слова (как об обязывающем прецеденте, являющемся источником права), а о прецедентном значении решений Конституционного Суда». Что же касается самого М. В. Баглая, то он в 2003 году в одном из своих интервью [2, с. 1] конкретизировал собственную оценку судебного прецедента сквозь призму деятельности ЕСПЧ: «... Есть один весьма интересный аспект, касающийся развивающегося прецедентного права, и он напрямую связан с Европейским судом по правам человека. Этот суд более 50 лет действует, накопил огромное количество судебных прецедентов, которые для нас — источник права, и мы иногда копаемся в этих старых архивных книгах и принимаем на вооружение эти решения, многие из которых, повторяю, были сформулированы очень давно. И здесь прецеденты защиты прав че-

ловека имеют для нас огромное значение, мы даже в какой-то степени заимствуем их».

В данном вопросе, бесспорно, важно мнение М. В. Баглая о судебном прецеденте в контексте института прав человека в России. Вместе с тем с известной осторожностью можно предположить, что, признавая прецедентность в вопросе прав человека, М. В. Баглай выступал за признание универсального характера этого регулятора общественных отношений.

2. О правах человека и влиянии решений КС РФ на жизнь граждан, об исполнении решений КС РФ

В процессе указанного интервью у М. В. Баглая интересовались также его мнением по вопросу исполнения решений КС РФ и их влияния на ситуацию с правами человека в России. М. В. Баглай следующим образом прокомментировал данную проблематику: «... Такой орган (прим. — по надзору за исполнением решений КС РФ) есть — это прокуратура. А для чего она существует? Прокуратура просто обязана в случае, если нарушается какое-нибудь нормативное положение, и тем более исходящее из решения Конституционного Суда, защитить человека, обратиться в суд с требованием, чтобы это было исправлено. Поэтому специально создавать какой-то новый орган нет никакого смысла. Прокуратура очень много делает в этом направлении. Могу привести вам сотни примеров».

Учитывая, что в современной науке ведется активная дискуссия по вопросу исполнения решений КС РФ и эффективной конституционной ответственности за уклонение от исполнения этих решений, мнение М. В. Баглая заслуживает внимания хотя бы потому, что оно ориентировано на уже имеющиеся правовые институты, а не склонно к генерированию новых публичных структур.

3. О международном опыте создания судебного права

В одном из самых известных своих трудов по конституционному праву зарубежных стран [3, с. 10] М.В. Баглай сформулировал следующий тезис: «... Опыт развитых государств подтверждает, что одна из особенностей современного конституционного права заключается в заметном усилении юрисдикционного контроля за реализацией конституционно-правовых норм. Уже в настоящее время во многих странах развитие конституционного права начинает выступать как один из результатов судебного правотворчества. Речь идет в данном случае о том, что нормативно-правовые тексты, включая и такой основополагающий акт, каковым является конституция любого государства, сами по себе еще недостаточны для обеспечения должного регулирования конституционно-правовых отношений. Функционирование системы юрисдикционного контроля, безусловно, необходимо, а это приводит к тому, что все больше внимания вопросам защиты основных прав и свобод уделяют суды общей юрисдикции. С этим же связано и то обстоятельство, что дальнейшее развитие в демократических странах получает конституционное судопроизводство, а решения, выносимые органами конституционного контроля, начинают занимать все большее место в общей системе норм конституционного права».

Ещё более акцентированно М.В. Баглай высказался об опыте США [3, с. 384]: «Судебная власть выполняет функцию противовеса возможным неконституционным актам и действиям законодательных и исполнительных органов. Одновременно она обеспечивает конституционную законность и защиту прав граждан. Суды не только применяют законы и правовые акты, но и фактически занимаются нормотворчеством».

4. О влиянии КС РФ на право России

За годы существования Конституционного Суда РФ накоплена значительная практика, определяющая правовые рамки избирательного процесса. В связи с этим небезызвестным представляется утверждение М.В. Баглая о том, что *«становится все труднее при принятии и применении избирательного законодательства находить и учитывать позиции Конституционного Суда РФ»* [4, с. 6].

В своем учебнике конституционного права России М.В. Баглай, по сути, формулирует отличную от советской юриспруденции парадигму признания судебного права и правотворчества [5, с. 40]: *«К числу источников конституционного права относятся постановления Конституционного Суда РФ, в которых устанавливается соответствие Конституции России федеральных законов, нормативных актов Президента, палат Федерального Собрания, Правительства РФ, конституций и уставов, законов и других нормативных актов субъектов Федерации, а кроме того, разрешаются споры о компетенции, дается толкование Конституции. Хотя с формальной точки зрения Конституционный Суд не относится к числу правотворческих органов, акты которого по юридической силе стояли бы выше актов парламента и Президента, по существу он таковым является. Существует презумпция конституционности каждого закона, но любые акты или их отдельные положения, признанные Судом неконституционными, утрачивают силу; не соответствующие Конституции международные договоры не подлежат введению в действие и применению.»*

Одновременно, хотя и более сдержанно, высказывается он о судебном праве [5, с. 650]: *«Принцип разделения властей важен также для того, чтобы взаимный контроль и сбалансированность полномочий не привели к присвоению*

полномочий судебной власти какой-либо другой властью. Судить не вправе ни органы законодательной, ни органы исполнительной власти. Со своей стороны судебная власть не должна заниматься нормотворчеством, подменяя законодательные органы, вмешиваться в прерогативы исполнительной власти. Вместе с тем судебная практика, безусловно, влияет на направление законодательной деятельности, а также исправляет многие ошибки органов исполнительной власти; более того, своим толкованием права в процессе его применения суды выявляют подлинное содержание правовых норм, часто отличное от первоначальных целей.»

5. Дискуссия о роли и сути решений КС РФ

М. В. Баглай обоснованно высказывает своё мнение и на данную тему [2, с. 1]: «Сначала оговориться надо, что позиция председателя Конституционного Суда по данному вопросу или по любому другому никакого значения не имеет. Имеет значение только решение Конституционного Суда, только оно <...> Правы ли заявители? Не знаю. Да и знал бы — не сказал. Это будет решать Конституционный Суд. Но могу заверить вас, что ответ на ваш вопрос в обозримом будущем будет дан. Ответ, как всегда, правильный».

Суммируя изложенное, нельзя не признать, что суждения М. В. Баглая о решениях КС РФ оказались во многом пророческими, поскольку современная практика создания и применения российского права немислима без правовых позиций КС РФ.

Список использованных источников

1. Зорькин, В. Д. Выступление Председателя КС РФ // Конституционный Суд и развитие гражданского права. — URL: <https://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=48>.

2. Баглай, М.В. К 10-летию Конституции Российской Федерации: защита конституционных прав и свобод граждан // Интернет-конференция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации Баглая Марата Викторовича «К 10-летию Конституции Российской Федерации: защита конституционных прав и свобод граждан». — URL: <https://www.garant.ru/interview/10154>.
3. Конституционное право зарубежных стран: учебник для вузов / под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. М. В. Баглая, д. ю. н., проф. Ю. И. Лейбо и д. ю. н., проф. Л. М. Энтина. — Москва: Норма, 2004. — 832 с.
4. Избирательное право и избирательный процесс в решениях Конституционного Суда Российской Федерации (1992–1999) / отв. ред. А. А. Вишняков. — Москва: Норма, 2000. — 717 с.
5. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов / М. В. Баглай. — 6-е изд., изм. и доп. — Москва: Норма, 2007. — 784 с.

LAW-MAKING FUNCTION THE CONSTITUTIONAL COURT
THE RUSSIAN FEDERATION: THE VIEWS OF M. V. BAGLAY,
HUMAN RIGHTS AND MODERNITY

Semchenkov A. A.

Postgraduate student

in the field 5.1.2 «Public Law (State Law) Sciences»,

Junior Researcher, Faculty of Law, St. Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of M. V. Baglay's ideas and his contribution to Russian legal science and practice. The author of the article proves that there are hardly any issues in constitutional

law that would not be deeply investigated by M. V. Baglay. According to the author, M. V. Baglay's research interests covered a very wide range of legal problems, often going beyond the branch of state law. The main aspects of M. V. Baglay's theoretical views considered in this work, in the opinion of the author of the article, demonstrate a coherent concept of constitutional law developed by M. V. Baglay. Baglay and partially implemented, including during his work as a member of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Key words: M. V. Baglay; constitutional law; Constitutional Court of the Russian Federation; civil rights and freedoms.

УДК 342.415, 340.14

**ТЕОРЕТИКО-КОНСТИТУЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ
М. В. БАГЛАЯ О СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ
И СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВАХ**

Крылов К. Д.

*доктор юридических наук,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
трудового и социального права;
научный руководитель юридического факультета,
Московский гуманитарный университет;
профессор кафедры трудового права
юридического факультета,
Академия труда и социальных отношений;
руководитель Центра научных исследований
Международного союза юристов, г. Москва, Россия*

Аннотация. *В статье отражены основные научные достижения члена-корреспондента Российской академии наук М. В. Баглая; показано их развитие в истории юридической науки; обобщены основные научные идеи о социальном государстве и социальных правах, разработанные М. В. Баглаем; обоснована целесообразность проведения научных мероприятий различного формата, связанных с изучением и применением на практике научно-методического наследия М. В. Баглая в сфере государственного строительства.*

Ключевые слова: *Баглай М. В.; социальное государство; социальные права; социальная деятельность; юридическая наука; трудовое право; конституционное правосудие.*

В истории отечественной правовой мысли, практической юриспруденции и юридического образования несомненно значительным научным вкладом стали концептуальные идеи члена-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Марата Викторовича Баглая. Его деятельность в течение долгого времени была непосредственно связана с юридической наукой, высшим профессиональным образованием, защитой социально-экономических и политических прав, развитием демократических основ государства и общества, укреплением законности и конституционного правосудия.

Высоким научно-практическим достижениям М. В. Баглая способствовала его плодотворная профессиональная деятельность в различных учреждениях — Институте права, Институте государства и права, Институте международного рабочего движения Академии наук, в Московском государственном институте международных отношений, в Высшей школе профсоюзного движения и Академии труда и социальных отношений, в Конституционном Суде Российской Федерации.

Участник разработки концептуальных основ Конституции СССР, РСФСР и других союзных республик 1977–1978 гг., а также их кардинальных изменений в 1988–1992 гг. М. В. Баглай принял непосредственное участие в работе над Конституцией Российской Федерации 1993 года; при активной поддержке руководства отечественных профсоюзов он внес и обосновал предложения о конституционном закреплении норм о социальном государстве и социальных правах человека в Основном законе страны. В дальнейшем, будучи избранным в 1995 году в Конституционный Суд Российской Федерации, а затем став его председателем на рубеже XX–XXI вв., М. В. Баглай принял личное участие в соединении теории и практики социально-правовых ори-

ентиров в конституционном развитии современной отечественной истории.

Идеи о социальном государстве и социальных правах М. В. Баглая, при всем их многообразии и широкой поддержке в мировой и отечественной юриспруденции, имеют ряд особенностей, которые они приобрели благодаря научному подходу, разработанному их автором, — в части обоснования состоятельности, практической реализации и дальнейшем их развитии в фундаментальных персональных научных трудах М. В. Баглая, а также его работах, выполненных в сотрудничестве с другими исследователями.

Прежде всего, это проявилось в эволюции теоретических воззрений М. В. Баглая на становление и развитие социального правового государства, теоретическое осмысление социальной функции государства, конституционного закрепления основных социальных прав, поддержки их на властном уровне, обществом, международными структурами и их институтами.

Формирование социальных политико-правовых взглядов М. В. Баглая в области юридической науки происходило в 1950–60 годы XX века; оно отталкивалось от изучения и анализа в рамках диссертационного исследования актуального зарубежного правового опыта, касавшегося правовых аспектов забастовочного движения в США, политических и юридических особенностей социальной деятельности империалистического государства [1; 2; 3]. М. В. Баглай обращает внимание на основные тенденции буржуазного трудового права и правового регулирования труда в капиталистических странах, правовые методы усиления эксплуатации трудящихся в странах капитала [4; 5]. Изучение капитализма и «социальной демократии» [6] приводит его к мысли о необходимости теоретической проработки социальных аспектов функционирования буржуазного государства и систе-

матизированному изложению для отечественного высшего юридического образования систематики государственного права буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости [7].

Теоретический анализ капитализма как концепции и закономерностей научно-технической революции в зарубежных странах М. В. Баглай объединяет с освещением деятельности профессиональных союзов, рассмотрением путей и способов борьбы рабочего класса и его организаций в капиталистических странах против монополии государственной машины принуждения, за насущные интересы трудящихся [8]. Одновременно ученый обращает внимание на роль профсоюзов освободившихся стран в борьбе за развитие [9]. Он проводит глубокий анализ взаимодействия коммунистического движения и профсоюзов в пространстве мирового революционного процесса, борьбы за укрепление и единство международного профсоюзного движения, обосновывая политико-правовой курс мира и единства [10; 11]. М. В. Баглай систематизирует прикладные аспекты международного рабочего и профсоюзного движения, включая историческую трансформацию методов и форм профсоюзного движения за рубежом с конца XVIII века до середины XX столетия [12; 13].

Особое внимание М. В. Баглай уделял исследованию и научному обоснованию концепции профсоюзного движения в СССР, как в части теоретических, так и практических сторон этого явления, рассматриваемого в исторической ретроспективе. В ряде своих работ ученый описал роль, функции и правовую основу советских профсоюзов, в том числе в последнее десятилетие их существования (в 1980-е годы); на богатом эмпирическом материале он проанализировал и обобщил политико-правовую природу профсоюзов в социалистическом обществе и, в целом, в рамках социалистиче-

ской модели общественного устройства [14; 15; 16]. Итогом этой научно-исследовательской работы стали публикации, посвященные вопросам взаимодействия правового государства и трудящихся в социалистическом государстве, а также профсоюзов и рыночных институтов в государстве развитой социальной ориентацией [17; 18].

Непосредственно участвуя в конституционном провозглашении дороги к освобождению гражданского общества России от оков партийной идеологии в 1990-е гг., М.В. Баглай описал эволюционный процесс развития идеи свободы в истории политической мысли [19], выступив соавтором учебной литературы по конституционному праву в период становления новой российской государственности [20; 21] и современному конституционному праву зарубежных стран [22; 23]. Занимая высокие посты в отечественной системе конституционного правосудия, он совместно с руководством конституционных судов других стран в 2000-е годы участвовал в разработке прикладных подходов к реализации конституционного судебного процесса, а также научной методологии его изучения [24].

В структуре конституционного права и его институтов М.В. Баглай выделял и исследовал с использованием методики сопоставительного анализа конституционно-правовую регламентацию деятельности высших должностных лиц состоявшихся и развивающихся демократий — в частности, института президента в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки, подробно описав их роль, механизм функционирования и полномочия [25].

В качестве выдающегося научного вклада М.В. Баглая в дело осмысления достижений современного права в новейшее время, очевидно, можно выделить свод историко-правовых комментариев к Конституции Российской Феде-

рации, подготовленный М. В. Баглаем и создание Энциклопедии конституционного права [26; 27].

Размышляя над особенностями конституционного строительства в российской истории, М. В. Баглай сочетал в своих трудах освещение прикладных и теоретических аспектов этого процесса применительно к его разворачиванию на платформе демократического, федеративного, правового, социального, светского государства, имеющего республиканскую форму правления, с доктринальным признанием социальной природы российского конституционного права. Предложенная М. В. Баглаем концепция социального государства сопрягается не только с канонами социальной политики, но и с социальной ориентированностью экономической политики, а также формами социального партнерства государства и общества, активно разрабатывавшимися, начиная с 1990-х гг., в Академии труда и социальных отношений группой ученых (правоведов, экономистов, социологов, философов) с ним во главе. В данной концепции получил отражение широкий спектр целей и функций социального государства, его конституционно обусловленных задач; были сформулированы важнейшие императивы такого государства — забота о социальной справедливости, благополучии граждан, их социальной защищенности; показаны социальные противоречия и недостатки, имевшие место как в капиталистических, так и в социалистических обществах; также было обращено внимание на необходимость устранения формализма в трактовке категорий «свободы» и «равенства» и создания условий достойной жизни граждан в подлинно демократическом государстве. Эта концепция ориентирует на правовое закрепление формулы «социально ориентированная рыночная экономика» и расширение номенклатуры обязанностей государства в перспективе.

В типологии прав и свобод человека и гражданина, выделяя по традиции экономические, социальные и культурные права, наиболее подробно исследованы такие конституционно закрепленные права, как право частной собственности; трудовые права и свободы; право на защиту материнства, детства и семьи; право на социальное обеспечение, жилище, охрану здоровья и медицинскую помощь; право на образование, свободу творчества и участие в культурной жизни.

Вместе с тем еще до вступления в силу Конституции РФ 1993 года, а также легитимации соответствующих государственных деклараций прав и свобод человека и гражданина в 1991 году, Учредительным съездом ФНПР в 1990 году была разработана и принята Декларация прав трудящихся, которая по-прежнему сохраняет свое научное-методическое и прикладное значение, поскольку в ней получили отражение значительно более широкие правовые ориентиры, заимствованные из мировой практики, причем в разработке этих ценностных установок гражданского общества принимал личное участие и сам М. В. Баглай, совместно с другими известными учеными-юристами [28, с. 20–32]. Этот документ, по сути, может служить основой для формирования обновленной системы социальных прав с учетом исторического опыта и перспектив развития современного законодательства, исходя из накопленных доктринальных познаний в области теории и истории государства и права, публично-правовых, частно-правовых и международно-правовых наук [29, с. 15–19].

Разностороннее научное наследие М. В. Баглая, а также правовые акты, принятые Конституционным Судом РФ в период работы в его составе М. В. Баглая, по нашему мнению, могли бы стать предметом детального изучения и продвижения баглаевских идей в формате научных чтений, конференций, круглых столов, дискуссионных площадок и

пр., организуемых совместно научными и учебными организациями, в которых М. В. Баглай долгое время трудился.

М. В. Баглай был удостоен высокой ученой степени, высшего педагогического звания, высшей юридической должности; ему был присвоен высшего квалификационный класс. Он возглавлял высшую судебную инстанцию страны — Конституционный Суд Российской Федерации именно тогда, когда на этом посту был востребован авторитетный правовед — профессионал в области конституционного, трудового, социального и международного права, имеющий заслуги, признанные государством и научным сообществом; поддерживаемый наиболее представительными общественными структурами, которыми являлись профсоюзы и в интересах которых он длительное время занимался подготовкой профессиональных кадров — дипломированных специалистов — в Высшей школе профсоюзного движения и в Академии труда и социальных отношений (в качестве первого проректора вуза).

М. В. Баглай не только продемонстрировал высокий уровень юридических знаний при подготовке Конституции РФ, но и глубокую осведомленность в массиве отечественного, зарубежного и международного правового опыта, а также компетентность в ряде других гуманитарных наук, включая дискурс, связанный с регламентацией социальной деятельности государства и основных институтов гражданского общества (что было особенно важно в турбулентный переходный период развития Российского государства и общества). Он напряженно работал над выработкой принципов социального согласия — над предотвращением забастовок и социальных конфликтов, разразившихся в кризисные 1990-е гг.; над поиском путей сплочения общества, государства и права; над направлениями реформирования гражданского общества в России.

Именно в середине 1990-х гг. России как никогда требовалось принятие программы социальных реформ в соответствии со взятыми на себя международными обязательствами, касавшимися участия в международном процессе демократизации, и необходимостью осуществлять конкретные шаги в этом направлении (не только со стороны органов законодательной и исполнительной власти, но и судебной системы).

Заслуги М. В. Баглая в научной, педагогической и практической (юридической) сферах получили высокую оценку государства. Ему были присвоены почетные звания заслуженного деятеля науки Российской Федерации и заслуженного юриста Российской Федерации, вручены государственные награды за активное участие в подготовке проекта Конституции Российской Федерации и большой личный вклад в развитие демократических основ Российского государства, включая укрепление законности и конституционного правосудия, многолетнюю добросовестную плодотворную работу в органах правосудия и учреждениях высшей школы.

Обращение к концепции социального государства, разработанной М. В. Баглаем, и его учению о социальных правах (основных его научно-теоретических разработках), обладает актуальностью и в наши дни; использование и развитие баглаевских идей и правовых конструктов, несомненно, будет способствовать решению многих острых проблем теоретического и прикладного порядка, стоящих перед российским гражданским обществом в настоящее время.

Список использованных источников

1. Баглай, М. В. *Правовые вопросы забастовочного движения в США: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Акад. наук СССР. Ин-т права им. А. Я. Вышинского. — Москва: [б. и.], 1957. — 16 с.*

2. Баглай, М. В. Законодательство США в борьбе с забастовочным движением / Акад. наук СССР. Ин-т государства и права. — Москва: Госюриздат, 1960. — 192 с.
3. Баглай, М. В. Социальная деятельность империалистического государства: политические и правовые аспекты: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Моск. гос. ин-т междунар. отношений. — Москва: [б. и.], 1967. — 37 с.
4. Баглай М. В. Правовые методы усиления эксплуатации трудящихся в странах капитала: основные тенденции современного буржуазного трудового права / М. В. Баглай, В. И. Усенин; Акад. наук СССР. Ин-т государства и права. — Москва: Наука, 1964. — 316 с.
5. Усенин, В. И. Правовое регулирование труда в капиталистических странах: учебное пособие для юридических институтов и факультетов / В. И. Усенин, М. В. Баглай. — Москва: Госюриздат, 1963. — 214 с.
6. Баглай, М. В. Капитализм и «социальная демократия»: теоретические вопросы развития социальной деятельности буржуазного государства. — Москва: Мысль, 1970. — 253 с.
7. Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости: учебник для вузов по спец. «Правоведение» / М. В. Баглай, В. Н. Даниленко, И. П. Ильинский и др.; под ред. И. П. Ильинского, М. А. Крутоголова. — Москва: Юридическая литература, 1979. — 455 с.
8. Баглай, М. В. Капитализм, научно-техническая революция, профсоюзы (борьба рабочего класса и профсоюзов капиталистических стран против монополий, за жизненные интересы трудящихся). — Москва: Профиздат, 1973. — 103 с.
9. Баглай, М. В. Профсоюзы освободившихся стран: борьба за развитие. — Москва: Профиздат, 1988. — 104 с.
10. Коммунисты и профсоюзы: борьба революционного авангарда за укрепление и единство международного профсоюзного дви-

- жения / Баглай М. В., Адибеков Г. М., Аркадакский Ю. А. и др.; под общ. ред. проф. М. В. Баглая; Ин-т междунар. раб. движения АН СССР. — Москва: Профиздат, 1977. — 335 с.
11. Баглай, М. В. Курсом мира и единства / М. В. Баглай, Г. А. Николаев, В. Е. Сергеев, В. Е. Можжев. — Москва: Профиздат, 1982. — 175 с.
 12. Баглай, М. В. Международное рабочее и профсоюзное движение на современном этапе / Библиотечка профсоюзного активиста. — Москва: Профиздат, 1979. — 96 с.
 13. История профсоюзного движения за рубежом, конец XVIII в. — 1945 г.: учебное пособие / подгот. М. В. Баглай и др. — Москва: Профиздат, 1990. — 319 с.
 14. Баглай, М. В. Профсоюзы в политической системе социализма. — Москва: Юридическая литература, 1984. — 127 с.
 15. Баглай, М. В. Советские профсоюзы: роль, функции, права. — Москва: Прогресс, 1986. — 368 с.
 16. Баглай, М. В. Профсоюзы в социалистическом обществе. — Москва: Прогресс, 1987. — 191 с.
 17. Баглай, М. В. Социализм, правовое государство, трудящиеся. — Москва: Профиздат, 1990. — 90 с.
 18. Баглай, М. В. Профсоюзы и рынок в социальном государстве / М. В. Баглай, Ю. Н. Попов. — Москва: Академия труда и социальных отношений; Информационно-аналитический центр профсоюзов, 1995. — 44 с.
 19. Баглай, М. В. Дорога к свободе: идея свободы в истории политической мысли. — Москва: Международные отношения, 1994. — 319 с.
 20. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для юридических вузов и факультетов / М. В. Баглай, Б. Н. Габричидзе. — Москва: Издательская группа «ИНФРА-М»: Кодекс, 1996. — 510 с.
 21. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник / 13-е изд., изм. и доп. — Москва: Норма: Инфра-М, 2018. — 767 с.

22. Баглай, М. В. Конституционное право зарубежных стран: учебник для вузов. — Москва: Норма, 2004. — 832 с.
23. Конституционное право зарубежных стран: учебник / Баглай М. В. [и др.]; под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо и Л. М. Энтина; Московский гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России; 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2016. — 975 с.
24. Баглай, М. В. Конституционное правосудие в Российской Федерации. — Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 1999. — 115 с.
25. Баглай, М. В. Президенты Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки: роль, порядок выборов, полномочия. — Москва: Норма, 2008. — 143 с.
26. Баглай, М. В. Малая энциклопедия конституционного права / М. В. Баглай, В. А. Туманов. — Москва: БЕК, 1998. — 505 с.
27. Арутюнян, Г. Г. Конституционное право: А-Я: энциклопедический словарь / Г. Г. Арутюнян, М. В. Баглай. — Москва: Норма, 2006. — 543 с.
28. Крылов, К. Д. Концепты прав человека и их структурная трансформация в сфере труда и развитии профсоюзного движения // Современное трудовое право: от теории к практике: (Смирновские чтения): сборник научных докладов III Международной научно-практической конференции / Акад. труда и соц. отношений, юрид. фак. — Москва: АТиСО, 2021. — 266 с.
29. Крылов, К. Д. Трансформация правового потенциала противодействия мировым угрозам и формирование новых мер реагирования на кризисные ситуации // Социальная справедливость и право: к упрочению мира и предотвращению кризисов: сборник материалов Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т. А. Сошникова. — Москва: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2023. — 356 с.

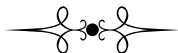
M. V. BAGLAY'S THEORETICAL AND CONSTITUTIONAL
CONCEPT OF A SOCIAL STATE AND SOCIAL RIGHTS

Krylov K. D.

*Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History
of State and Law, Labor and Social Law;
Scientific Director of the Faculty of Law,
Moscow University for the Humanities;
Professor of the Department of Labor Law at the Faculty of Law,
Academy of Labor and Social Relations;
Head of the Scientific Research Center
The International Union of Lawyers, Moscow, Russia*

Abstract. The article reflects the main scientific achievements of corresponding member of the Russian Academy of Sciences M. V. Baglay; shows their development in the history of legal science; summarizes the main scientific ideas about the welfare state and social rights developed by M. V. Baglay; substantiates the expediency of scientific events of various formats related to the study and practical application of the scientific and methodological heritage of M. V. Baglay. V. Baglaya in the field of state construction.

Key words: Baglay M. V.; social state; social rights; social activity; legal science; labor law; constitutional justice.

УДК 34.241

РОЛЬ М. В. БАГЛАЯ В РАЗВИТИИ НАУКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Сучилин А. С.

кандидат юридических наук, доцент,
Академия труда и социальных отношений,
г. Москва, Россия

Аннотация. *Статья раскрывает вклад М. В. Баглая как выдающегося ученого-конституционалиста в становление и развитие российской школы изучения конституционного права. Автор анализирует позицию известного правоведа по различным актуальным вопросам государственного строительства (о значении Конституции как основы формирования гражданского общества и демократического правового государства), о прямом действии конституционных норм, о роли Конституции в федеративной модели государства. Особое внимание в статье уделяется этапам развития конституционного права и соответствующей судебной практики в России; в том числе, дается характеристика существующей системы российских органов государственной власти, порядку пересмотра действующей Конституции и внесении в нее поправок с учетом позиций на этот счет известных отечественных юристов — специалистов в сфере конституционного права. Отдельное внимание уделено научно-методическому подходу М. В. Баглая к методике преподавания курса конституционного права России, что имеет принципиально важное значение в эпоху реформирования высшей школы в нашей стране, а также изменению концепции академической подготовки юристов.*

Ключевые слова: М. В. Баглай; Конституция Российской Федерации; конституционное право; государственная власть.

Марат Викторович Баглай — один из наиболее авторитетных исследователей конституционного права (как отечественного, так и зарубежного). Не случайно его учебник для вузов «Конституционное право России» выдержал 16 переизданий! Его перу принадлежат и многие другие труды (монографии, учебные пособия, научные статьи) в данной предметной области.

В своих научных и учебно-методических работах М. В. Баглай подробно исследовал природу российского конституционного права, систематику его институтов, которая сформировалась и получила мощный импульс к развитию после принятия в 1993 году Конституции РФ. М. В. Баглай анализировал новые федеральные законы, регулирующие права и свободы граждан; препарировал механизм государственной власти.

Отличительной чертой учебных изданий, увидевших свет под редакцией М. В. Баглая, является установка на формирование углубленного теоретического знания по всем вопросам конституционного права, а также тщательный разбор судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации (КС РФ).

Как известно, конституционное право — системообразующая отрасль права, она гораздо более часто и явно (нежели другие отрасли права) соприкасается с реальными итогами функционирования демократических механизмов и властного аппарата. Именно это обстоятельство порождает столь острую борьбу различных политических сил и групп вокруг Основного закона государства, прочих правовых актов, судебных решений и иных нормоустановлений, составляющих источниковую базу конституцион-

ного права. Разобраться в перипетиях взаимоотношений противоборствующих сил — значит, понять, каким политическим курсом движется страна и насколько при этом обеспечивается защита прав и свобод ее граждан. Осознать всю глубину данной проблематики невозможно без обширных познаний в области теории и истории конституционного права России. Очевидно исходя из этого М. В. Баглай в своих трудах излагал учебный материал и научную методологию исключительно в тесной связи с политическими реалиями времени. Именно поэтому его публикации достаточно легко воспринимаются читательской аудиторией с различным уровнем юридических познаний.

М. В. Баглай совершенно справедливо пришел к выводу о необходимости вести преподавание курса конституционного права России с учетом двух важных факторов:

— Во-первых, в связи с коренным изменением характера и природы конституционного права, по его мнению, на первый план должна выдвигаться регламентация прав и свобод человека, а, следовательно, изложение этих прав и свобод должно осуществляться не обобщенно, а конкретно, то есть с развернутой характеристикой каждого типа индивидуального права. Такой подход, помимо очевидного прагматизма, призван показать, что механизм государства при всей его важности всё же играет второстепенную роль, ибо его главное предназначение — охрана прав и свобод граждан [1, с. 12–13].

— Во-вторых, курс конституционного права должен учить не только общим категориям и понятиям конституционного права, но и самому этому праву. В связи с этим весьма важными представляются основы теории конституционного права, и как науки, и как отрасли права.

Большинство современных российских ученых — специалистов в области конституционного права характеризуют конституционное право как совокупность

правовых норм, охраняющих основные права и свободы человека и одновременно определяющих модель системы органов государственной власти. Главное назначение конституционного права как отрасли права — установление баланса власти с правами и свободами человека и гражданина.

Необходимо заметить, что именно с конституционного права начинается формирование всей системы национального права, всех его отраслей, что говорит о систематизирующей роли конституционного права. Ни одна отрасль права любой страны не может полноценно развиваться, если она не находит опоры в конституционном праве. Особенно интересной в этом смысле представляется точка зрения М.В. Баглая на социальную природу российского конституционного права. В частности, он отмечал, что сущность природы конституционного права, как и всего российского права в целом, состоит в социальном плюрализме, то есть в возможности для всех классов и слоев общества в равной мере участвовать в формировании органов государственной власти и влиять на политику государства [2, с. 22]. Это влияние оказывается с помощью конституционно-правовых институтов, а также через средства массовой информации, реализацию политических прав, различные общественные объединения и организации. Конституционное право предусматривает и права объединений граждан, создавая тем самым условия для непрерывного общественного контроля за деятельностью государственных органов, что в случае их демократического избрания должно в принципе исключить возможность использования власти лишь в корыстных интересах отдельных социальных групп. Этим качеством социальный плюрализм и отличается от классового подхода к пониманию сущности государства и права.

Понимание социальной природы конституционного права в полной мере, на наш взгляд, соответствует как теории правового государства, так и общепризнанным принципам демократии и народовластия. Только народ может выступать источником власти, именно на этом принципе должно основываться конституционное право любого демократического государства [3, с. 23].

Конституционное право, как любая отрасль права и как наука, прошли в своем развитии определенные этапы. М. В. Баглай выделял ряд исторических вех эволюции конституционного права России (и науки о нем).

Так, в XX веке в России сменилось два типа конституционного права: 1) дореволюционное конституционное (государственное) право, которое отражало переход страны, от абсолютной к конституционной монархии (1905 — февраль 1917 г.), а затем и к парламентской республике (февраль–октябрь 1917 г.); 2) тоталитарное конституционное (государственное) право, которое зародилось сразу после Октябрьской социалистической революции 1917 года и завершило свою историю во второй половине 1980-х годов, в период перестройки.

В настоящее время в России формируется новый этап конституционного права, характеризующийся переходом общества и государства к демократии, учреждающий правовое государство с признанием высшей ценностью прав и свобод человека и гражданина. Данный этап начался с принятия Конституции Российской Федерации на Всенародном референдуме 12 декабря 1993 года, ознаменовался коренным обновлением всех институтов конституционного права России.

Демократическое конституционное право России отличается сложными отношениями между различными политическими группами и силами и должно обеспечивать

как устойчивость структуры власти, так и свободу для оппозиции. На этом этапе развития конституционного права институт гражданских прав приобретает ключевое значение.

М.В. Баглай одним из первых российских правоведов-конституционалистов не только разделил развитие конституционного права на этапы, но и дал подробную характеристику каждому из них [4, с. 50–77].

А определение понятия «конституция», которое сформулировал М.В. Баглай, по сей день считается классическим в рамках научной школы российского конституционализма: «Под Конституцией понимают основной закон государства, имеющий высшую юридическую силу. Этот закон закрепляет основные принципы государственного строя, высшие правовые гарантии прав и свобод человека и гражданина, а также структуру и взаимоотношения органов государственной власти и управления (форму правления). Конституция очерчивает круг функций государства, устанавливает основы его отношений с государством и обществом» [5, с. 82].

Из этого следует, что, во-первых, Конституция есть основной закон, обладающий особыми гарантиями стабильности. Он может быть пересмотрен только в особом, предусмотренном самой Конституцией, порядке. Следовательно, любая попытка пересмотра или новация Конституции в нарушение или в обход установленного действующей Конституцией порядка есть узурпация власти, влекущая установленные законом правовые последствия. Во-вторых, Конституция есть закон, который в известном смысле учреждает государство, систему его органов управления (включая порядок их формирования и сферу компетенций), а также определяет характер взаимоотношений органов государственной власти и органов местного самоуправления. В-третьих, Конституция есть

закон, формирующий и обеспечивающий политическое единство народа. В-четвертых, Конституция выступает основным способом формализации государственного строя путем закрепления его фундаментальных основ. Она определяет основные ценности государства и общества и порядок их государственной защиты. В-пятых Конституция есть закон, устанавливающий пределы государственной власти посредством закрепления прав человека и гражданина и возложения коррелирующих с этими правами обязанностей на государство, а также пределы индивидуальной автономии личности в меру их взаимной ответственности. В-шестых, Конституция есть способ закрепления и выражения высших правовых норм и поэтому является так называемой абсолютной нормой, которой не могут противоречить любые правовые акты, действующие в государстве.

Все эти отличительные черты Конституции Российской Федерации были подробно проанализированы М. В. Баглаем в его работах, безусловно являющихся ценнейшим наследием отечественной юридической литературы, подлинным фундаментом науки российского конституционного права, и уже поэтому они еще долгое время будут оставаться актуальными и востребованными как в отечественном правовом поле, так и в российской системе юридического образования.

Список использованных источников

1. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации. — Москва: НОРМА, 2021. — 815 с.
2. Петров, А. В. Двадцать лет действующей Конституции Российской Федерации / А. В. Петров, М. К. Горбатова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2014. — № 1. — С. 351–355.

3. Баглай, М.В. Конституционализм и политическая система в современной России // Журнал российского права. — 2003. — № 11. — С. 2-7.

THE ROLE OF M. V. BAGLAY IN THE DEVELOPMENT
OF SCIENCE CONSTITUTIONAL LAW

Suchilin A. S.

*Candidate of Law, Associate Professor,
Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia*

Abstract. The article reveals M. Baglay's contribution as an outstanding constitutional scholar to the formation and development of the Russian school of constitutional law studies. The author analyzes the position of a well-known jurist on various topical issues of state building (on the importance of the Constitution as the basis for the formation of civil society and a democratic rule of law), on the direct effect of constitutional norms, on the role of the Constitution in the federal model of the state. The article pays special attention to the stages of development of constitutional law and relevant judicial practice in Russia; in particular, it describes the existing system of Russian public authorities, the procedure for revising the current Constitution and amending it, taking into account the positions of well — known domestic lawyers in the field of constitutional law. Special attention is paid to the scientific and methodological approach of M. V. Baglaya refers to the methodology of teaching the course of constitutional law in Russia, which is of fundamental importance in the era of reforming higher education in our country, as well as changing the concept of academic training of lawyers.

Key words: M. V. Baglay; Constitution of the Russian Federation; constitutional law; state power.

УДК 342

ЭССЕ О ДВУХ ЛИЧНЫХ НОТАХ В ПАРТИТУРЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ СИМФОНИИ

Панкратов В. В.

*кандидат юридических наук, заместитель декана
по научно-исследовательской работе
юридического факультета,
Академия труда и социальных отношений;
государственный советник РФ 3 класса,
г. Москва, Россия*

Аннотация. Данная работа представляет собой очерк личных воспоминаний автора о выдающемся правоведо-конституционалисте М. В. Баглае. Автор анализирует роль личности ученого в истории отечественного права, а также специфику его карьеры и научных интересов в разные периоды жизни.

Ключевые слова: Ростовский-на-Дону государственный университет; Московский государственный университет; Академия труда и социальных отношений; Конституционный Суд РФ.

Мое первое «знакомство» с Маратом Викторовичем относится к тому времени, когда я еще был ребенком...

Теплым осенним вечером отец забрал меня из детского сада. Вместе с ним и его товарищем мы шли по центральной улице Ростова (которая тогда носила имя Фридриха Энгельса). На нечетной стороне улицы (той, где располагалось здание Управления НКВД СССР по Азово-Черноморскому

краю), между переулками Халтуринским и Братским, находилось некое торговое предприятие (магазин). В него мы и зашли, спустившись по трем или четырем ступенькам в полуподвальное помещение. Оно было просторным. Меня удивили высокие, выше моего роста, круглые столы без стульев. За столами стояли люди. Народоу было немного.

Мои спутники занялись своими делами, а мне дали сушку, густо обсыпанную прозрачными кристалликами белесой соли, и я тут же попробовал ее на вкус. Сушка оказалась не столько соленой, сколько отвратительно горькой. Эффект неприятных ощущений усилил факт того, что поначалу я принял белесые кристаллы за сахар. Благодаря этому, по сути, крайне неприятному для детского сознания воспоминанию, этот эпизод и запал в мою память.

Позже я узнал, что товарища моего отца зовут Маратом, а место, в котором мы тогда побывали, — называлось «Пивная». Отец и его знакомый вместе учились на юридическом факультете Ростовского-на-Дону государственного университета и сдружились на всю жизнь (хотя имели различные точки зрения на многие вопросы и вечно спорили друг с другом).

Когда волею судеб я перебирал то, что осталось от отцовской библиотеки, я словно становился свидетелем тех споров — поскольку их отголоски читались в текстах дарственных надписей, которые Марат Викторович Баглай (а это и был тот самый приятель моего отца) оставлял на форзацах или авантитулах подаренных моему отцу изданий собственного авторства. Если поразмыслить над содержанием этих посвящений, то может показаться, что иная книга написана исключительно с целью доказать правоту одного из спорщиков (полагаю, что у Марата Викторовича была аналогичная коллекция букинистики). Ну, может, менее объемная.

Всей своей жизнью и карьерой мой отец доказывал и, считаю, доказал, что инстинкт продолжения рода сильнее инстинкта самосохранения. В этом споре Марат Викторович Баглай всегда занимал сторону моей матери, называя моего отца «печальным однолюбом». Думаю, он всё же ошибался... Одно знаю наверняка — он не признавал обшеченной лексики. Не признавал до такой степени, что сам никогда ею не пользовался. В застольях с его участием это заставляло присутствующих подбирать слова и выражения, что делало некоторые мужские рассказы похожими на официальные выступления известного своими оригинальными словесными пассажами одного из бывших руководителей правительства нашей страны.

Юмор, однако, Марат Викторович ценил. От меня он впервые услышал анекдот (с юридическим подтекстом) о том, что Новый Завет в настоящее время действует в части, не противоречащей Ветхому. Позже он, как говорят, неоднократно его цитировал.

В 2006 году, посетив вместе со мной Останкинское кладбище, на котором был похоронен мой отец, М. В. Баглай обратил внимание на расположенное рядом с погребальным раскопом надмогильное сооружение. Буквы на мраморе читались плохо, и он поинтересовался:

— Владимир, это мама?

— Да, — ответил я

— Вот круг и замкнулся... — сказал он таким тоном, как если бы некое потаенное знание, которое было известно только ему одному, стало теперь очевидным и для окружающих.

В этом споре правда оказалась на его стороне.

В конце 1990-х годов моя старшая дочь решила поступать на юридический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Поскольку Марат Викторович работал в этом вузе, моя жена и мать попросили моего отца созвониться с Баглаем — «прощупать почву», так сказать, а может, и попросить посодействовать хотя бы в организационном плане.

(Нужно сказать, что в семье самого Марата Викторовича всегда называли по фамилии, а жену и дочерей — по именам. Почему так сложилось — не знаю.)

Отец позвонил...

— Ты знаешь, — сказал он на следующий день, — Баглай отказал. — Объяснил тем, что недостаточно хорошо знаком с соответствующими структурами вуза. Так что Настя будет поступать в общем порядке...

Я, конечно, огорчился. Моральная поддержка (не говоря уж о протекции со стороны столь именитого ученого) послужили бы дополнительным стимулом для дочери. Но вскоре я понял, что Марат Викторович поступил правильно и впоследствии (и не единожды в этом убеждался в дальнейшем). Потому что, получив на вступительном экзамене по теории права девять баллов, моя дочь была вне себя от переполнявшего ее счастья и осознания своего собственного успеха, а когда был опубликован приказ о ее зачислении на факультет — она по праву занесла это событие в личный табель своих самых значимых побед.

Позже я, волею судеб пообщался с одним из преподавателей, экзаменовавших мою дочь.

— Почему поставили девять баллов? — спросил я

Ответ был таков

— Эта девушка знала предмет на десять баллов, но ставить «десятки» нам в тот раз запретили...

Спустя несколько лет после окончания юридического факультета МГУ, моя дочь в долгих беседах со мной наглядно продемонстрировала мне ту многофакторную и сложную

модель знаний, которые она усвоила в лучшем российском вузе. Я был впечатлен.

От себя добавлю: обращение с просьбой о протекции к Марату Викторовичу, видимо, поставило его перед необходимостью сделать определенный моральный выбор. И он его сделал. Мудрый он был человек, тактичный и дальновидный.

AN ESSAY ON TWO PERSONAL NOTES
IN THE SCORE OF THE LAW SYMPHONY

Pankratov V. V.

*Candidate of Law, Deputy Dean for Research
at the Faculty of Law, Academy of Labor and Social Relations;
State Councilor of the Russian Federation, 3rd class,
Moscow, Russia*

Abstract. This work is an essay on the author's personal memoirs about the outstanding constitutional lawyer M. V. Baglay. The author analyzes the role of the scientist's personality in the history of Russian law, as well as the specifics of his career and research interests in different periods of his life.

Key words: Rostov-on-Don State University; Moscow State University; Academy of Labor and Social Relations; Constitutional Court of the Russian Federation.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ
В ЮЖНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
(г. Ростов-на-Дону)

Гости и участники
конференции

Президиум Всероссийской
научно-практической
конференции
«Социальное партнерство
и социальные права
граждан в конституционном
пространстве
современной России»
(памяти Председателя
Конституционного Суда РФ
в отставке доктора
юридических наук,
профессора М.В. Баглая)

Вступительное
слово зав. кафедрой
конституционализма
ЮФУ, руководителя
НОЦ судебного
конституционализма
ЮФУ **Н. С. Бондаря**

Председатель
Федерации
профсоюзов
Ростовской
области
А. В. Лозыченко

Декан юридического
факультета ЮФУ
И. П. Зиновьев

С. Г. Кузнецов,
заместитель губернатора
Ростовской области
(1994–2010), председатель
Общественной палаты
г. Ростова-на-Дону
(2017–2022), близкий
товарищ М. В. Баглая

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ
В АКАДЕМИИ ТРУДА И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(г. Москва)

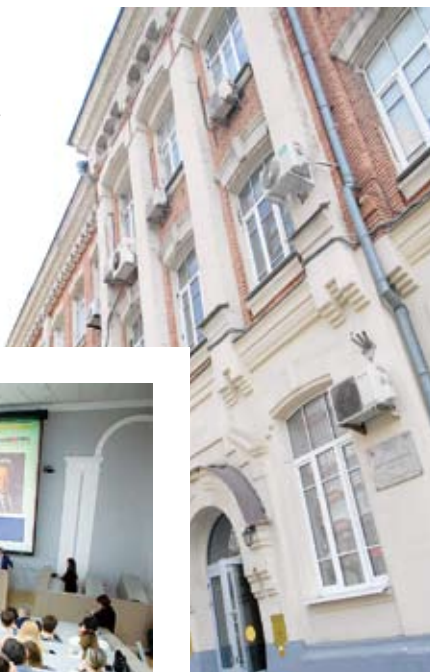

Идет совместное заседание ростовской и московской площадок Всероссийской научно-практической конференции «Социальное партнерство и социальные права граждан в конституционном пространстве современной России» (памяти Председателя Конституционного Суда РФ в отставке, доктора юридических наук, профессора М. В. Баглая)

Участники научно-практической конференции — нынешние и будущие последователи их выдающегося земляка, классика теоретической и практической юриспруденции **Марата Викторовича Баглая** — во время работы форума в здании юридического факультета Южного федерального университета

НЕКОТОРЫЕ ТРУДЫ М. В. БАГЛАЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПРОФСОЮЗНОМУ ДВИЖЕНИЮ И КОНСТИТУЦИОННОМУ ПРАВУ

1. Правовые методы усиления эксплуатации трудящихся в странах капитала: основные тенденции соврем. буржуазного трудового права / М. В. Баглай, В. И. Усенин. — Москва: Наука, 1964.
2. Международное рабочее и профсоюзное движение на современном этапе / М. В. Баглай. — Москва: Профиздат, 1979.
3. Курсом мира и единства / М. В. Баглай, Г. А. Николаев, В. Е. Сергеев, В. Е. Можаяев. — Москва: Профиздат, 1982.
4. Советские профсоюзы: роль, функции, права / М. Баглай. — Москва: Прогресс, 1982. — 302 с.
5. Профсоюзное движение в СССР Теория, история, практика: учебное пособие / Г. П. Алексеев, М. В. Баглай, В. А. Кадейкин. — Москва: Профиздат, 1983. — 128 с.
6. Профсоюзы в политической системе социализма / М. В. Баглай. — Москва: Юридическая литература, 1984.
7. Профсоюзы освободившихся стран: борьба за развитие / М. В. Баглай. — Москва: Профиздат, 1988.
8. История профсоюзного движения за рубежом, конец XVIII в. — 1945 г.: учебное пособие / подгот. М. В. Баглай и др. — Москва: Профиздат, 1990. — 317 с.
9. Социализм, правовое государство, трудящиеся. — Москва: Профиздат, 1990.
10. Дорога к свободе / М. В. Баглай. — Москва: Международные отношения, 1994. — 318 с.
11. Конституционное право Российской Федерации: учебник для юридических вузов и факультетов. — Москва: ИНФРА-М: Кодекс, 1996¹.
12. Малая энциклопедия конституционного права. — Москва: БЕК, 1998.
13. Президенты Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки: роль, порядок выборов, полномочия / М. В. Баглай. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2012.

¹ Переиздания учебника состоялись в 1997–2023 гг. в издательстве «Норма; Инфра-М».

— Научное издание —

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО
И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН
В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сборник статей
по итогам Всероссийской
научно-практической конференции
«Социальное партнерство и социальные права граждан
в конституционном пространстве современной России»

22 марта 2024 г., Ростов-на-Дону — Москва

Scientific publication

**Social partnership and social rights of citizens
in the constitutional space of modern Russia**

*Collection of articles based on the results
All-Russian scientific and practical conference*

Корректор — П. В. Багров. Редактор — © Д. В. Нефедов.

Дизайн и верстка — © АНО «Спутник науки»,
<https://profpresslit.ru>, <https://sputnik-nauki.ru>, тел. (863) 241-37-43

Отпечатано в РИК АНО «Спутник науки».

Сдано в набор 11.11.2024 г. Подписано в печать 22.02.2025 г. Формат 64x80/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура MinionPro.

Усл. печ. л. — 16,9. Тираж 100 экз.

ISBN 978-5-6052252-4-9

9 785605 225249 >